

**Московский Государственный университет
имени М. В. Ломоносова**

На правах рукописи

Щеглова Дарья Валерьевна

Механизмы воспроизводства национализма в условиях глобализации

Специальность

09.00.11- Социальная философия

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата наук

Научный руководитель:

д.ф.н., профессор Рыбаков С.Е.

Москва 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Теоретико-методологические основы изучения феномена нации и национализма	17
§1. Политические, социальные и экономические предпосылки генезиса национализма. Эволюция понятия «нация»	17
§2. Анализ основных подходов к исследованию национализма в современной науке	35
ГЛАВА 2. Проблема воспроизводства национализма	82
§1. Что понимается под воспроизводством национализма?	82
§2. Механизмы внутреннего воспроизводства национализма	93
§3. Механизмы внешнего воспроизводства национализма	118
§4. Перспективы воспроизводства национализма и развития национальных государств в условиях глобализации	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161
БИБЛИОГРАФИЯ.....	168

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современном постиндустриальном обществе, где под давлением процессов глобализации традиционные институты, паттерны взаимодействия и ценности подвергаются метаморфозам или вырождению, такая традиционная форма организации политических сообществ как национальное государство остается доминирующим субъектом международной политики. «Нации-государства» все еще задают «базовую “референтную сетку” всех политических процессов в мире»¹.

В XXI в. национальные вопросы не перестают играть ключевые роли. Национальные конфликты, поиск и сохранение собственной национальной идентичности все так же являются существенными факторами и занимают значительное место в жизни полиэтнических государств, к которым относится и Россия.

Самому появлению связки «нация-государство» и фактически постулированию нации как нового и главенствующего субъекта истории, мы обязаны установлению Вестфальской системы международных отношений в 1648 г., существующей и по сей день. Вестфальская система провозгласила своими основными принципами приоритет национального интереса, приоритет государств-наций и нерушимость принципа государственного суверенитета. Начиная с данного времени в западной традиции нация стала восприниматься исключительно как тотальность, проявляющая свою политическую волю на четко определенной территории.

За несколько эпох, отделяющих современность от Нового времени, которому мы обязаны появлением связки «нация-государство», в мире появилось не только большое количество новых национальных государств, но и огромное число наднациональных институтов – этот процесс социально-политической трансформации продолжается и сегодня.

---

¹ Мельвиль А.Ю. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М., 2007. С. 13.

Увеличение количества международных организаций, а также развитие международной торговли, появление транснациональных корпораций, интеграция национальных экономик и слияние национальных рынков в мировой рынок во многом привели к пересмотру понятия суверенитета и независимости.

Глобализация послужила причиной не только социально-экономических, - политических, но и -культурных изменений. Многие нации рассматривают, усилившееся с развитием современных средств коммуникации, сближение с другими культурами, диффузию ценностей и унификацию культурных моделей как угрозу не только для существования собственной культуры, но и угрозу существования нации вообще. Этот иррациональный страх служит катализатором процессов определения собственной национальной идентичности, доводя потребность в реализации и самоопределении до предела.

Вполне объяснимо стремление каждой нации сохранить свою национальную идентичность, свои традиции и ценности, свою культуру и язык, т.е. те характеристики, которые делают ее чем-то большим, чем случайным скоплением масс. Помимо сохранения символических ценностей нация стремится и к сохранению ресурсов вполне материальных, а именно собственной территории¹.

Вместо унификации культурных парадигм или ассимиляции глобальных ценностных установок у нации наблюдается реставрация традиционных или воспринимаемых как традиционные псевдонорм, которые рассматриваются данным этносом как существенные или даже сущностные. Глобализация вместо нивелирования различий, что ведет к успешной коммуникации, наоборот порождает новые нюансы, что ведет к большей конфронтации.

На протяжении последних десятилетий в академическом и политическом дискурсивном поле возникают ожесточенные дискуссии о том, когда же закончится эпоха национализма и что придет ей на замену. Вестфальская система международных отношений действительно переживает острый кризис в XXI в. и

---

¹ Движение за отстаивание ценности собственной территории получило название «новый локализм».

этот факт трактуется многими исследователями как признак окончательного упадка национальных государств и перехода к новому мировому порядку, который уже не базируется на нерушимой с Нового времени связке «nation-state» (нации-государства), однако, говорить о закате национализма и «забывать нацию» рано.

Актуальность исследования обусловлена практической значимостью проблем, стоящих перед национальными государствами. Глобализационные процессы «подмывают» основы национальных государств, вынужденных ежедневно проходить проверку на прочность. С одной стороны, национальное государство противостоит процессам глобализации и сопутствующему этим процессам размытию национальных границ, постоянно доказывает собственное право выполнять свои функции перед транснациональными организациями. С другой стороны, национальное государство находится в бесконечной схватке с этнополитическим движениям и сталкивается с радикальным проявлением этничности, которая начинает играть все большую роль.

Подъем национальных движений, увеличение популярности ультраправых, умело использующих в своих политических целях угрозу эрозии национальной идентичности, новые примеры нациестроительства, инициализация поиска национальной идентичности и другие явления, спровоцированные глобализацией, подводят нас к вопросам сосуществования национализма и глобализации, самой природе таких явлений как нация и национализм, механизмах их поддержания, воспроизводства и перспективах дальнейшего существования. Представляется крайне актуальным исследовать функционирование категории «нация-государство», созданной в эпоху индустриализации, в совершенно новую постиндустриальную эпоху.

Помимо практической злободневности остается неразрешенным внутренним для этносоциологии конфликт примордиализма и конструктивизма как теоретико-методологических подходов к изучению феноменов нации и национализма.

Нам кажется весьма перспективным показать возможности применения методологии конструктивизма к исследованию прикладных проблем, таких как

соотношение национализма и глобализации, воспроизводство национализма и сохранение национальной идентичности в современных условиях.

Выбранный ракурс исследования представляется актуальным и находится в русле современных тенденций изучения феноменов нации и национализма, характеризующихся увеличением количества эмпирических работ и сосредоточенности на анализе отдельных проблемных областей.

Степень научной разработанности темы. Феномены нации и национализма, исследование которых является целью данной работы, стали объектами научного изучения сравнительно недавно, несмотря на то, что в обыденной жизни самим понятием «нации» оперировали на протяжении продолжительного времени.

Основоположником научного подхода к проблеме нации и национализма можно назвать французского философа и историка религий Э. Ренана, опубликовавшего в 1882 г. знаковую работу «Что такое нация?», которая положила начало современному вектору исследований этой проблематики. До Ренана в большинстве работ представителей академического сообщества Нового времени нации и национализм не подвергались комплексному и объективному анализу и рассматривались, главным образом, как нечто разумеющееся и очевидное.

Таким образом, выбранная для данного исследования тема находится на стыке проблемных областей нескольких наук. Поэтому ее исследование было сопряжено с заимствованием теоретических разработок из нескольких наук: истории, социологии и социальной философии.

Вслед за Ренаном путем комплексного изучения наций и национализма прошли многие зарубежные и отечественные ученые. Поскольку нация и национализм принадлежат к разряду социальных явлений, их изучением занимается сразу несколько наук, исследующих разные аспекты жизни общества, живой интерес к анализу проблематики проявляют и социологи, и политологи, и социальные философы, и антропологи, и этнографы, и психологи, и историки и даже филологи.

Тот факт, что выбранная проблематика находится в сфере ведения стольких наук, подтолкнул нас к применению междисциплинарного подхода.

Во время работы над диссертацией нами были проанализированы труды многих западных и отечественных ученых, среди которых стоит выделить политологов – Г. Моргентау, И. Ноймана, Ф. Фукуямы, О. Малиновой, С. Каспэ и других¹; философов – И.Г. Гердера, лорда Актона, аббата Сийеса, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегеля, И. Канта, В.И. Ленина, К. Хьюбнера, Ю. Хабермаса и других²; историков – М. Манна, Э. Хобсбаума, О. Дана, Ч. Тилли, Д. Армстронга, Ю.И. Семенова, А.И. Миллера и других³; социологов – Г. Лебона, Э. Гидденса, У. Бека, С. Хантингтона, З. Баумана, И. Валлерстайна, Ф. Тенниса, М. Вебера, П. Бергера,

¹ Morgenthau H. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. NY: Albert A. Knopf, 1948; Нойман И. *Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. М.: Новое издательство, 2004; Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ, АСТ Москва, Полиграфиздат, 2010; Малинова О.Ю. *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: РОССПЭН, 2015; Каспэ С. И. *Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай*. М.: РОССПЭН, 2012.

² Гердер И. Г. *Идеи к философии истории человечества*. М.: Наука, 1977; Лорд Актон. *Очерки становления свободы*. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992; Э.-Ж. Сийес. *Что такое третье сословие? // Аббат Сийес: От Бурбонов к Бонапарту*. СПб.: Алетейя, 2003; Фихте И.Г. *Речи к немецкой нации*. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2008; Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990; Он же. *Лекции по философии истории*. М.: Наука, 1993; Кант И. *Метафизика нравов // Кант И. Собрание сочинений в 8 тт. Т. 6*. М.: ЧОРО, 1994; Он же. *Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Кант И. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 2*. М.: ЧОРО, 1994; Он же. *Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т.7*. М.: ЧОРО, 1994; Ленин В.И. *Критические заметки по национальному вопросу. О праве наций на самоопределение*. М.: Госполитиздат, 1954; Он же. *Тезисы реферата по национальному вопросу. // Полное собр. соч. Изд. 5-ое. Т.24*. М.: Политиздат, 1973; Хьюбнер К. *Нация. От забвения к возрождению*. М.: Канон+, 2001; Хабермас Ю. *Вовлечение другого. Очерки политической теории*. СПб.: Наука, 2008; Foucault M. *Of other spaces, Heterotopias. // Rethinking Architecture: A Reader in Cultural Theory*. Ed. by N. Leach. NY: Routledge, 1997.

³ Mann M. *The Sources of Social Power. Volume II: The Rise of classes and nation-states, 1760-1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; Hobsbawm E., Ranger T. *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; Hobsbawm E. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; Данн О. *Нации и национализм в Германии 1770-1991*. СПб.: Наука, 2003; Tilly C. *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton: Princeton University Press, 1975; Armstrong J. A. *Nations Before Nationalism*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1982; Он же. *Towards a Theory of Nationalism: Consensus and Disconsensus. // Notions of Nationalism*. Budapest: Central European University Press, 1995; Семенов Ю. И. *Философия истории*. М.: Современные тетради, 2003; Миллер А.И. *Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования*. М.: Новое литературное обозрение, 2008; Он же. *Нация как рамка политической жизни. // Pro et contra. 2007. №3 (37)*.

Т. Лукмана, П. Бурдые и других¹; и, конечно, непосредственно исследователей проблем этничности, наций и национализма – Э. Ренана, Г. Кона, Р. Брубейкера, Б. Андерсона, М. Биллига, Л. Гринфельд, Э. Геллнера, Х. Бхабхи, К. Калхуна, Д. Бройи, Э. Смита, В.А. Тишкова, Ю.В. Бромлея, В.С. Малахова, В.В. Коротеевой, Л.М. Дробижевой, С.Е. Рыбакова и других².

---

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995; Гидденс Э. Ускользящий мир. М.: Весь Мир, 2004; Он же. *Nation State and Violence. Volume Two of A Contemporary Critique of Historical Materialism.* Cambridge: Polity Press, 1985; Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008; Он же. Что такое глобализация?. М.: Прогресс-традиция, 2001; Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Издательство АСТ, Транзиткнига, 2004; Бауман З. «Текущая современность». СПб.: Питер Пресс, 2008; Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005; Балибар Э. Валлерстайн И. Раса. Нация. Класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004; Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002; Вебер М. Национальное государство и народнохозяйственная политика. // Вебер М. Политические работы. 1895-1919. М.: Праксис, 2003; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995; Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001; Он же. Социология социального пространства. Сборник статей. СПб.: Алетейя, 2007; Он же. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005.

² Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т.6. Киев: Издательство Б.К.Фукса, 1902; Kohn H. *The Idea of Nationalism. A Study in its Origins and Background.* NY: Macmillan, 1946; Он же. *Nationalism: Its Meaning and History.* Malabar, FL: Krieger Publishers, 1982; Deutsch K.W. *Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality.* Cambridge, Mass.: Massachusetts Institute of Technology Press, 1966; Он же. Рост наций // Этнос и политика. М.: Издательство УРАО, 2000; Кедури Э. Национализм. СПб.: Алетейя, 2010; Hroch M. *Social Precondition National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations.* NY: Columbia University Press, 2003; Брубейкер Р. Размышления о национализме и патриотизме // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010; Он же. Этничность без групп. М.: ВШЭ, 2012; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001; Биллиг М. Повседневное напоминание о Родине. // Логос. 2007. № 1 (58); Он же. Нации и языки // Логос. 2005. № 4 (49); Он же. *Banal Nationalism.* London: Sage, 1995; Гринфелд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: Per Se, 2008; Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991; Bhabha H. *Nation and Narration.* London: Routledge, 1990; Калхун К. Национализм. М.: ИД «Территория будущего», 2006; Breuilly J. *Nationalism and the State.* Manchester: Manchester University Press, 1993; Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002; Он же. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004; Он же. *The Ethnic Origins of Nations.* Oxford: Blackwell, 1986; Он же. *National Identity.* Reno: University of Nevada Press, 1991; Он же. *Nations and Nationalism in Global Era.* Cambridge: Polity Press, 1995; Он же. *The Nation in History: Historiographical Debates about Ethnicity and Nationalism (The Menahem Stern Jerusalem Lectures).* Hanover: University Press of New England, 2000. Он же. *Theories of nationalism.* London: Holmes and Meier, 1983; Nairn T. *Faces of Nationalism: Janus Revisited.* London: Verso, 1997; Он же. *The Break-Up of Britain: Crisis and Neo-Nationalism.* London: Verso, 1977; Заринов И.Ю. Социум – этнос – этничность – нация – национализм. // Этнографическое обозрение. 2002. № 1; Тишков В.А. Российский народ. Книга

В XX в. в научном дискурсе появилось несколько фундаментальных конкурирующих между собой подходов к изучению таких сложных феноменов как нация и национализм. На данный момент подобных подходов (или классификаций существующих теорий) стало чуть ли не больше, чем самих единичных теорий.

В частности, можно выделить два полюса исследований данной проблемы — примордиалистский подход, где национальная принадлежность человека является объективной данностью, имеющей свою основу в природе или в обществе, ее невозможно создать искусственно или навязать; и конструктивистский подход, где нация является искусственным образованием, результатом целенаправленной деятельности самих людей.

Мы считаем наиболее продуктивным, с точки зрения изучения феномена национализма, рассматривать именно оппозицию «примордиализм»/«конструктивизм».

Методологическая основа исследования. Автор придерживается конструктивистского подхода к пониманию феномена нации и национализма, современные политические процессы будут рассмотрены именно исходя из этой методологической установки.

Наряду с комплексным системным анализом феноменов национализма и

для учителя. М.: Просвещение, 2010; Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; Он же. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983; Он же. Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза. // Природа. 1971. №2; Он же. Еще раз о соотношении этнической и экономической общности. // Этнографическое обозрение. 1972. №3; Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М.: КДУ, 2005; Он же. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014; Он же. Государство в условиях глобализации. Учебное пособие. М.: КДУ, 2013; Коротеева В.В. Современные теории национализма. М.: Наука, 1999; Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х гг. М.: Мысль, 1996; Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. №12; Она же. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии. 2010. № 1; Рыбаков С.Е. Теоретико-методологические основы исследования этнических феноменов: дис. ... д-ра. философ. наук. Московский государственный университет. М.: 2001; Он же. Этничность и этнос // Этнографическое Обозрение. 2003. № 3; Он же. О методологии исследования этнических феноменов // Этнографическое Обозрение. 2000. № 5.

глобализации в исследовании были применены общенаучные принципы и методы познания.

В работе используется генетический, сравнительный, историографический методы, а так же другие общенаучные методы исследования. В процессе написания данной диссертации нами был проведен комплексный социально-философский анализ нации, применены методы дискурсивного анализа и диахронический метод исследования лексики, что позволило в полной мере проанализировать генезис понятийного аппарата и прийти к рабочим определениям нации и национализма.

В качестве рабочего определения нации мы будем использовать парафраз определения, данного Б. Андерсоном, считавшим, что нация – это «воображенное политическое сообщество, понимаемое как глубокое горизонтальное товарищество»¹. Сообщество является эгалитарным, т.к. общая национальная идентичность способна нивелировать классовые различия. **Нация**, вслед за Андерсоном, определяется нами как созданное в рамках осуществления политики национализма политическое сообщество, которое «воображается» по-разному разными людьми.

Национализм представляет собой способ постулирования, конструирования и поддержания существования коллективной идентичности, которой является нация. Раскрывая данное нами определение, можно отметить, что национализм как функциональное явление изначально был призван «породить» нацию, а потом не допустить ее исчезновения, изобретая, сохраняя и воспроизводя «национально полезные» общественные институты и практики.

При выработке собственной дефиниции национализма мы ориентировались на определение, данное Э. Смитом, предлагавшим понимать национализм как «идеологическое движение за достижение и сохранение самоуправления и независимости от имени группы, отдельные члены которой считают, что она

---

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 58–59.

образует действительную или возможную «нацию»¹.

Так же за основу нами было взято, пусть и достаточно обтекаемое и генерализированное, определение сформулированное К. Калхуном, считавшим, что «национализм представляет собой способ конструирования коллективных идентичностей, который появился вместе с преобразованиями в государственной власти, расширением дальних экономических связей, новыми средствами коммуникации и транспорта и новыми политическими проектами»².

Объект исследования. Объектом исследования является феномен национализма в контексте современных глобализационных процессов.

Предмет исследования. Предметом исследования являются механизмы внутреннего и внешнего воспроизводства национализма.

Цель и задачи исследования. Главная цель данного диссертационного исследования – проанализировать формы воспроизводства национализмов в современном глобальном мире.

Для достижения поставленной цели в работе решались **следующие конкретные задачи:**

- раскрыть понятия «нация» и «национализм», показать точки зрения на происхождение нации, продемонстрировать основные подходы к изучению феномена национализма, рассмотреть их возможности и ограничения;
- очертить круг связанных с нацией и национализмом терминов, показать их происхождение и применение в научном и повседневном дискурсе;
- выделить основные критерии и характерные признаки, отличающие различные исследовательские подходы к изучению нации и национализма, на основании этого определить конструктивистскую парадигму;
- проанализировать возможности применения конструктивистского подхода для объяснения функционирования национализма в условиях глобализирующегося мира;

---

¹ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий нации и национализма. М., 2004. С. 343.

² Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 33.

- определить основные механизмы внутреннего и внешнего воспроизводства национализма;
- исследовать внутреннее воспроизводство национализма через рассмотрение «банального национализма», патриотизма и «политики памяти»;
- исследовать внешнее воспроизводство национализма;
- изучить влияние на конструирование и репродуцирование нации ценностных установок, а так же политических риторик и их видоизменения под влиянием глобализации;
- определить сущность такого явления как глобализация, рассмотреть различные точки зрения на ее природу и эксплицировать ее влияние на современное общество;
- показать перспективы развития «наций-государств» в информационную эпоху.

Основная гипотеза исследования. В качестве основной гипотезы исследования нами было выдвинуто предположение о том, что националистическая логика продолжает воспроизводиться в рамках не только политического дискурса, но и в рамках повседневных, политически опосредованных практик. Через рассмотрение феноменов «банального национализма», патриотизма и «политики памяти» предпринимается попытка показать национализм не как некоторое статичное явление, свойственное лишь этапу первоначального построения национального государства и создания, по Ренану, нации-граждан. Национализм представляет собой непрерывный процесс самовоспроизводства, он постоянно «бередит» коллективную память и создает национальную идентичность.

Положения, выносимые на защиту, и научная новизна исследования:

- национализм представляет собой политико-идеологический принцип, лежащий в основе функционирования современных государств. Кроме того, национализм как определенная социальная практика ставит своей целью создать, поддерживать жизнеспособность и препятствовать разрушению созданного сообщества – нации. Подобные процессы и «усилия» по сохранению нации, имманентные самой природе национализма, мы будем

- называть воспроизводством;
- нация признается нами социально-политическим конструктом, связанным с этничностью. Этничность придает национализму содержательное наполнение и помогает воспроизводству национализма в обыденной жизни, однако его появление обусловлено другими причинами. При изначальном генезисе национальная идентичность вбирает в себя черты того или/и иного этноса, но национализм не всегда апеллирует к этническому прошлому в своем дальнейшем воспроизводстве;
  - внутреннее воспроизводство национализма выступает как цикличное постоянное постулирование национальной идентичности и построения национального образа, объектом воздействия выступает нация, живущая на территории определенного государства;
  - внешнее воспроизводство национализма проявляется в защите национальных интересов на международной арене, легитимации существования данной нации в глазах мирового сообщества наций-государств и оправданием притязаний на партикулярные ценностные установки, воспринимаемые как характерные для определенной нации;
  - демонтаж Вестфальской системы международных отношений и отказ от национального деления мира невозможен, т.к. наднациональные институты пока не обладают реальной независимой властью и мощью.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В диссертационном исследовании нами была предпринята попытка ввести новую проблематику в отечественные общественные науки, занимающиеся изучением наций и национализма. Для описания процессов, обеспечивающих нормальное существование современных наций, нами был введен новый термин «воспроизводство национализма».

Результаты, полученные в ходе проведения исследования, могут быть применены при проведении междисциплинарных исследований на стыке социальной философии, политологии и социологии. Полученные выводы могут быть использованы в учебных программах, при подготовке и чтении курсов,

посвященных изучению национальной идентичности как одного из видов коллективных идентичностей, исследованию наций и национализма, и перспективах существования этих феноменов в условиях глобализации.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Основные положения и результаты научного исследования опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук:

- 1) Щеглова Д.В. Роль стереотипов при построении позитивного и негативного национального образа. На примере России. // Этносоциум и национальная культура. 2015. №5 (83). С. 28-30.
- 2) Щеглова Д.В. Теоретико-методологические подходы к изучению феноменов наций и национализма, проблемы и основания для классификации. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9. Ч. 1. С. 211-213.
- 3) Щеглова Д.В. Историческая обусловленность типологизации национализмов на примере классификации Восточных и Западных национализмов. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 3(33). С. 272-275.
- 4) Щеглова Д.В. Как изучать этносы? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 [130]. С. 203-208.
- 5) Щеглова Д.В. Социально-политические причины семантической эволюции понятия «нация» // Социально-гуманитарные знания. 2015. №5. С. 348-352.
- 6) Щеглова Д.В. Национальные государства в условиях глобализации. Вымирание или возрождение? // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. №4 (232). С. 9-14.

Также результаты научной деятельности представлены ряде научных статей, опубликованных в России и за рубежом, и сборниках конференций, включая ежегодные научные конференции Ломоносов.

Личное участие автора в проведении исследования, и степень достоверности полученных результатов. Настоящая диссертационная работа представляет собой осуществленное лично автором оригинальное самостоятельное научное исследование социально-философской проблемы феномена национализма в условиях современной глобализации. Выбор предмета и объекта исследования, теоретические и методологические положения, методические и практические выводы диссертационного исследования, анализ и критическое обобщение зарубежной и отечественной литературы по исследуемой проблеме являются результатами самостоятельной работы автора.

Обоснованность и достоверность результатов проведенного диссертационного исследования достигается за счет соблюдения фундаментальных принципов научного исследования, эффективности избранной методологии, соответствия сущностного содержания работы ее целям и задачам, исходным теоретическим позициям и сформулированной научной гипотезе. При работе над диссертацией автор опирался на достаточный круг источников по теме исследования, в том числе и на иностранных языках, что так же подтверждает высокую степень достоверности полученных результатов.

Структура диссертационного исследования. В соответствии с логикой решения поставленных задач, работа состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения и библиографического списка литературы.

В первой главе национализм рассматривается как социально-исторический феномен, дается определение основных терминов по данной проблематике, рассматриваются концепции основных представителей конструктивистского подхода, проводится генетический анализ феномена национализма.

Вторая глава посвящена механизмам воспроизводства национализма, имеющим место в двух взаимосвязанных плоскостях – внутри и вовне; так же

анализируются перспективы развития национальных государств в эпоху глобализации.

ГЛАВА 1. Теоретико-методологические основы изучения феномена нации и национализма

§1. Политические, социальные и экономические предпосылки генезиса национализма. Эволюция понятия «нация»

Феномен национализма и неразрывно связанный с ним концепт «нация» стали объектами научного исследования сравнительно недавно. При этом само понятие «нация» появилось и использовалось в политическом, литературном и повседневном дискурсе задолго до того, как оно было введено в европейскую науку.

Основоположником научного подхода к проблеме нации и национализма можно назвать французского философа и историка религий Э. Ренана. До него в большинстве работ нации и национализм рассматривались главным образом как эпифеномены, представляющие собой лишь историческую декорацию, нечто очевидное и само собой разумеющееся.

Лекция Ренана 1882 г. «Что такое нация?» ставила своей целью провести исторический анализ сущности нации и беспристрастно ответить на вопрос, вынесенный в заглавие, используя такие характеристики как язык, раса, общие интересы, династический принцип, территориальное устройство и религия. Каждый из этих факторов рассматривался предшественниками Ренана как значимый, если не самый значительный. Ренан в своих исследованиях пошел дальше коллег, придя к выводу, что формирование нации не сводится к озвученным выше принципам и заявив, что все они не способны объяснить суть феномена. Для него основой нации становится коллективная память о прошлом и индивидуальный выбор человека: «Нация – это духовный принцип, результат глубоких усложнений истории. <...> Две вещи, являющиеся в сущности одною, составляют эту душу, этот духовный принцип. Одна – в прошлом, другая – в будущем. Одна – это общее обладание богатым наследием воспоминаний, другая – общее соглашение, желание жить вместе, продолжать сообща

пользоваться доставшимся неразделенным наследством»¹.

Ренан утверждает, что общее прошлое способно объединить людей разных рас, тем самым говоря о нерасовом (и неэтническом) характере нации и противопоставляя свой подход этнографическому. «Разделять в прошлом общую славу и общие сожаления, осуществлять в будущем ту же программу, <...> несмотря на различия расы и языка. Нация – это великая солидарность, устанавливаемая чувством жертв, которые уже сделаны и которые расположены сделать в будущем. <...> Существование нации – это (если можно так выразиться) повседневный плебисцит, как существование индивидуума — вечное утверждение жизни»².

Нам представляется, что под расами Ренан понимал не расы в современном смысле слова, а этносы (в широком смысле), поскольку среди названных им рас присутствуют франки, ломбарды, норманны, готы, бургунды и другие³.

Мы достаточно подробно остановились на воззрениях Э. Ренана не только из-за его роли в постулировании нации как объекта науки, но и для того, чтобы очертить круг терминологических сложностей, которые могут ждать нас в дальнейшем.

Безусловно подобная понятийная путаница появилась не сегодня и даже не во времена Ренана, но связана с долгой историей развития номинаций. Нередко можно встретить употребление термина «нация» в качестве синонима «народа», «народности», «национальности», даже «этничности» и «этноса», так, например, все еще существует пагубная традиция использовать понятие «многонациональный» говоря о «полиэтнических» государствах⁴, о чем будет сказано ниже.

Интуитивная понятность и ложная однозначность понятий «нация» и «национализм» приводят к тому, что они редко дефинируются и часто

---

¹ Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т.6. Киев, 1902. С. 101.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 92.

⁴ В частности, от лица многонационального народа России написана Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г.

подменяются.

Отсутствие смыслового единства характерно и для смежных с нацией понятий. В иностранной традиции «национальность» (nationality) используется для обозначения страны происхождения, т. е. членства в составе нации или суверенного государства, что обычно, в практической политике, реферирует к гражданству. «Гражданство» (citizenship) является более узким понятием и обозначает лишь право участвовать в политической жизни страны. В отечественной традиции термин «национальность» является синонимом этничности, т. е. принадлежности к определенному этносу, но не нации. Когда говорят, что Россия представляет собой многонациональное государство, то под многонациональностью подразумеваются, прежде всего, включенные в состав этносы, как то: абхазы, татары, русские, украинцы, нанайцы, буряты и еще более ста восьмидесяти различных этнических групп.

Такой непоследовательный подход к использованию понятий часто играет на руку политическим деятелям, идеологам, средствам массовой информации и используется ими для достижения своих конкретных целей, что делает исследователей невольными соучастниками полемических баталий, ведущихся вне академического поля и не академическими методами, и еще более усложняет проведение объективного изучения концепций.

Одна из известных в США исследователей проблем рас и этничности, В. Тиллей, справедливо замечает, что «большинство споров в академических кругах могли бы быть решены, если бы люди изначально уделили время определению используемых терминов (перевод мой – Д.Щ.)»¹.

В силу того, что используемые в данной работе понятия весьма многозначны и неоднородны, во избежание семантических коллизий логичным будет в первую очередь проследить за формированием понятийного аппарата проблемы, обозначить терминологию и ее применение в дискурсе научного сообщества и повседневности, определить когда нация стала полноправным

---

¹ Tilley V. The Terms of Debate: Untagling Language about Ethnicity and Ethnic Movements // Ethnic and Racial Studies. 1997. №20 (3). P. 497.

субъектом истории, национализм упрочил себя в виде политического принципа и специфической социальной практики, а затем уже очертить основные подходы и методологии исследования данной проблематики, провести исторический анализ концептов нации и непосредственно перейти к основной части работы – проблеме воспроизводства национализма в условиях глобализации.

Для осуществления поставленных задач, нам кажется уместным прибегнуть к диахроническому методу (по Ф. де Соссюру). Начать «распутывать клубок» значений и приступить к анализу понятийного аппарата разумно с античности, т.к. номинацию явления породили именно греческая и римская истории. Поскольку существовали понятия, существовал и связанный с ними корпус представлений и значений. Ниже мы попытаемся разобраться каких именно.

Исторически обусловленная смена политических, экономических и культурных условий приводила не только к трансформации социальных отношений и порождению новых социальных феноменов, но и к содержательным трансформациям в устоявшемся терминологическом аппарате, который эти социальные реалии описывал. Эта тенденция не обошла стороной и понятие «нация», смысловое наполнение которого несколько раз кардинально менялось и «эволюционировало», пока не обрело своего современного значения.

Понятие «natio» (народ) восходит к глаголу nasci (nascor), что означает родиться¹², и использовалось наряду с почти равнозначным ему понятием «gens» (народ и род), имеющим изначально схожие этимологические истоки (корень g'enh – порождаться, родиться)³. Оба понятия указывали на происхождение принадлежащего к ним индивида, при этом «gens» употреблялось чаще и было шире, чем «natio», включая в себя его содержание.

Известный исследователь феномена «национализма» Л. Гринфельд, основываясь на трудах Г. Зернатто, отмечает, что «нация» происходит от

¹ Хачатурян Н.А., Варьяш И.И., Гусарова Т.П. и др. Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2015. С. 42.

² Там же. С. 9.

³ Народ, нация, национализм, масса // Словарь основных исторических понятий. В 2-х т. Т.2. / под ред.: Арнаутова Ю. М., 2014. С. 364.

латинского «natio», означающего нечто рожденное (помет, приклад)¹. Составители фундаментального академического труда «Словарь основных исторических понятий» связывают именно с этим значением «natio» сам факт того, что оно использовалось реже, воспринимаясь как абстрактное понятие и выступая в большинстве своем словом-субститутом, позже применяясь для описания «народностей», входивших в состав собственно «народа» («gens»)².

Именно «natio», а не «gens» использовалось для обозначения происхождения человека, оказавшегося за границей; и наоборот – группы иностранцев, оказавшихся в границах другого государства и ведущих происхождение из одного региона. Этот географический смысл сохранился в понятии «нация» вплоть до XIX в. и отчасти продолжает существовать и сейчас в производном от него слове «национальность»³.

Очевидно, что в древнегреческих источниках невозможно встретить употребление понятия «нация», ввиду его латинской этимологии. Греки пользовались понятием «этнос» (ἔθνος), что означало народ, племя и тоже говорило о происхождении. Этот смысл отражается и в «локативных прозвищах», которые служили средством идентификации индивидов (например, Гераклит Эфесский, Пифагор Самосский, Диаген Вавилонский, Кратет Афинский и т.д.). Наряду с этносом в обиходе было понятие «демос» (δῆμος) так же обозначающее народ, общину.

В античной Греции прослеживается четкая диуровневая структура гражданского чувства общности и его политическая коннотация, помимо деления между теми, кто принадлежал к греческой культуре (элины) и не принадлежал (варвары), внутри самого греческого общества: «на одной стороне стоят πόλις (первоначально “крепость”, потом “город”) и δῆμος (букв. “община”), на другой — ἔθνος (“народ[ность]”, “племя”, в буквальном значении — “сон”),

¹ Цит. по: Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008. С. 9.

² Народ, нация, национализм, масса // Словарь основных исторических понятий. В 2-х т. Т.2. / под ред.: Арнаутова Ю. М., 2014. С. 365.

³ Данн О. Нации и национализм в Германии 1770-1990. СПб., 2003. С. 8.

“толпа”) и κοινὸν (букв. “общество”)¹. Подобные политические величины мало соотносятся со своими современными значениями, представляя собой скорее не народы, в нашем нынешнем понимании, а государства, являющиеся в рамках античной традиции не абстрактной совокупностью институтов, а вполне реальной совокупностью людей.

Другим политическим измерением использования обозначенных терминов внутри греко-римского мира были так же статусные отношения, где община граждан полиса («демос») главенствует над негражданами, обладающими *ex definitio* меньшими правами и меньшим статусом. В Риме «*populous*» (так же «*gens*», «*natio*» и «*civitas*») отождествлялись со статусом граждан. При этом зачастую «*demos*» и «*populus*» использовались и противоположно своим статусным номинациям, обозначая народ т.е. подвластных, а не властвующих. И. Кант в «Антропологии с прагматической точки зрения» очень тонко выразил различие между «верхом» и «низом»: «Под словом народ (*populus*) понимают объединенное в той или другой местности множество людей, поскольку они составляют одно целое. Это множество или часть его, которая ввиду общего происхождения признает себя объединенной в одно гражданское целое, называется нацией (*gens*), а та часть, которая исключает себя из этих законов (дикая толпа в этом народе), называется чернью (*vulgus*), противозаконное объединение которой называется скопищем (*agere per turbas*); это такое поведение, которое лишает их достоинства граждан»².

Было и другое, практически неполитическое понятие народа, для него применялось слово «этнос» (реже *φῦλον* – «род»), его содержание близко к современному. Народ в смысле *ἔθνος* оставался «народом» даже тогда, когда утрачивал свое политическое единство³.

Римляне восприняли плоды греческой культуры, в том числе переняли и

¹ Народ, нация, национализм, масса // Словарь основных исторических понятий. В 2-х т. Т.2. / под ред. Арнаутова Ю. М., 2014. С. 340–341.

² Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. // Кант И. Сочинения в 8-ми томах. Т.6. М., 1994. С. 350.

³ Об этом подробнее см.: Народ, нация, национализм, масса // Словарь основных исторических понятий. В 2-х т. Т.2. / под ред.: Арнаутова Ю. М., 2014. С. 339, 355–356.

политические представления греков, обогатив терминологию в ходе практики; сохранилась дихотомия между чужеземцами/гражданами, и политическим/неполитическим содержанием общностей.

Античные термины без особых изменений переключались в современность, оставшись с той же формой, но другим содержанием. По этой причине греко-римские нации и этносы, очевидно, не могут считаться нациями и этносами в нынешнем понимании, описывая реалии прошлого, но не реалии настоящего.

Как отмечает Ю. Хабермас «natio» в Риме еще не имела того политического государствообразующего значения, которое характерно для современности: «Согласно классическому словоупотреблению римлян, понятие “natio” равно как и “gens” противопоставляется понятию “civitas”. Нации – это общности, связанные прежде всего происхождением, интегрированные географически - за счет расселения и соседства, культурно – за счет общего языка, общих нравов и традиций, но еще не политически – помимо рамок какой бы то ни было формы государственной организации. В Средние века и начало Нового времени этот корень сохраняется везде, где “natio” отождествляется с “lingua”»¹.

Тем самым, кажется весьма опрометчиво вести существование современных наций от античных греков, в частности, как это предлагает немецкий философ К. Хюбнер, считающий, что уже в это время, задолго до эпохи Нового времени и Средневековья нация представляла собой «субстанциальную основу государства»².

При этом, конечно, не стоит впадать и в релятивизм, отрицая некоторые общие черты, которые свойственны нациям современности и нациям Античности, например: принципы социальной демаркации и постулирование дихотомии «свой»/«чужой» через обращение к понятию «нация». Историк Г. Кон прослеживает происхождение фундаментальных черт современного национализма еще от древних евреев, говоря о таких качествах, как: «идея избранного народа, акцент на общей коллективной памяти о прошлом и надеждах

---

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2008. С. 204.

² Хюбнер К. Нация. М., 2001. С. 9.

на будущее, и, наконец, национального мессианизма (перевод мой – Д.Щ.)»¹.

В Средние века греко-римский понятийный аппарат заимствуется в национальные языки вновь образованных в Европе государств, преломляясь в каждом по-своему и/или используя наряду с местными словами этого же ряда (вроде немецкого *volk*, обозначающего народ).

Как мы уже отмечали, территориально-корпоративное значение остается частью понятия «нация» на протяжении всех Средних веков, и используется в основном для обозначения студенческих университетских сообществ и делегатов от одной земли на церковных соборах². Связь с общностью происхождения становится неотъемлемым этническим компонентом нации, поскольку зачастую общность происхождения связывалась с кровным родством.

Помимо этого понятие «*natio*» обрывает еще одним, сословно-политическим смыслом, выражая принадлежность к светской или церковной элите³. По отношению к представителям всех сословий в рамках государственно-территориального функционирования понятие «нация» все еще использовалось крайне редко. Тем не менее историк О. Данн отсылает нас именно к Средневековью (в IX–X вв.) за первыми зачатками нации как государствообразующей силы.

Исходя из немецкой истории, Данн отмечает, что в то время группы знати, управляющие народом (*gentes*) и связанные друг с другом этнической общностью, вместе образовали солидарное общество для защиты собственных политических интересов. Только к XIII в. эти союзы высшей знати перешли к образованию государства⁴.

Но по-настоящему политическим сообществом нация становится лишь во времена Позднего Средневековья, благодаря образованию новой формы государственности – земельному суверенитету. Тем самым произошла

---

¹ Kohn H. *Nationalism: It's Meaning and History*. Malabar, Florida, 1982. P. 11.

² Подробнее об этом см.: Гринфельд Л. *Национализм. Пять путей к современности*. М., 2008. С. 9–12.

³ Там же.

⁴ Данн О. *Нации и национализм в Германии 1770-1990*. СПб., 2003. С. 31.

институционализация понятия нация в политическом значении этого слова: «под “нацией” стали понимать ту часть общества, которая являлась носителем государственности и государственного суверенитета»¹.

По мнению Л. Гринфельд впервые «нация» стала дефиницией «суверенного народа» именно в Англии, откуда потом заимствовалась другими странами. Этот факт многие исследователи интерпретируют «в пользу» Альбиона, говоря о нем как о месте зарождения первой нации в современном ее понимании².

Не только Данн признает важность суверенитета для кристаллизации нации, отмечая, его существенную роль как в создании, так и в поддержании этого феномена.

На роли суверенитета так же заостряет внимание Э. Гидденс в работе «Национальное государство и насилие», Д. Бройи в фундаментальном труде «Национализм и государство» и многие другие.

Исследователи М. Хардт и А. Негри выдвигают любопытную теорию, по которой понятие «нация» базируется, если не сказать паразитирует, на понятии суверенитета, переворачивая представление о нем и делая его своим детищем, отливая его в формы национального суверенитета как единственно возможного, а себя постулируя как единственного его производителя, чтобы в конце концов стать «условием возможности всякого человеческого действия и самой общественной жизни»³.

Несмотря на то, что акцент определения нации смещается от сословного к политическому, происходит это достаточно медленно и сословная составляющая полностью не отмирает.

Начиная с XV в. термин «нация» начинает применяться аристократией для достижения своих политических целей. Ее представители используют «национальную карту» против монарха в борьбе за власть, выставляя себя истинными радетелями народных чувств, защитниками свобод и интересов всего

---

¹ Там же. С. 33.

² Об этом подробнее см.: Бовыкин Д.Ю., Бондарчук В.С., Кирсанова Н.В. и др. Национальная идея в Западной Европе в Новое время. М., 2005. С. 11.

³ Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 103.

народа.

Процесс складывания национального государства предполагал некую секуляризацию власти (демистификацию как роли, так и тела монарха, и мистификацию нации и национального тела) и утрату династическими монархиями своей аксиоматической несомненности.

Знаковым событием стало свержение короля Карла I Стюарта в Англии. В 1649 г. в ходе революции король был обезглавлен, что стало не только предтечей прокатившихся по Европе революций, но и, самое главное, ознаменовало приход новой парадигмы социального устройства. Разделяя утверждение выдающегося медиевиста Э. Канторовича¹ об особом значении «политического тела короля», сложно переоценить декапитацию, приобретающую глубокое символическое значение. Для того, чтобы нация превратилась в по-настоящему горизонтальное сообщество, необходимо было преодолеть вертикальную сегментацию.

Божества не низвергают – можно низвергнуть только равного. Десакрализация монарха, а, следовательно, лишение его божественного провидческого статуса и сравнение его с обычным человеком, уравнивала всех граждан государства в их онтологических правах (король больше не был обособленной единицей, точкой доступа к бытию).

Еще до означенных выше английских эпизодов в континентальной Европе произошло одно из самых судьбоносных для грядущих национальных государств событий, а именно подписание Вестфальского мира. Появлением связки «нация-государство» (nation-state) и фактически постулированием нации как нового и главенствующего субъекта истории, мы обязаны установлению Вестфальской системы международных отношений 1648 г., с политологической точки зрения, существующей и по сей день. Основными провозглашенными принципами стали: приоритет национального интереса, приоритет государств-наций и принцип государственного суверенитета.

Начиная с данного времени в западной традиции нация стала

---

¹ Об этос подробнее см.: Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015.

восприниматься практически исключительно как тотальность, проявляющая свою политическую волю на четко определенной территории. С этого времени в Европе появляется «национальный вопрос», до этого неравенство народов представлялось самоочевидным, теперь же, после того как идея нации-государства была сконструирована, у нации появляется официально зафиксированное право на самоопределение.

Затронутая ранее оппозиция истеблишмента и монарха носила в Европе повсеместный характер. «Борьба за нацию» по выражению О. Данна во Франции сначала выглядела как спор между королем и институтами привилегированной верхушки общества за право представлять нацию. Впрочем, в период Великой Французской революции 1789 г. к спору подключилась еще и буржуазия. В опубликованной в декабре 1789 г. знакомой работе «Что такое третье сословие?» аббат Сийес громогласно заявил, что право представлять нацию должно принадлежать непривилегированному третьему сословию. «Что такое третье сословие? Вся нация, но нация в оковах и под гнетом. Чем бы оно было без привилегированных? Всей нацией, но нацией свободной и цветущей <...> Что такое нация? Общество людей, живущих под общим законом и представленных одним законодательным учреждением»¹.

Эпоха после данных событий характеризуется политизацией всего понятийного поля. Неслучайно это время большинство исследователей называют временем появления национализма в современном его понимании, т.е. как политической доктрины. «Историки могут расходиться в определении точной даты рождения национализма, но представителям социологии кажется очевидным: национализм – это современное движение и идеология, которое возникло во второй половине восемнадцатого века в Западной Европе и Америке...»².

Мы будем придерживаться мнения, что именно Французская революция

---

¹ Э.-Ж. Сийес. Что такое третье сословие? // Аббат Сийес: От Бурбонов к Бонапарту. СПб., 2003. С. 159–160.

² Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 19.

является своеобразной точкой отсчета, сыгравшей роль катализатора в становлении существующих наций. С этого времени нация повсеместно начала представлять собой социальную основу государственности¹. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. устанавливает новые правила социально-политического устройства, постулируя нацию как единственный источник суверенной власти и делая притязания индивидов/институтов/корпораций на власть нелегитимными².

Декларация прав 1795 г. утвердила равенство народов, примат суверенитета и право наций на самоопределение, независимо от занимаемой ими территории и численности: «Уравнение нация = государство = народ (а тем более суверенный народ), несомненно, связывало нацию с определенной территорией, поскольку структура и понятие государства стали теперь по существу территориальными. Оно также предполагало многочисленность подобных наций-государств, что, разумеется, было необходимым следствием принципа народного самоопределения». Как гласила французская Декларация прав 1795 г., каждый народ, из какого бы числа членов он ни состоял и на какой бы территории ни жил, является независимым и суверенным. Этот суверенитет неотчуждаем³.

Под влиянием Французской революции политизация понятий затронула большинство европейских языков, кого-то раньше, кого-то позже. Как показывает британский теоретик и критик национализма Э. Хобсбаум в ходе специального анализа изданий Словаря Испанской Королевской Академии, в Испании до 1884 г. понятие «nación» использовалось применительно к «совокупности жителей страны, провинции или королевства» и в то же время обозначало «иностранца». Что соответствует Средневековому содержанию понятия «natio», которое мы проследили ранее.

¹ Об этом подробнее см.: Кедури Э. Национализм. СПб., 2010. С. 8–38.

² Декларация прав человека и гражданина 1789 года. Статья 3. [материал из Викитеки – свободной библиотеки]. URL:

https://ru.wikisource.org/wiki/Декларация_прав_человека_и_гражданина (Дата обращения: 10.12.2015)

³ Hobsbaum E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. 2nd ed. Cambridge, 1992. P. 19.

После 1884 г. смысл понятия меняется: «теперь же оно определяется как “государство или политическое образование, признающее высший центр в виде общего правительства”, а также как “территория, которая охватывает данное государство и его жителей, рассматриваемая как целое”.

Таким образом, элемент общей верховной государственной власти оказывается ключевым для подобных определений, во всяком случае, в иберийском мире»¹.

В России, которая так же попала под «обаяние французов», нация окрашивается политическими красками и используется для выражения и описания исторических реалий (конституционных свобод, представительской власти и т.д.), разрыв происходит когда теория стремится воплотиться в практике: «после подавления восстания декабристов, а особенно после польского восстания 1830 г., когда Николай I был детронизирован от имени польской нации, что, естественно, его сильно обидело, было принято решение вытеснить понятие «нация» из публичного оборота»².

В 1832 г. граф Уваров строит свою знаменитую триаду «Православие. Самодержавие. Народность», где последняя призвана заполнить возникшую терминологическую лакуну. Но никакие государственные старания не смогли предотвратить либерализации понятийного поля, и к концу XIX – началу XX века усилиями различных, еще пока не институционализированных, политических сил значение нации привнесенное Французской революцией реставрируется³ и используется вплоть до другой революции, на этот раз Октябрьской.

После 1917 г. в советской действительности используется марксистско-ленинский подход к национальным феноменам, в рамках которого нация воспринимается как высший тип этноса. В историографии начинает доминировать триада «племя – народность – нация».

---

¹ Ibid. P. 14–15.

² Миллер А.И. История понятия нация в России. // НП «ПостНаука»: [сайт]. 27.08.2014. URL: <http://postnauka.ru/faq/30634/> (дата обращения: 27.04.2015).

³ Об этом подробнее см.: Национализм. Полемика 1909-1917. Под ред. Колерова М. М.: 2015.

Упомянув о марксистском определении, нельзя не обратиться к одной из канонических работ о национальном вопросе – это «Марксизм и национальный вопрос» И. Сталина, где говорится: «нация – исторически сложившаяся общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹. Данное содержание понятия определило не только вектор развития науки (этнографии, политологии, социологии и истории национального вопроса), но и довлело над повседневной жизнью, буквально, выучиваясь наизусть, как партийными функционерами, кроющимися географические пространства Союза, так и обычными гражданами. В Советское время предпринимались далеко не безуспешные попытки вернуть политическую составляющую в определение нации, перейти «назад к Ленину» и не отождествлять марксистскую позицию исключительно с позицией Сталина².

Но собственно политический характер вернулся в содержание нации лишь после распада СССР, когда пала монополия на истину *ex parte* исторического материализма.

Политическое определение нации сохраняется и по сей день, как в повседневном, так и в научном дискурсе (особенно это прослеживается в риторике приверженцев конструктивизма). Безусловно, есть и отечественные теоретики, которые придерживаются прежнего подхода, продолжая считать нацию «высшим типом этноса», и те, кто вообще отрицает объективную природу нации – о них мы поговорим в следующем параграфе.

В нашем историческом экскурсе мы коснулись главным образом политической подоплеки появления современного понятия «нация», при этом практически не затронув экономическую сторону вопроса, которая во многом стала причиной социальных и политических изменений. Этот шаг был предпринят нами сознательно, чтобы освещение столь комплексного явления как

---

¹ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // О национальном вопросе. Сборник статей. М., 2012. С. 10.

² См., например: Семенов Ю.И. Из истории теоретической разработки В.И. Лениным национального вопроса. // Электронный научно-просветительский журнал «Скепсис» [сайт]. URL: http://scepsis.net/library/id_2670.html/ (Дата обращения: 10.04.2015).

развитие экономических отношений не сместило акцент с историко-политической направленности повествования. Поскольку образование современных наций совпало по времени с образованием современной модели государственности разумно было сфокусироваться именно на такой логике изложения, раскрыв характер нации, прежде всего, как политической общности.

Теперь же повернемся лицом к экономике. Появление современных наций большинство исследователей связывают с такими явлениями как индустриализация и капитализм.

Подобное единение в объяснении феномена характерно не только для исторического материализма, в русле которого за каждым явлением усматривались экономические и классовые причины, но и для ученых далеких от «левого лагеря».

В марксизме-ленинизме, о котором мы упоминали раньше, нация рассматривается как этническая общность нового типа, складывающаяся с развитием капиталистических отношений, которые формировались под воздействием укрепления экономических связей между местными группами народов, слияния локальных рынков в общий национальный: «во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением...»¹.

Один из главных теоретиков конструктивистского подхода изучения национализма Э. Геллнер так же говорит о возникновении нового способа производства как о катализаторе экономических и социальных изменений. Геллнер напрямую называет нацию социально-экономическим конструктом и феноменом только Нового времени, следствием индустриализма и, самое главное, как бы парадоксально это не звучало, национализма. На предшествующей

---

¹ Ленин В.И. О праве наций на самоопределение. // Критические заметки по национальному вопросу. О праве наций на самоопределение. М., 1954. С. 72.

индустриальному развитию аграрной стадии никакая из сложившихся прослоек общества не была заинтересована в социальных изменениях, это связано с особыми сложившимися типами культуры. Ученый выделяет два вида культур – высокую и локальную. К высокой культуре относятся, прежде всего, письменность и литературный язык. К локальной же можно отнести скорее народную культуру (фольклор), основным способом коммуникации для которой служило устное творчество.

Для аграрного общества, члены которого заняты по большей части производством продуктов питания для обеспечения собственных нужд, характерно широкое распространение локальных разрозненных культур, ресурсов которых хватало для осуществления всех коммуникационных процессов внутри маленьких общин знакомых друг с другом людей. Высокая же культура оставалась достоянием избранных.

Необходимость в повсеместной высокой культуре в индустриальном обществе объясняется типом производства: «появилось общество, основанное на сверхмощной технологии и перспективе непрерывного роста, которое требует подвижной системы разделения труда и постоянного, частого и четкого общения между малознакомыми людьми, подразумевающего обмен точной информацией, передаваемой на стандартном языке или, когда требуется, на письме»¹.

Для индустриального общества коммуникация стала важнейшей характеристикой, что сделало единую высокую культуру необходимой для всех слоев населения, для того чтобы ее распространить и произвести была создана система образования.

К сожалению, объем данного исследования не позволяет нам рассказать так детально о концепции Э. Геллнера как нам этого хотелось бы. Место его концепции в дискурсе конструктивизма мы рассмотрим далее.

Подведем итог представленной семантической эволюции понятия «нация» и смежных с ним. Как нам кажется, столь длительная «терминологическая

---

¹ Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983. P. 33–34.

путаница» и смысловая множественность очерченных концептов нации и этноса, связаны с интуитивным пониманием различной природы этих явлений, у этноса – естественной общностью происхождения, у нации – искусственным продуктом политической воли, конструктом¹.

Для лучшего объяснения различий между природой этнического и национального в этнографию часто переносят введенные Ф. Теннисом в чистой социологии понятия «Gemeinschaft» и «Gesellschaft». Подобный оригинальный перенос понятийного аппарата, в частности, производит Ю.М. Бородай в своем труде «От фантазии к реальности».

По Теннису Gemeinschaft – это объединение, в котором индивиды ориентированы больше на интересы группы, чем на свои собственные, для них структура и порядок Gemeinschaft являются естественными и легитимными. Объединение индивидов в данном случае возможно по принципам (или одному из принципов) родства, общности территории, взглядов, религиозных воззрений. Именно с Gemeinschaft можно соотнести этнос или общину в более узком понимании².

Gesellschaft же представляет собой гражданское общество сознательно сконструированное политическими и экономическими средствами. Для индивида цели объединения, в которое он входит, находятся на ступеньку ниже, чем его собственные, но его собственные цели могут быть когерентными целям Gesellschaft. Gesellschaft соотносится с индустриальным городским обществом, где, используя терминологию М. Хайдеггера, человек находится выкинутым в мир, не-в-себе, не-дома.

Бородай считает, что этнос как форма Gemeinschaft самодостаточен по своей природе, представляя собой «фундаментальное антропогенетическое

---

¹ Стоит отметить, что подобное разбие не является авторской новацией. См. в частности: Рыбаков, С.Е. Анатомия этнической деструктивности. Тема 1. Два облика национализма // Вестник МГУ. Серия 18. Политология и социология. 2001. № 3. С. 36.

² Подробнее об этом см.: Теннис Ф. *Общность и общество*. СПб., 2002. С. 9–15.

единство человека»¹ и не нуждается в государственной надстройке для того, чтобы функционировать нормально.

Нацию же Бородай относит к *Gesellschaft*. Нация полиэтнична или надэтнична по своей природе, для ее нормального функционирования необходима система политико-правовых взаимоотношений и государство как ее гарант. «Из этого не следует, что нация тождественна империи. Напротив. Так же, как этнос, нация – органическое единство. В отличие от этноса нация, конечно, складывается не совсем стихийно и не без элементов насилия, но при этом в отличие от империи она строится все-таки по моделям и формам "естественной" или "соборной общности", хотя уже и не сводится только лишь к этим формам»².

Мы предлагаем рассматривать нации в данной классификации как переход от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*, где общность интересов еще не утрачена, но подчинена воле формальных институтов и фактически создана благодаря политической воле на базе сообщества (общины), т. е. имеет под собой базис и сконструирована не на пустом месте, но именно сконструирована и не является естественной.

Без использования национального (скорее даже националистического) дискурса свои интересы не может лоббировать ни *Gemeinschaft*, ни человек включенный в *Gesellschaft*, т. к. государства в общем (и политические институты в частности) осуществляют свои функции применительно к нациям, а не к отдельным личностям. Как верно заметил немецкий социолог Ю. Хабермас «...никто не может осуществить свое фундаментальное право на равные гражданские права вне контекста этнической [справедливо не только говоря об этнической нации – Д.Щ.] нации, обладающей государственной независимостью. С этой точки зрения коллективное право всякого народа на собственную государственность есть необходимое условие действенных гарантий равных

---

¹ Бородай Ю.М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности). М., 1994. С. 424.

² Там же. С. 425–426.

индивидуальных прав»¹.

Выше мы постарались охарактеризовать основные понятия, указать на их историческое значение и вычленить фундаментальную разницу между этносом и нацией как социальными группами, что позволяет нам перейти к определению этноса, которое будет использоваться в работе.

Рассматривая этнос как естественно сложившуюся общность в качестве рабочего определения мы будем использовать определение, данное исследователем С. Рыбаковым, который понимал под этносом «популяционное единство, над которым надстраивается социокультурная общность»².

Нам представляется крайне непоследовательным рассматривать нацию в отрыве от национализма и *vice versa*. В следующем параграфе мы проведем анализ основных подходов к изучению феномена национализма, и дадим рабочие определения терминов «нация» и «национализм».

Мы будем иметь дело с современными подходами, учитывающими изменения исторические, политические, экономические и картографические, которые произошли в период Нового времени и после него. О них (подходах) и пойдет речь далее.

§2. Анализ основных подходов к исследованию национализма в современной науке

Начиная с XX в. феномен национализма стал предметом компаративистского анализа. Новая научная дисциплина выработала ряд противоположных подходов к тому, что следует понимать под этим явлением и как следует его изучать.

В англосаксонской научной литературе под национализмом понимаются все национальные явления и феномены, связанные с национальным чувством. В США в силу особых обстоятельств (*sui generis*) образования этого государства

---

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2008. С. 248.

² Рыбаков С.Е. Этничность и этнос. М., 2000. С. 29.

национализм воспринимается положительно и представляет собой «positive nationalism» (позитивный национализм). При этом в континентальной Европе господствовало другое – негативное определение: «понятие национализм в период между двумя мировыми войнами стало лозунгом политически активных групп интеллектуалов, стоявших на позициях радикального национализма, которым они выражали свое положительное политическое кредо и которым пользовались для самообозначения»¹. Ниже мы постараемся показать почему так произошло.

Хронологически можно выделить несколько последовательных периодов развития научного интереса к нациям и национализму.

В XVIII-XIX вв., как мы уже отмечали ранее, формируется идея национализма в современном его понимании, но ученые на данном этапе не пытаются деконструировать нации, воспринимая их как данность своей эпохи и касаются изучения наций и национализма «лишь периферийно»². Назовем эту эпоху «прото-исследованиями» национализма.

Среди исследователей данного периода нам хотелось бы, помимо уже упомянутого нами ранее Э. Ренана, назвать лорда Актона, Д. Маззини, Д.С. Милля, О. Бауэра, К. Каутского и других.

Сюда же мы можем отнести и философов, которые напрямую не занимались исследованиями в этой области, но оказали существенное влияние на современных теоретиков и политических акторов: М. Вебера, оказавшего влияние на идеи Э. Смита; И. Канта, философию которого Э. Кедури считал философским источником современного национализма³; Ж.-Ж. Руссо, чьи воззрения об общественном договоре и общем для всех благе оказали влияние на становление идеалов Французской Революции; И.Г. Гердера, рассуждающего о Volkgeist (дух народа) и первым введшего термин «национализм» (сродни культурализму); И.Г. Фихте, указывающего на колоссальную роль языка и культуры в формировании нации; Э. Дюркгейма, чьи «Элементарные формы религиозной жизни» повлияли

---

¹ Данн О. Нации и национализм в Германии 1770-1990. СПб., 2003. С. 23.

² Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий нации и национализма. М., 2004. С. 36.

³ Об этом подробнее см.: Кедури Э. Национализм. СПб., 2010. С. 8–38.

на концепцию национального общества у Э. Геллнера; Ф. Майнеке, предложившего разделение наций на культурную (Kulturnation основана на общем языке и традициях) и политическую (Staatsnation основана на общности политических институтов и системе принуждения), которое и сейчас используется в гуманитарных науках; и т.д.

Переломным моментом для ученых стала Первая мировая война. После 1918 г., потрясенные масштабом произошедшего события и установлением нового миропорядка исследователи должны были выработать новый подход к осмыслению исторических реалий.

Так феномен национализма становится субъектом научного дискурса, он (национализм) постигается практически всегда историческими и повествовательными методами, а националистические проявления обязательно типологизируются (если не сказать катологизируются).

Одними из самых ярких ученых можно назвать историков Л. Снайдера, Г. Кона, К. Хайеса. У каждого из них мы находим свою собственную типологию и классификацию национализмов.

Американский историк Л. Снайдер основывается на разных хронологических ступенях развития национализма и, фактически, говоря лишь о немецком опыте, выделяет четыре этапа развития, они же типы: интегрирующий (1845-1871) – консолидация разобщенных народов в Италии и Германии; разъединяющий (1871-1890) – экспорт национальной идеи другим народам, стимуляция национальных движений; агрессивный (1900-1945) – национализм становится империалистическим; современный (1945 – наше время) – глобальное распространение национализма.

Под влиянием критики и обвинений в антиисторичности Снайдер модернизирует свою систему, на этот раз делая акцент не на хронологию, а на геополитику. Трансформированные модели пытаются описать процессы нациестроительства, которые происходили в разных частях света: Европе (диссипативный национализм), Азии (антиколониальный национализм), Латинской Америке (популистский национализм), США (плавильный котел),

Африке (расовый или черный национализм), Ближнем Востоке (политико-религиозный национализм) и Советском союзе (мессианский национализм)¹.

У ученого К. Хайеса таких «личин» современного национализма на одну меньше – всего шесть. Пытаясь соединить геополитику, историзм и указать на действующих акторов, он различает: гуманитарный, якобинский, традиционный, либеральный, интегральный и экономический национализмы².

При этом, если «ранний Снайдер» брал за основу своей классификации трансформации немецкой нации, то Хайес, очевидно, основывается на английской и французской истории.

Наиболее популярной и по сей день остается дихотомия, которую проследил историк Г. Кон, различавший западный и восточный национализмы³.

Первый родился из духа эпохи Просвещения, ему имманентны рациональность, свобода личности и гетерогенность. Второй противоречит духу Просвещения, авторитарен и пропагандирует гомогенность (что похоже скорее на радикальный этноцентризм, чем на национализм).

В силу описанных Коном характеристик западный национализм начали называть «гражданским», в то время как восточный – «этническим», соответственно западная, и зародившаяся во Франции во времена Великой Французской революции, модель нации стала прообразом «гражданских наций» (иногда так же употребляют словосочетание «политическая нация»), а модель использованная позже по времени при объединении Германии и зарождении немецкой нации стала прототипом «культурных наций», используя терминологию историка Ф. Майнеке.

Кон считает, что «в западном мире, в Англии и Франции, Нидерландах и Швейцарии, в Соединенных Штатах и британских доминионах подъем национализма был феноменом преимущественно политическим. Ему предшествовало или, в случае с Соединенными Штатами, с ним совпало

---

¹ Об этом подробнее см.: Snyder L. The New Nationalism. NY, 1968. P. 48.

² Об этом подробнее см.: Ibid. P. 48–53.

³ Об этом подробнее см.: Kohn H. The Idea of Nationalism. NY, 1967. P. 329–331.

формирование будущего национального государства. За пределами западного мира, в Центральной, Восточной Европе и в Азии, национализм возникал не только позднее, но и, как правило, на предыдущей стадии социально-политического развития... Поэтому за пределами Запада поднимающийся национализм нашел свое главное выражение в сфере культуры»¹.

Американский исследователь вслед за Майнеке полагает, что в реальности встречаются смешанные формы национализмов, и в разные исторические периоды то одна, то другая личина может проявлять себя как доминантная. Подобный характер национализма позволил в научной литературе «окрестить» этот феномен как «двуликий Янус».

Вообще же под феноменом национализма Кohn понимает «душевное состояние, при котором индивид проявляет высшую степень лояльности по отношению к национальному государству. Чувства глубокой привязанности к родной земле, местным традициям и установившейся территориальной власти существовали с разной интенсивностью на протяжении всей истории (перевод мой – Д.Щ.)»².

Теория Кона послужила базисом для десятилетий дискуссий о «плохих» и «хороших» национализмах.

Сразу оговоримся, что в рамках нашего исследования феномен национализма не рассматривается исключительно как радикальный этнонационализм, связанный с идеей этнического превосходства и этноцидом. Мы так же не опираемся исключительно на конституционный национализм, когда одна доминирующая этническая группа доказывает свой исключительный онтологический статус, используя находящуюся в ее арсенале власть государственных институтов и идеологию.

Современное научное сообщество, как в России, так и на Западе, подвергает коновскую дихотомию (и мириады эпигонов, которые она породила) массивной критике и практически не использует, и даже считает

---

¹ Kohn H. The Idea of Nationalism. A Study in its Origins and Background. NY, 1946. P. 329.

² Kohn H. Nationalism: Its Meaning and History. Malabar, Florida, 1982. P. 9.

неприличной (по меткому замечанию российского историка А.И. Миллера): «на самом деле в любом национализме, в любом реализованном проекте нации тесно переплетены гражданская и культурная составляющие»¹. Таким образом гражданская и культурная составляющие сочетаются в природе национализма параллельно, а не последовательно сменяя друг друга в различные исторические эпохи, как это считал Г. Кон.

Однако никакая критика и опровержения не мешают данной типологии с завидным постоянством воспроизводиться в СМИ и околонучном дискурсе.

Логика исследований национализма претерпела сильные изменения после Второй мировой войны, когда национальные движения в лице фашизма дискредитировали себя. Тогда стало понятно, что национализм представляет собой стремительную силу, с которой нельзя не считаться. Дихотомия введенная Коном переживает свое второе рождение, ведь она позволяет нациям к Западу от Рейна купировать страх стать такими же как немцы. Это разделение национализмов проводит так нужную западным нациям линию демаркации и обнадеживает, говоря о том, что бояться нечего, повторить путь немецкой нации не суждено, потому что немецкий и, скажем, английский национализм имеют совершенно разные истоки.

В этот момент изначально нейтральные слова Кона стали истолковываться превратно, западный национализм стал «правильным», а восточный «неправильным».

Впоследствии, термин «национализм» потерял и свое западное «правильное» содержание и был сведен к одному резко негативному полюсу, стал восприниматься как отвергаемое понятие.

Забегая вперед скажем, что в процессе осмысления новой волны европейских и мировых национализмов, краха колониализма и самоопределения распавшихся социалистических государств, ситуация снова изменилась.

В 50-60 гг. XX в. исследования национализма на Западе получают новый

---

¹ Миллер А. Нация как рамка политической жизни. // Pro et contra. 2007. №3 (37). С. 11.

толчок, продиктованный историческими реалиями, а именно деколонизацией. Появляется новая методологическая база, начинают использоваться методы других наук, в частности, социологии и политологии, позже образуется собственный методологический аппарат.

К представителям этого периода можно отнести изобретателя коммуникативного подхода к изучению наций К. Дойча, который, прибегнув к активно развивающимся в тот момент научным направлениям бихевиоризма и кибернетики, пытался дать ответы на вызовы своего времени¹ и считал нациями замкнутые в своей внутренней логике группы, внутри которых уровень коммуникативной активности выше, чем за их границами.

«Бум новаторских исследований» национализма пришелся на 80-е гг. Это десятилетие ознаменовало появление гранд-теорий в исследованиях национализма (конструктивизм и этно-символизм). В свет вышли такие работы теоретиков конструктивизма и этно-символизма как: «Национализм и государство» (1982) Д. Бройи, «Нации до национализма» (1982) Д. Армстронга, «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» Б. Андерсона (1983), «Нации и национализм» (1983) Э. Геллнера, «Изобретение традиции» (1983) Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера, «Этнические истоки национализма» (1983) Э. Смита, «Социальные предпосылки национального возрождения в Европе» (1985) М. Хроха и т.д.

Нынешнее состояние научного поля характеризуется отсутствием появления новых «гранд-теорий», выходом узконаправленных и междисциплинарных исследований, а так же работ, ставящих своей целью систематизировать уже существующие теории. Мы склонны согласиться с Э. Смитом, в том, что наблюдается «отход от попыток всеобъемлющего теоретического рассмотрения вопросов наций и национализма»².

Сегодняшние исследователи не загоняют ни себя, ни объект исследований в

---

¹ Об этом подробнее см.: Deutsch K.W. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge, Mass., 1966.

² Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий нации и национализма. М., 2004. С. 14.

жесткие рамки типологий и классификаций, которые только выхолащивают явление, лишая его живительного содержания. Этому же подходу придерживаемся и мы. Дабы подобная позиция не была воспринята как капитуляция перед сложностью проблемы следует пояснить, что вместо порождения бесконечных классификаций и типологий национализмов, мы сконцентрировались на исследовании универсальных процессов воспроизводства национализма, которые, как нам кажется, имманентны национализмам независимо от времени, места и внутренних причин их зарождения.

Отказ многих ученых от неспособных ничего объяснить типологий, равно как и отказ многих исследователей от критериальных определений, нам кажутся положительными тенденциями. Национализмов существует весьма большое количество, настолько большое, что стараться объяснить механизмы их функционирования и появления, пытаясь инклюдировать все из них с помощью типологии, значит построить настолько обширную классификацию, что она не способна будет ничего объяснить.

К примеру Э. Смит вводит свою типологию национализмов, классифицируя национальные движения исходя из их «формальных» критериев «интенсивности» и «успешности», а так же исходя из «содержательных» критериев «независимости» и «самобытности». В сухом остатке у Смита получается 39 типов национализма¹.

Существуют в данной ситуации и другие перегибы, когда на место «суммативного подхода» приходит «нигилистический подход» – большое количество теоретиков вообще никак не определяют предмет с которым работают (т.е. феномены нации и национализма), как, например, это делает британский историк Э. Хобсбаум.

Хобсбаум, правда, называет свою позицию агностицизмом, что не меняет сути дела. В самом начале работы «Нации и национализм после 1780 года» он постулирует, что не будет придерживаться ни объективных, ни субъективных

---

¹ Smith A.D. Theories of Nationalism. London, 1983. P. 211–229.

определений нации, дабы изучать сам феномен, а не слова кого-то о нем.

Исследовательская позиция Хобсбаума до предела релятивистская: «всякое достаточно крупное человеческое сообщество, члены которого воспринимают себя как «нацию», будет рассматриваться в этом качестве и нами»¹. Не определяя, что есть нация, Хобсбаум все же дает определение национализма, практически заимствованное у Геллнера. Исследователь признает, что исторически нации сформировались не на пустом месте, их появление было обусловлено техническим и экономическим развитием общества.

Любые нации по мнению Хобсбаума создаются националистическими движениями, которые стремятся прийти к власти, чтобы сформировать национальное государство. Именно этот процесс и называется национализмом.

Оставим на время споры о понятийном аппарате и перейдем к современным подходам исследования национализма.

В современной литературе декларируется нейтральность к изучению феномена национализма, само же понятие часто употребляется в качестве наиболее общего термина, охватывающего все национальные феномены. Однако несмотря на декларируемую «безоценочность» при определении национализма явственно ощущается во многом ангажированная позиция авторов.

В академическом поле сформировалась необходимость обобщить существующее великое множество теорий и каким-либо образом их классифицировать. На сегодняшний день таких классификаций (и выработанных ими общим названием подходов) стало чуть ли не больше, чем самих теорий.

Ниже мы постараемся прояснить основания классификации.

Линия демаркации между различными подходами к изучению проблематики лежит на наш взгляд в ответе на три смежных фундаментальных вопроса, которые встают перед всеми теоретиками в самом начале их исследовательского пути. Это вопросы: «Что такое нация?», «Какова ее природа?» и «Когда она появилась (если появилась)?».

---

¹ Hobsbaum E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. 2nd ed. Cambridge, 1992. P. 8.

Первое основание для классификации – это ответ на вопрос «**Что такое нация?**»: нация – это данность, нация – это конструкт, либо нация – это фикция.

В зависимости от ответа на этот вопрос, формируются три исследовательских подхода – **примордиализм, конструктивизм и инструментализм**. Подобная классификация наиболее часто встречается в отечественной социальной науке¹. Инструментализм часто воспринимается как смесь радикального конструктивизма и релятивизма, отрицающая этничность, историчность и объективное существование нации.

Второе основание для классификации – это **природа национального**: нация обладает естественной природой, нация имеет социальную природу, либо нация сочетает в себе как естественную, так и социальную природу. Исходя из данных заявлений, можно выделить три других подхода – **примордиализм, конструктивизм и этно-символизм**. Эта классификация в большинстве своем принята в западной науке².

Третьим основанием для классификации служит **вопрос о времени появления нации**. Одни исследователи утверждают, что нельзя обозначить период появления нации, она является вневременным явлением и существовала с незапамятных времен (time immemorial)³. Другие же настаивают на том, что нации в их современном понимании появились лишь в эпоху модерна под влиянием экономических, политических и/или культурных изменений, которые трансформировали социальную реальность. Данные ответы приводят нас к разделению существующих теорий на группу **примордиалистов и конструктивистов**.

В зависимости от того какой вопрос является для исследователя, составляющего классификации, главенствующим, проводится и разделение теорий на группы. Этим же и объясняется подобная систематизационная путаница, когда одного и того же исследователя, исходя из оснований

¹ См. например: Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология: учеб. пособие. Ростов-на-Дону, 2000.

² См. например: Özkirimli U. Theories of Nationalism. A Critical Introduction. NY, 2000. P. 60–61.

³ Подробнее об этом см.: Smith A.D. Nationalism and Modernism. London and NY, 1998.

классификации, записывают то в примордиалисты, то в конструктивисты.

В подобном плане показателен пример Э. Смита, которого считают этно-символистом, примордиалистом и конструктивистом. Сам же Смит считает себя перенниалистом¹.

Для нас главным остается вопрос о феномене национализма, который имплицитно содержится в вопросе о времени появления наций. «Насколько появление такого феномена как нация связано с современностью?» можно трактовать как вопрос «Насколько нация связана с феноменом национализма?». В зависимости от того, считают ли ученые современную нацию порождением национализма или же наоборот отдают приоритет нации, считая национализм ее порождением, во многом и происходит разделение между теоретико-методологическими подходами.

В первом случае нация рассматривается как следствие политической воли. Существование современной модели государства породило необходимость в нации. Государство в целом и государственные институты в частности становятся способом существования наций, закрепляя свой онтологический статус в форме комплекса «nation-states».

Апплицируя терминологию М. Вебера, генезис нации являет собой целерациональное действие, существование нации не происходит имплицитно из существования этноса. Нациестроители могут (и часто это делают) апеллировать к этническим корням, как, впрочем, и к любым другим концептам. Нации не обязательно иметь этнические корни, чтобы стать нацией. На этой позиции стоят конструктивисты.

Следует отдельно подчеркнуть, что конструктивистский подход в его умеренном варианте, к которому мы склоняемся, ни в коей мере не отрицает реальность такого генетического понятия как этнос и не отрицает примордиальности этнического. Нация признается социально-политическим

---

¹ Подробнее об этом см.: Малахов В.С. Иноходец. [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2004. № 3(18). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/3/inohodec> (дата обращения: 22.06.2015).

конструктом, связанным с этничностью, апелирование к общему этническому прошлому при нациестроительстве не необходимо (но на практике, этническое прошлое постоянно вплетается в материю национального настоящего). Национализм действительно имеет, как сказал бы Э. Смит, «этнические корни», но «толчок к зарождению национализма дают другие факторы»¹.

Во втором случае нация рассматривается как первоначало национализма. Государство вторично, витальным импульсом к образованию его в современном виде выступила нация. Для существования нации и дальнейшего ее развития необходимо было независимое государство, и оно было создано. Внутренняя логика развития нации предполагает этнические корни, которые отражаются в исторической памяти нации, производстве символов и ценностей. В рамках данной парадигмы нация являет ценностно-рациональное действие. Нация формируется из этнического материала, который выступает если не фундаментом, то сцепляющим воедино всю национальную конструкцию «межклеточным веществом». На этой позиции стоят примордиалисты.

Мы считаем наиболее продуктивным, с точки зрения изучения феномена национализма, рассматривать оппозицию примордиализм/конструктивизм. Каждый из подходов выработал свой терминологический корпус – «толковый словарь» и свои определения нации и национализма, которые будут нами рассмотрены ниже.

Примордиалистский подход к изучению нации и национализма.

Примордиалистская (от лат. *primordial* – изначальный, исконный) парадигма появилась по времени раньше, чем конструктивистская и была господствующей в западной науке вплоть до 70-х гг. XX в., а в отечественной науке монополия на истину сохранялась за примордиалистами вплоть до 90-х гг.

Примордиализм представляет собой зонтичный термин, теории в рамках этой парадигмы лишь условно классифицируются нами «примордиалистскими», в силу того, что с необходимостью предполагают существование в природе нации

---

¹ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий нации и национализма. М., 2004. С. 244.

этнического компонента и отводят этничности (этническим корням) субстанциальную роль. В рамках примордиалистской парадигмы исследователи различают социо-биологическую, натуралистическую, социально-психологическую, марксистскую, социально-культурную, социально-историческую, этно-символическую и другие концепции эволюции этноса. Подходы не являются замкнутыми в своих собственных границах, многие исследователи на протяжении своего научного пути заимствуют сущностные черты теорий других школ.

Суть примордиализма *sensu lato* можно объяснить как признание примата этнической принадлежности над национальной, не отрицая реальности последней. В рамках умеренного примордиализма нация представляется объективно существующей общностью, содержащей в себе черты этноса.

Помимо термина «примордиализм» достаточно редко, но все же используется термин «перенниализм», изобретенный Э. Смитом, дабы не вешать на себя «ярлык примордиализма». Кроме этого можно встретить такие термины как «эссенциализм», «субстанционализм», «натурализм». Самым популярным и широко принятым в научном сообществе остается именно зонтичное понятие «примордиализм», соединяющее в себе множество крайне неоднородных теорий.

Стремление Смита дистанцироваться от примордиалистов объяснимо. Это направление успело во многом дискредитировать себя, став синонимом радикального **натурализма**, в котором нация воспринималась как неотъемлемая часть каждого человека. Геллнер метко выразился, что иметь национальность (быть частью нации) так же естественно, как иметь нос или уши¹.

Подобное вульгарное восприятие нации признается научным сообществом как несостоятельное, но с завидным постоянством используется в националистическом дискурсе вне академического поля.

Помимо **натуралистической** трактовки естественной природы нации, существует и **социально-биологическая**, которая объясняет природу наций

---

¹ Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983. P.6.

органической природой самих людей, для которых естественно стремление объединяться в общности. В данном случае объединение произошло по этническому признаку. Одним из теоретиков такого примордиализма можно назвать П. ван ден Берге, считавшего, что люди (и животные) объединяются в группы, потому что такая стратегия максимально выгодна для выживания.

Так называемая стратегия «родственного отбора» (kin selection), используемая ван ден Берге, объясняется тем, что особь (как животное, так и человек) передает свои гены последующим поколениям двумя способами: напрямую путем воспроизводства и опосредованно через воспроизводство родственников, разделяющих с ней общие гены: «этнические и расовые чувства следует понимать как расширенную и аттенуированную форму родственного отбора (перевод мой – Д.Щ.)»¹. Это соответствует термину «непотизм», принятому в этнологической науке.

Помимо родственного отбора существуют два других столпа социальности – это реципроктность (reciprocity – взаимодействие) и коэрсия (coercion – насилие). Таким образом этнос, по мнению ван ден Берге, представляет собой расширенную родственную группу.

Эти механизмы взаимодействия объясняют как образование этносов (ethnie), так и образование наций, представляющих собой симбиоз на основе получения общей выгоды разных по размеру этнических групп с проницаемыми границами.

В рамках примордиалистской парадигмы можно выделить другой подход, который мы будем называть историко-культурным. Его представителями можно считать «пионеров примордиалистской парадигмы» исследователей К. Гирца и Э. Шилдса, которые анализировали этносы в качестве социальных сообществ, образовавшихся на одном из этапов эволюции общества.

Гирц считает, что человек нуждается в определенных надстройках для упорядоченного поведения, что он – «животное, опутанное сотканными им самим

---

¹ Van den Berge P. Race and Ethnicity: A Sociobiological Perspective // Ethnic and Racial Studies. 1978. №1 (4). P. 403.

сетями смыслов, я полагаю, что этими сетями является культура»¹. Именно культура занимает в общественной жизни людей место «примордиальной данности», формируя определенное отношение человека к миру, преломляя его взаимодействие с окружающей реальностью и создавая новые символические значения социальных практик. Культура обогащается, передается и наследуется благодаря системе символических форм. Можно согласиться с важным замечанием С.Е. Рыбакова в отношении социально-биологического подхода в целом и точки зрения Гирца в частности: «“примордиальное” есть не “врожденное”, а “прирожденное”»².

К. Гирц не может объяснить возникшую эмоциональную связь («изначальную привязанность») между людьми ни общностью крови, ни общим языком, ни сформировавшимися привычками, эта связь, используя терминологию Н. Лумана, обладает свойством самовалидации собственного значения – «приписывая сама себе некое абсолютное значение»³. Эта необъяснимая связь и является этничностью. Аналогично тому, как любовь и интерес могут быть объяснены только собственной внутренней природой, этничность так же может раскрываться только исходя из своей внутренней логики.

Новые национальные государства стремятся сплотить этнически разнородный состав и превратить его в нацию, разрушив прежние «изначальные привязанности». Но это пагубная тенденция. «Изначальная привязанность» возникает не из социального взаимодействия, а скорее из чувства духовной близости между людьми.

Подвергая компаративистскому анализу «новые нации», Гирц называет национализм «не просто побочным продуктом, но самим содержанием общественных перемен в столь многих новых государствах: это не отражение, не

---

¹ Гирц К. «Насыщенное описание»: В поисках интерпретативной теории культуры. // Антология исследований культуры, Том 1: Интерпретации культуры. СПб., 1997. С. 173.

² Рыбаков С.Е. Теоретико-методологические основы исследования этнических феноменов: дис. ... д-ра. философ. наук. Московский государственный университет. М., 2001. С. 166.

³ Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 297.

причина, не выражение или движущая сила этих перемен, а сама их суть»¹. Что же касается «старых» наций и национализма, то Гирц не уточняет период появления этих феноменов и их содержание, говоря лишь о «примордиальной привязанности». Введем условное культурнодетерминированное обозначение нации, очевидно, что это исторически сложившаяся общность людей, чувствующих себя ее частью и испытывающих привязанность к ее членам.

Обозначив основные теории, сложившиеся в западной науке, перейдем к теориям, сложившимся в отечественном академическом поле.

В советской традиции примордиализму было уделено особое место, официальная наука «руководствовалась этнонационалистической парадигмой, предполагавшей отождествление нации и этноса»². Советские теоретики использовали «суммативный подход» и давали критериальные определения этнических и национальных феноменов, вынося как бы за скобки классовый вопрос. Советскую этнологию часто упрекают в конъюнктурности и экономическом редукционизме. Подобные теоретические установки были использованы партийными функционерами и на практике при решении «национального вопроса».

Руководство СССР в решении национального вопроса последовательно реализовывало две контрадикторные стратегии: «интеграцию общества в гражданскую нацию (“единый советский народ”) и саморазвитие малых этносов “до наций”, включая создание союзных и автономных республик»³. Унификация, как мы знаем из истории, потерпела поражение, зато федерализм был приведен в жизнь «крайне успешно», приведя в конечном итоге к целому корпусу национальных проблем, вскрывшихся с распадом СССР.

15 независимых государств, образованных в 1991 г. и ранее бывших советскими республиками, обрели не только государственность, но и трудности с ней связанные, в том числе и касающиеся национального вопроса. Смотря на

---

¹ Там же. С. 288.

² Рыбаков С.Е. Анатомия этнической деструктивности. Тема 2: Этнический радикализм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2001. № 4. С. 18.

³ Рыбаков С.Е. Философия этноса. М., 2001. С. 311–315.

современную географическую карту, где в разных редакциях присутствуют Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах и Приднестровье, можно сказать, что благодаря советской национальной политике, распад СССР до конца не закончился и по сей день.

В отечественной этнографии, особенно в советский период, господствовал исследовательский подход к изучению наций и национализма, порожденный историческим материализмом. Несмотря на то, что исторический материализм считает классы субъектами истории и главными ее действующими силами, в нем имплицитно присутствует примордиальный подход к пониманию наций.

История зарождения наций рассматривалась в общем русле экономически детерминированного развития человеческого общества. Человечество за свою историю прошло три основных этапа этнических (исторических) общностей – от племени к народности, от народности к нации. Переходы между стадиями обусловлены социальными и политическими трансформациями, произошедшими под воздействием экономических пертурбаций – развития производительных сил и производственных отношений. В первобытно-общинном строе господствовали племена, от Античности до феодализма они «эволюционировали» в этносы, которые развитый капитализм превратил в нации.

В буржуазную эпоху общественного развития формируются внутренние рынки, «разваливаются» феодальные перегородки и на месте раздробленности и партикуляризма появляются нации. К образованию европейских национальных государств приводят повсеместные национальные движения. Процессы формирования наций и национальных государств, по мнению Ф. Энгельса, не просто совпадают во времени, но коррелируют друг с другом, «национальное государство – мировое правило»¹.

В рамках знаменитой триады нация трактовалась как «этническая общность нового типа, возникшая с развитием капиталистических отношений и выступающая в двух исторических подтипах – буржуазном и

---

¹ Ленин В.И. Тезисы реферата по национальному вопросу. // Полное собр. соч. Изд. 5-ое. Т. 24. М., 1973. С. 385.

социалистическом»¹. Таким образом нация представляет собой высший тип этноса.

В первом параграфе настоящей работы мы говорили о советском понимании нации в связи с суммативным подходом к определению, использованным И. Сталиным. Сталин, основываясь на трудах О. Бауэра и К. Каутского, от которых он взял два признака нации – о психическом складе и культуре (у первого), и о языке и общности территорий (у второго), выдвинул дефиницию: «нация – исторически сложившаяся общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»².

Далее Сталин, добиваясь определенных политических целей и постулируя свою точку зрения на социал-демократию, полемизируя с упомянутыми выше Бауэром и Каутским, добавляет: «Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, не достаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией»³.

Триада «племя-народность-нация» является порождением именно этого определения и проводит мостик между «этносом» и «нацией», позволяя соединить две теории воедино.

Стоит отметить, что Бауэр и Каутский так же не являются инноваторами в признании национального характера и языка важными для складывания нации. Марксистские идеологи продолжают традиции немецкого романтизма, в частности И.Г. Фихте (1762-1814) и И.Г. Гердера (1744-1803), которые были созвучны не только в именах, но и во взглядах на колоссальную роль языка и культуры в формировании нации и национального характера. Гердер, введший в употребление термин «национализм», считал, что нации – естественны и будут

---

¹ Об этом подробнее см.: Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей. // Этнографическое обозрение. 1986. №3. С. 58.

² Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // О национальном вопросе. Сборник статей. М., 2012. С. 10.

³ Там же. С. 11.

существовать вечно и являются, прежде всего, культурной общностью людей; а его национализм скорее следует считать культурализмом, стоящим на защите фольклора, народных обычаев и традиций, через которые проявляет себя Volkgeist (дух народа). У Фихте, остаивавшего особое положение немцев, национальная индивидуальность так же отражает себя в языке, а немецкий язык является Ursprache – т.е. настоящим языком без примесей, что позволит именно ему стать базисом для истинной культуры.

Теории о происхождении нации как и сами трактовки феномена, появившиеся в русле марксизма, отнюдь не гомогенны и, как видно, имеют глубокие «культурные корни» вне данного политического учения.

В рамках советского марксизма *sensu lato* можно отметить точки соприкосновения включенных в него установок: даваемое марксистами определение ориентировано на выявление связи между сменой формаций и появлением наций. Возникновение такого феномена как национализм имеет классовые причины и рассматривается в рамках конкретно-исторического подхода. Национализм *sensu stricto* является идеологией буржуазии и напрямую зависит от этапа развития капитализма и роли буржуазии в системе других классов. Проявления национализма (проявление господствующих наций), не считая национально-освободительных движений (проявление угнетенных наций), воспринимались крайне негативно, т.к. шли вразрез с идеями коммунистического интернационала и противоречили марксистским идеалам.

Помимо марксистского понимания нации, в рамках научного дискурса существуют и другие теории, разделяющие примордиалистские основания национального. Среди отечественных авторов одним из ярчайших представителей социально-биологического направления в примордиализме является Л.С. Гумилев, который рассматривал этничность как адаптивный механизм, не имеющий по сути ничего общего с классовой борьбой, сменой способов производства, формаций и

т.д. Он считал, что схема «род – племя – народ – нация» лежит в другой плоскости и относится к общественному развитию¹.

Гумилев находясь в русле советской традиции считает нацию и этнос синонимичными понятиями, утверждая, что эссенциальным для изучения как одного, так и второго, является не используемый термин, а сущность – свойство гоминид объединяться в группы. В своем программном труде «Этногенез и биосфера Земли» он пишет: «Народ, народность, нация, племя, родовой союз – все эти понятия обозначаются в этнологии термином этнос, раскрытию которого и посвящена настоящая книга»².

По мнению Гумилева природа национального характера детерминирована географически, сами же этносы являются своеобразными энергетическими сгустками.

Один из непримиримых научных оппонентов Л.С. Гумилева Ю.В. Бромлей, следуя заявленным в самом начале оснований классификации, так же оказывается в «группе примордиалистов». Как мы уже говорили ранее, примордиалистский подход по своему внутреннему содержанию неоднороден и может сочетать подчас диаметрально противоположные теории, например, такие как теория этногенеза Гумилева и дуалистическая теория этноса Бромлея. Главное, что их объединяет – это отношение к этническим корням нации. Мы рассматриваем примордиализм как альтернативу конструктивизму, а не как альтернативу самому себе. Именно поэтому, не будет противоречивым продолжить разговор о «советских примордиалистах».

Один из новаторов советской этнографии Ю.В. Бромлей выдвинул менее поэтичную, чем Л.С. Гумилев, но не менее оригинальную концепцию, объясняющую этнические и национальные феномены.

Бромлей и его коллеги по институту этнологии и антропологии РАН отталкиваются от утверждения, что эволюция человеческой коллективности привела к дифференциации и усложнению человеческих общностей, одной из

---

¹ Об этом подробнее см.: Гумилев Л.С. Этногенез и биосфера Земли. М., 2016.

² Там же. С. 331.

которых является этнос. На этом базисе зиждется здание теории этноса.

Начнем с того, что в его дуалистической концепции этноса нет, собственно, самого понятия «этнос». Он предстает собой либо «этносоциальный организм» (в широком смысле), либо «этникос» (в узком смысле). Этнос не существует в реальности «вне социальных институтов, выступающих в роли его структурообразующей формы»¹, это значит что каждый этнос уникален в виду его уникальных составляющих характеристик – культуры, исторического опыта, языка и т.д. Эти характеристики и составляют одну полярность этноса, другую же полярность (или условия существования этноса) составляют объективные условия, такие как территориальное устройство, экономический строй и политические институты. Оба полюса сущностно соединяются в этносе, составляя его дуалистическую природу.

Наименьшим элементом этноса выступает этничность отдельного человека, что позволяет сделать вывод о том, что социальная природа этноса является вторичной по отношению к антропологической. В частности С. Рыбаков отмечает: «этнос как социальный феномен логически (разумеется, не генетически!) вырастает из феномена антропологического (и в значительной мере даже просто психологического) – этничности каждого отдельного человека»².

Этникос обладает следующими сущностными чертами: характеризуется историческим развитием, связью между поколениями, общими особенностями культуры, языка, психики, а также осознанием своего внутреннего единства и отличия от других этникосов³. Этникос отвечает за наполнение этноса «диахронными данными», для того, чтобы обеспечить связь между поколениями и сохранение культуры, этникос выражает себя в исторической памяти и традициях, означающих «передачу в диахронном плане, от старших к младшим, от поколения к поколению, от когорты к когорте устоявшихся форм поведения, навыков,

¹ Цит. по: Заринов И.Ю. Социум – этнос – этничность – нация – национализм. // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 12.

² Рыбаков С.Е. Этнос и этничность. // Этнографическое обозрение. 2003. №3. С. 9.

³ Дондокова Л.Ю. Краткий тематический словарь по этнологии. Улан-Удэ, 2006. С. 35.

понятий, всего, что образует костяк культуры»¹.

Этносоциальный организм (ЭСО) обладает социально-экономическим единством и представляет собой часть этникоса, занимающую определенную территорию внутри одного политического образования. ЭСО – «это уже не этносы, а собственно социальные (потестарные и политические) структуры, в той или иной степени «начиненные» этническим содержанием»². Можно сказать, что это – этнос, живущий на территории какого-либо государства. Для ЭСО характерна «синхронная» (т.е. вертикальная) передача информации, т.е. «общение здесь и сейчас» с представителями этноса.

Бромлей понимает нацию как этносоциальный организм, главной чертой которого является экономическая общность: «даже в том случае, когда нация не имеет “своего” государства, для нее характерен определенный господствующий тип производственных отношений <...> . “Экономическая общность” нации, на наш взгляд, – это не только “общность экономических связей”, но и социально-экономическое целое»³.

Безусловно в нации сплетаются воедино черты культурной, территориальной и политической общности, но главной остается все-таки социально-экономическая, которая давит над всем остальным: «Именно наличие социально-экономических компонентов непосредственно связывает этносоциальные организмы с социально-экономическими формациями. Это обстоятельство нашло, в частности, выражение как в делении наций на буржуазные и социалистические, так и в преимущественном употреблении термина «племя» применительно к первобытнообщинной формации, а термина «народность» - к рабовладельческой и феодальной»⁴.

Отметим, что и Л.С. Гумилев и Ю.В. Бромлей сходятся в одном – в стремлении доказать ключевую роль и особое место этноса в системе

---

¹ Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.: 1989. С. 160.

² Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: 1973. С. 237.

³ Бромлей Ю. В. Еще раз о соотношении этнической и экономической общности. // Этнографическое обозрение. 1972. №3. С. 88.

⁴ Бромлей Ю.В. Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза. // Природа. 1971. №2. С. 83–84.

коллективных общностей.

Многие западные исследователи перекликаются во взглядах с Ю.В. Бромлеем. В частности, И. Валлерстайн пытается наполнить содержанием «бромлеевское понятия» этносоциального организма, трансформировав его в собственное определение нации. Нация по Валлерстайну предстает «социально политической категорией, связанной тем или иным образом с реальными или возможными границами государства. “Этническая” группа представляется в качестве культурной категории, определяемой через воспроизводимые от поколения к поколению поведенческие матрицы, которые в теории не являются жестко зафиксированными границами государства»¹.

Другим западным исследователем, конгениальным Бромлею во взглядах на колоссальное значение этнической памяти, является весьма неоднозначный ученый – один из пионеров этно-символизма (или как он сам называл свой подход в ранних работах – перенниализма) Э. Смит.

Необходимо разъяснить, что Э. Смит вкладывает в термин «перенниализм». «Перенниализм» (от латинского «perennia» – вечность) обозначает исследовательскую установку, в соответствии с которой нации представляются образованиями, имеющими древнюю природу и являются первичными по отношению к национализму, возникшему в Новое время²: «современные нации являются прямыми потомками своих средневековых двойников (перевод мой – Д.Щ.)»³.

Словосочетание «нации до национализма» не является в рамках этого подхода оксюмороном, так даже называется программная работа Д. Армстронга, которого Э. Смит так же причисляет к перенниалистам, в то время, как в научном сообществе большинство называет его одним из первых этно-символистов.

У. Альматт и С.Е. Рыбаков считают Э. Смита конструктивистом. Рыбаков говорит о Смитах как о самом «объективном “объективном релятивисте”» (под

¹ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса. Нация. Класс. М., 2004. С. 91.

² Об этом подробнее см.: Kumar K. Nationalism and the Historians // The Sage Handbook of Nations and Nationalism. London, 2006. P. 13.

³ Smith A. D. Nations and Nationalism in Global Era. Cambridge, 1995. P. 53.

которым он понимает один из подходов внутри конструктивистской парадигмы)¹. В то время как исследователи Д. Бройи на пару с В.А. Тишковым заявляют, что Смит – примордиалист. Тишков даже называет его «своего рода западным вариантом академика Ю.В. Бромлея»².

В данном исследовании мы не выделяем методологическую установку этно-символистов как отдельную парадигму, считая основанием классификации не фактор обращения нации к этническим корням, а вопрос о том, что было раньше «национализм» или «нация»? Как мы уже подчеркивали ранее в рамках умеренного конструктивизма этнические корни наций не замалчиваются и не игнорируются. Тот факт, что при нациестроительстве «здание» нации часто (но не всегда, взять хотя бы «плавильный котел» в США) возводится на плодородной этнической почве не вызывает сомнений.

Форма вопроса «что было раньше “национализм” или “нация”?» кажется тавтологичной и сначала может показаться научной шуткой а-ля «что было раньше курица или яйцо?». Но для теоретиков национализма данный вопрос не является ни шуточным, ни тавтологичным, ни риторическим.

Этно-символисты вполне однозначно отвечают, что существование наций (или по крайней мере их черт) можно проследить в глубь веков, а «национализм представляется совершенно современным феноменом»³.

Последователи этно-символизма стараются выработать интегральный подход и занять промежуточную позицию между примордиалистами и конструктивистами, возможно именно потому, что этно-символизм пытается сочетать в себе черты сразу нескольких парадигм, его помещают то в один, то в другой «лагерь». Нет единства и в стане самих этно-символистов, которые именуют себя, как мы уже отметили ранее, то этно-символистами, то перенниалистами.

Постараемся разобраться, что же в смитовском подходе вызывает такую

---

¹ Рыбаков С.Е. Философия этноса: научн. издание. М., 2001. С. 104–105.

² Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. №3. С. 4.

³ Smith A.D. The Nation in History: Historiographical Debates about Ethnicity and Nationalism (The Menahem Stern Jerusalem Lectures). Hanover, 2000. P. 29.

полемику? Исследователь считает, что свои сущностные черты современные нации начали приобретать задолго до наступления Нового времени, нации в большинстве своем (если мы говорим о «старых нациях») уходят корнями в этничность, питаются из этого источника живительной силой – реставрируя прошлое, формируя мифы о «национальном характере».

Подобная мифологизация нации является удачной лишь потому, что строится не на пустом месте, а на почве многовекового общего прошлого, которое отражается в характере этнического. Этнические мифы и символы создаются многими поколениями и проявляют себя в искусстве, жизненном укладе, способах ведения хозяйства, обрядах, языке, местах поклонения, могилах общих предков, общественных институтах и т.д. Во всем, что было создано этнической группой на протяжении всего ее существования и, что отделяет ее от других этнических групп.

Весь этот этнический опыт передается из поколения в поколение, интериоризируется, стереотипизируется и служит фундаментом исторической памяти, на котором зиждется «здание» нации. Только тогда нация начинает вызывать у своих членов эмоции и, как бы сказал Б. Андерсон, «готовность умереть за ее идеалы».

Этно-символизм поэтому и получил свое название, делая акцент на том, что этничность способна создавать мифы и символы. Этно-символисты всячески подчеркивают прочность сложившихся до эпохи модерна этнических связей.

Ничто пока не выдает в этно-символизме «конструктивистских черт», подобные рассуждения мы могли бы услышать от классических примордиалистов. Сближение с конструктивизмом у Смита заключается в признании им факта создания нации социально-политическими силами.

В дискурсе конструктивизма часто используются выводы Э. Смита, в частности исследователь Х. Бхабха, автор одного из значительных трудов «Нация и нация» (1990) основывается на этно-символических выкладках Смита, говорит о том, что нация переизобретается и пересобирается каждым поколением заново: «каждое поколение имеет собственную интерпретацию национальной

идентичности в свете своего собственного прочтения этнического прошлого»¹.

Мы не случайно заговорили о Бхабхе, который не отрекается от этнической природы, но смещает акцент на рассмотрение того, что из этой природы можно сделать, а именно – нацию. Используя метафору, сравним примордиалистов с геологами, которые изучают камни, конструктивисты же подобны скульпторам, которые рассматривают камень как подручный материал, но концентрируют свои силы на конечной скульптуре.

Конструктивизм, как мы уже замечали ранее, является более функциональным подходом.

Конструктивистский подход в своем умеренном виде не отрицает реальность такого генетического понятия как этнос и не отрицает примордиальности этнического. При этом сама этническая идентичность, на которой может базироваться национальная, как справедливо отмечает исследователь Э. Кедури, не является инертной и навеки застывшей.

Нация признается нами в качестве социально-политического конструкта, связанного (пусть и не необходимо) с этничностью, которая формирует подходящие условия для усвоения народом националистической идеологии и способна придать национализму содержательное наполнение, но не является первопричиной появления национализма.

Национализм как политический принцип имеет более широкий смысл и не ограничивается лишь отсылкой к этничности. В мире поделенном на национальные государства, государство постулирует примат национальной идентичности над этнической, воспринимая именно гражданина, обладающего четким национальным самосознанием, а не этнофора, субъектом политической жизни.

Для нашего исследования не является эссенциальным на каких базисах или, если так можно выразиться, на чьей крови (т. к. без жертв, как это отмечал еще Э. Ренан и вслед за ним Б. Андерсон, нация теряет свою смысловую значимость)

---

¹ Бхабха Х. Местонахождение культуры // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2005. № 4/5. С. 159–176.

зарождалась нация.

Так или иначе, с определенного момента генезиса начинают работать одни и те же механизмы воспроизводства национальной идентичности. О них пойдет речь во второй главе.

Для нас представляет собой ценность рассмотреть повседневные практики воспроизводства (в частности, так называемый «банальный национализм») «ортодоксальных» национализмов, а так же складывающиеся новые национальные движения в борьбе за независимость.

Можно сказать, что современное положение дел в исследованиях наций и национализма характеризуется переоценкой «этнических корней», как в сторону полного размежевания с примордиализмом, как это делают радикальные конструктивисты (инструменталисты), так и в сторону конвергенции и сближения с примордиалистскими установками.

Конструктивизм обладает в данном случае наиболее широким исследовательским потенциалом, который не ограничивает теоретиков жесткими рамками этнического. Очевидно, что это осознавали и многие примордиалисты, в частности Д. Армстронг в своих поздних работах становится на сторону Б. Андерсона, признавая изобретенный характер нации, за которым тянутся мифо-символические корни этнического¹.

Примордиалистский подход все еще подвергается массивной критике со стороны конструктивистов, которые справедливо отмечают игнорирование социальной реальности и редукционизм, а так же излишний акцент на этнической природе наций, которая способна объяснить то, как зарождалась нация, но не способна объяснить механизмы ее существования и, главное, ничего не говорит нам о таком феномене как национализм. Более того, этническая природа не способна объяснить даже себя саму – она слишком гетерогенна.

Впрочем, примордиалистам тоже есть что высказать в отношении

---

¹ Об этом подробнее см.: Armstrong J. Towards a Theory of Nationalism: Consensus and Disconsensus. // Notions of Nationalism. Budapest, 1995. P. 36.

конструктивистов. Но перед тем, как озвучить критику в их отношении необходимо узнать каких воззрений они придерживаются, и что конкретно вызывает недовольство примордиалистов.

Конструктивистский подход к изучению нации и национализма.

Конструктивизм как и примордиализм представляется внутренне неоднородной методологической парадигмой, состоящей из множества теорий – «конструктивистских», «постмодернистских», «инструменталистских», «постструктуралистских», «релятивистских» и других.

Большинство существующих ученых, занимающихся исследованиями национализма, сейчас выступают в рамках конструктивистского континуума и полагают, что нация представляет собой сконструированную реальность, имеющую социальную или политическую природу; а национализм – это феномен современности, выступающий в качестве принципа (в основном политического) организации обществ.

Под социальной природой понимаются как чисто социальные, так и социально-экономические условия, под политической природой в широком смысле понимается идеология. Как в одном, так и во втором случае нация представляется объективной категорией и несет в себе практический смысл.

Конструктивисты в большинстве своем не отрицают «славную историю» происхождения наций до эпохи модерна, «не прописывая» национальную идентичность исключительно в Новом времени.

Помимо термина «конструктивизм» в академической науке, особенно в ее западном варианте, используется термин «модернизм».

Нам кажется, что понятие «конструктивизм» лучше раскрывает сущность подхода к изучению нации и имеет прикладную ценность сейчас, когда эпоха образования первых современных наций осталась в прошлом. Конструктивизм проявляет характер нации как сконструированной социально-политической общности, явившейся результатом целенаправленной деятельности самих людей. Как справедливо отмечает В. Малахов, говоря о конструктивизме: «если некто утверждает, что нация – социальный (социально-исторический) конструкт, это не

значит, что нация есть результат чьих-то манипуляций»¹. Несмотря на то, что нация – это искусственное образование, реальность его не ставится под сомнение.

«Модернизм» же указывает на субъективные и объективные причины появления первых наций, т.к. модернизация стала катализатором изменений в социальной структуре, что в свою очередь повлияло на становление наций. Большинство исследователей в русле этой парадигмы называют один временной промежуток в качестве точки отсчета существования современных наций и национализма – это XVIII-XIX вв.

С вопроса о причине появления наций как новых социальных общностей, по нашему мнению, и началась история модернизма как новой методологической парадигмы.

Модернисты обратились за «первоначалами» к историческому развитию общества и нашли причины изменений характера социальных общностей в индустриальных революциях, а так же в создании современных форм государственности. Эти события коррелируют по времени с формированием «старых наций».

Модернистов часто упрекают в «бесчувственности», т.е. в представлении сконструированных наций в качестве пустых оболочек, которые никак не соотносятся с такими явлениями как «национальная гордость», патриотизм, «жертва во имя нации», «преданность нации» и т.д. Простая отсылка к модернизации или к созданию нации в интересах коллективных акторов не способна объяснить все эти феномены, но модернисты и не пытаются выставить на обозрение лишенный всех живительных соков выхолощенный национальный «конструкт-труп». Процессы модернизации меняют не только социальное устройство общества, но и мировоззрение его членов, культивируя ощущения со-общности, национальной принадлежности и, становление нового для индивида чувства национальной идентичности. Понятие «идентичность» содержит все то, в отсутствии чего, пытаются упрекнуть модернистов.

---

¹ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 103.

Национальная идентичность – это не имманентное и изначально данное, но приобретенное и даже насажденное извне, сама же нация не складывается спонтанно. Конструирование национальной идентичности — национализм (без негативного контекста, принятого в рамках российского дискурса) является важнейшей функцией любого государства; фактически, государство должно создать народ, которым будет управлять; послужить агрегатором, формирующим новые ценности и культивирующим чувство общности, скрепленное культурными кодами как опорой национального самосознания.

Применительно к историческому контексту, нельзя выразиться лучше, чем лидер объединения Италии М. Д'Адзельо, характеризовавший ситуацию так: «Теперь, когда мы создали Италию. Мы должны создать итальянцев». Аналогичный вариант проявления «политической воли» при создании нации (в смысле nation-building, а не nation-formation) прослеживает историк Б. Гене, говоря о складывании национального единства во Франции: «государство создает нацию»¹.

Еще раз подчеркнем, что «модернизм» и «конструктивизм» являются синонимичными терминами, но в данной работе мы будем пользоваться понятием «конструктивизм».

«Конструктивистский поворот» в социальной науке произошел в 70-80х гг. XX в., что позволяет нам сконцентрироваться на относительно недавних исследованиях в рамках этого подхода.

Для наилучшего осмысления современных аббераций понятий нация и национализм далее будет проведен дискурсивный обзор типологий национализмов таких теоретиков конструктивистского подхода как Б. Андерсон, Э. Геллнер и Л. Гринфельд.

Выбирая авторов мы постарались осветить наиболее дискуссионные теории, которые оказали большое влияние на развитие научной мысли по поводу феномена национализма.

---

¹ Цит. по: Хачатурян Н.А., Варьяш И.И., Гусарова Т.П. и др. Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2015. С. 77–78.

Проведенный нами селективный отбор не претендует на исчерпывание всего разнообразного поля конструктивистских теорий, однако, данные классификационные концепции представляются нам наиболее интересными и объединяющими в себе не только устоявшуюся терминологию вне связи с зарождением понятий и определенными историческими реалиями, но и попытку встроить в логику «Большого времени» появление концептов нации и национализма – объяснение их исторической необходимости или, по крайней мере, обусловленности сложившимся историческим контекстом.

Каждый из авторов представляет свою несводимую к взглядам других оригинальную точку зрения и исходит из собственных представлений о том, что такое нация и национализм, каковы были механизмы их возникновения и что явилось триггером, инициировавшим их появление.

Автор всемирно известной работы «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» Б. Андерсон прочно стоит на позициях конструктивизма, характеризуя нации как воображаемые сообщества.

Андерсон учитывает не только материальную сумму причин, которая привела к образованию наций, но и старается объяснить природу национального, прибегая к помощи культуры, считая ее одним из нациеобразующих факторов, выделяя ее среди всех остальных причин нациегенеза¹. Нации же и национализм характеризуются исследователем как «особого рода культурные артефакты»². Именно в культурных корнях национализма кроется по мнению Андерсона ответ на вопрос: «что заставляет убивать и умирать за нацию?».

Английский исследователь говорит о нации, как о воображенном политическом сообществе, которое начало «воображаться» в индустриальную эпоху ввиду развития капиталистических отношений и влияния чисто промышленных средств на обустройство общества. «Оно воображенное,

---

¹ Об этом подробнее см.: Özkirimli U. Theories of Nationalism: A Critical Introduction. NY, 2000. P. 86, 143–156.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 29.

поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности»¹.

Одним из краеугольных камней осознания своей общности является наличие одного языка, языка на котором говорят за семейным ужином, на церковной проповеди, преподают в школе и обращаются со страниц газет и экранов телевизоров. Обычно, именно этот язык и является государственным. Обычно, но не всегда.

Даже в таком образцовом национальном государстве как Франция к середине XIX в. сложилась ситуация далекая от языковой гомогенизации: на французском языке по данным министерства просвещения четверть населения не говорила вообще. Еще больший разрыв наблюдался в системе образования – для более половины всех школьников французский язык, не будучи родным, являлся вторым языком². Остальная часть населения говорила на нескольких диалектах, которые были так далеки от «официального парижского французского», что вполне могли бы считаться другим языком.

Можно проследить четкую государственную политику в отношении гомогенизации населения по признаку партикулярного языка, изначально являющегося родным лишь для одного из этносов. Этот процесс трансформировал и сам «изначальный язык этноса». Языковая унификация привела к созданию нации-граждан, культурные особенности которой не сводимы к первоначальным этническим «предпосылкам», к изначальному этносу, говорящему на французском языке.

Государственный язык, прежде всего проявляющий себя как литературный язык, имеет единые нормы для всех говорящих на нем, в какой бы области они ни жили, на каких бы причудливых диалектах в разговорной речи ни изъяснялись. Язык является таким же штифтиком в машине нации: его можно модифицировать

---

¹ Там же. С. 39–40.

² Об этом подробнее см.: Кара-Мурза С., Куропаткина О. Нация и нация. 28.10.2013. // Центр изучения кризисного общества: [сайт]. URL: <http://centero.ru/digest/natsiya-i-natsiya/> (дата обращения: 04.04.2015).

по своему усмотрению (стоит вспомнить хотя бы «спущенную сверху» реформу русского языка 1918 г.).

Язык этноса и язык нации, пусть даже с первого взгляда это один и тот же язык, не равноценны. Этнос говорит на улице, нация обращается через документы. Нация говорит через свои институты (например, систему образования, СМИ), этнос говорит в интернет-чате.

Сейчас, как известно, ситуация во Франции в языковом отношении изменилась в лучшую сторону. Несмотря на большое количество мигрантов, большинство из них, прибывая из бывших колоний, знают французский. Для 88% процентов населения французский является родным¹. Как видно двухвековая целенаправленная политика гомогенизации населения в рамках единого языка дала свои плоды. Совсем другой вопрос, является ли единый язык индикатором принадлежности к одной культуре? В случае Франции, где зачастую религиозная идентификация отодвигает на второй план национальную, мы не будем спешить и говорить о едином культурном пространстве. Одноязычного фактора для создания единства культурных кодов, на котором базируется национальное самосознание, недостаточно.

Для того, чтобы сместить акцент в сторону национального, а не религиозного необходимо провести секуляризацию.

Онтологический статус религии сложно недооценить. Религия играла и продолжает играть огромную роль в жизни людей, служит основой, формирующей мировоззрение, создает особую символическую систему и имеет свойство связывать воедино спорадические события, создавая иллюзию необходимости происходящего, т.е. служит своеобразным дешифратором смыслов.

Религия преобразует наши представления о времени и темпоральности, наполняя их духовным содержанием, связывая воедино поколения уже ушедших

---

¹ Об этом подробнее см.: Languages across Europe. France. // BBC: ежедн. интернет-изд. URL: http://www.bbc.co.uk/languages/european_languages/countries/france.shtml/ (дата обращения: 04.04.2015).

и поколение еще не рожденных, придавая происходящему трансцендентный смысл.

Освободившись от диктата религии необходимо оставить в прошлом еще одну культурную систему – династическое государство. Модель династического государства, как мы уже заявляли ранее, предполагала наделение монарха сакральной ролью, власть даровалась монарху (а точнее всей монархии) от бога, что автоматически ставило ее вне дискуссионного поля. Божественная воля не воспринималась критически, монарх играл роль онтологического центра, обособленного от обычных людей.

Обе культурные системы, как религия, так и монархия создали вокруг себя комплекс искусственных сложнопроницаемых границ, одной из которых представлялось владение латынью. Латынь, помимо и в следствие того, что являлась маркером социальной демаркации между привилегированными группами и остальными, служила пропуском и в мир «онтологической истины». Письменная латынь воспринималась как неотделимая часть этой истины, т.к. и Библия, и римские законы, и классические античные книги были написаны на ней.

Только после того, как были разрушены и утратили свою аксиоматическую власть архаичные представления о темпоральности, привилегированном языке и особом статусе монарха, исторически появилась сама возможность вообразить нацию. Национализм, представляя собой культурный артефакт, оказывается в одном таксономическом поле с религией и монархией, но не с идеологией¹.

Династические государства и религиозное сообщество с развитием времени уже не могли предложить адекватной почвы для сплочения людей. Эпоха Великих географических открытий и появление «печатного капитализма» привели к трансформации сложившихся представлений о роли религии и монархии и утрату ими статуса непреложности.

---

¹ Полярных взглядов придерживается В.С. Малахов, считая национализм рядоположенным либерализму, социализму и другим политическим идеологиям. Об этом подробнее см.: Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005.

Благодаря изобретению печатного станка латынь перестала быть единственным письменным языком, появился национальный книжный рынок с книгами на национальных языках. В долгосрочной перспективе – это открыло возможности изобретения газет, которые смогли предложить субститут религиозного космологического времени для связи людей между собой. Синхронность чтения тысячами людей одной и той же газеты, одних и тех же новостей и переживание по поводу их схожих эмоций, позволила создать чувство одновременности существования и гомогенности разрозненных читателей в рамках одной воображаемой общности, где бы кто из читателей не находился. Чтение газеты каждый день – это «стабильная одновременная анонимная деятельность миллионов»¹. «Американец никогда не повстречает и даже не будет знать по именам больше чем небольшую горстку из 240 с лишним миллионов своих собратьев-американцев. У него нет ни малейшего представления о том, что они в любой данный момент времени делают. Однако есть полная уверенность в их стабильной, анонимной, одновременной деятельности»².

Позже элиты воспользовались возможностями, предоставляемыми средствами массовой информации, для создания у представителей самых разных слоев населения чувства общности и принадлежности к отдельной нации со своими обычаями, традициями, неповторимым национальным характером и т.д.

«Расширение Европы на Запад» привело к расположению метрополии и колоний на двух разных континентах, что не позволяло осуществлять функции государственного контроля по ранее придуманной континентальной европейской схеме. Множество членов аппарата управления стало шире, чем множество тех, кто знает латынь. Это неизбежно привело к использованию местных языков в качестве языков власти.

Подобный особый статус колоний, по мнению Андерсона, сыграл ключевую роль в нациогенезе. Нации по мысли автора «Воображаемых сообществ» впервые

---

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 49.

² Там же.

появились именно по ту сторону Атлантики – в двух Америках: у креолов в Латинской Америке, а затем и у натурализованного населения Северной Америки.

Произведенные религией и монархией изначально для «внутреннего европейского рынка» символы перестали играть прежнее значение, управление показывало свою неэффективность, нужен был новый способ объединения людей. Тогда и образуется нация, заполняя образовавшиеся аксиоматические лакуны.

Не все нации создавались на «руинах монархий и религий», в России здание нации возводилось на основе трех уваровских столпов: «Православие. Самодержавие. Народность». Б. Андерсон вслед за Х. Сетон-Уотсоном называет подобный национализм «официальным», он носит опережающий и превентивный характер. Для того, чтобы сохранить власть и не погибнуть под волнами неизбежного подъема национализма и не быть свергнутыми лидерами национальных движений, государственным институтам (а в России это была династическая монархия) необходимо перехватить инициативу и самим продуцировать национализм, только уже на официальном уровне – как государственную политику.

Мировой нормой стало национальное государство, это и привело к «официальным национализмам», не только в России, где помимо программы Уварова была проведена принудительная русификация, но и в Австро-Венгрии и других странах Европы. «Официальный национализм» заключался в частности в попытке гомогенизации населения и игнорировании различий разнохарактерных местных культур при создании единой национальной государственной культуры.

Ко второму десятилетию XIX в. модель «независимого национального государства», опробованная по другую сторону Атлантики и отшлифованная в жерле Французской революции, в каком-то смысле стала «доступна для пиратства». Оригинал породил множество копий, волна националистических движений прокатилась по Европе.

В XX в. новая мировая волна национализмов, связанная с отчуждением колоний и распадом «социалистического лагеря», захлестнула мир. «Государства новой волны» так же опирались на ранние модели национализма и имели

возможность действовать по «инструкции», разработанной двести пятьдесят лет назад.

В XXI в. статус нации кардинально не изменился. «Быть нацией — это по сути самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени»¹.

Коллега Б. Андерсона «по конструктивизму» Э. Геллнер так же отводит одну из решающих ролей при появлении и последующем конструировании наций культуре (а именно распространению высокой культуры).

Как и большинство конструктивистов, Геллнер характеризует нации как феномен только Нового Времени. Их появление явилось следствием индустриализма (нового способа производства, возникшего и распространившегося именно в этот период) и национализма.

Для Геллнера понятие «нация» не существует без понятия «национализм», который по его мнению и порождает саму нацию, а не наоборот. «Этносы превращаются в нации не просто в результате саморазвития на собственной основе, а в результате политического действия, т. е. являются продуктами целенаправленной деятельности государства»².

Национализм, таким образом, является политической доктриной, а нации имеют политическое происхождение и обладают лишь политико-правовыми характеристиками.

Нациестроительство не начинается с нуля, безусловно, национализм использует культурные артефакты и символические системы, которые являются продуктами порожденными существовавшими ранее культурами. Однако культурное многообразие, выступающее в качестве блоков для возведения нации, используется очень и очень выборочно и чаще всего коренным образом трансформируется. «Мертвые могут быть возрождены, традиции изобретены,

---

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 27.

² Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 34.

совершенно мифическая изначальная чистота восстановлена»¹.

Национализм, исполняя свою креативную функцию, использует разные инструменты, но солирует в этом ансамбле историческая наука, которая создает весьма правдоподобную легенду национального генезиса, опираясь на этнические мифы и символы, причем их селекция производится уже ориентируясь на конкретный результат. Мифы и символы только подтверждают заранее намеченную траекторию развития, любые противоречащие официальной доктрине свидетельства исключаются из дискурса. Эту ситуацию как нельзя лучше описывает известное выражение В. Беньямина: «всякий образ прошлого, не признаваемый в настоящем как самодостаточный, обречен на исчезновение»².

Хотя национальная принадлежность и не является врожденным человеческим свойством, теперь она воспринимается именно как таковое.

Несмотря на то, что при конструировании нации элементы, на которых она базируется и которые ее составляют, могут быть выбраны «строителями нации» произвольно, сам принцип национализма не является ни произвольным, ни случайным.

Английский исследователь в своем определении нации делает упор на самосознание и самоопределение людей, входящих в ее состав – т.е. на осознание своей национальной идентичности.

Нация представляет собой некий психологический конструкт – «продукт человеческих убеждений и пристрастий»³. Группа людей, объединенных общими признаками (проживание на одной территории или владение одним языком), начинает представлять из себя нацию при условии, что члены этой группы считают себя таковой, и в силу этого ведут себя соответствующе, т.е. наделяются определенными правами и исполняют взаимные обязанности.

Другим признаком принадлежности к нации, помимо самоидентификации,

---

¹ Там же. С. 127.

² Цит по.: Флэтли Д. Москва и меланхолия. [Электронный ресурс] // Логос. 2000. № 5-6 (26). URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5-6_03.htm (дата обращения: 01.05.2015).

³ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 35.

является принадлежность к общей культуре в самом широком смысле (система символов, идей, образцов поведения и т.д.). Членам нации как неноминальной группы приписываются определенные поведенческие ожидания, сообразно тем образцам, которые были внедрены культурой. Если индивиды, составляющие группу, не демонстрируют (как перед самими собой, так и перед членами других групп) ожидаемое от них поведение, это позволяет усомниться в реальности самой этой группы, в данном случае – нации.

Феномен «ожидаемого поведения» напрямую влияет на взаимную идентификацию членов группы в качестве граждан одной нации.

Никакие другие общие качества и признаки кроме взаимного признания и единой культуры не трансформируют партикулярные группы в нации.

Единая культура на поверку представляет собой этническое наследие, «высокая культура» тому не исключение – она уходит корнями в культуру господствующих этнических элит. Элитарная культура – это, прежде всего, письменность и литературный язык. Народная культура – это устное творчество и фольклор.

«Высокая культура» насаждается государством посредством образования, которое претворяет программу проведения некой унификации мировоззренческих установок и формирования относительной культурной гомогенизации населения в жизнь.

Для осуществления подобного масштабного образовательного проекта необходимы еще более масштабные ресурсы, которые находятся в диспозиции только одной институции – государства. Кроме институтов, которые в большом количестве продуцирует этот Левиафан, государство является единственным образованием (со столь широким охватом людей), проводящим собственную волю легально.

«Высокая культура» в своем стремлении к тиражированию и передаче себя должна заручиться поддержкой аппарата принуждения и обладать монополией на легальное насилие. «Каждая высокая культура <...> хочет иметь государство, и

предпочтительно свое собственное»¹.

Это приводит Геллнера к определению национализма, который понимается как «течение, стремящееся соединить культуру и государство, обеспечить культуру своей собственной политической крышей, и при этом не более чем одной»².

Как мы можем предположить, не все «высокие культуры» добиваются успеха в создании собственного национального государства, при этом «высокие культуры» не перестают существовать и бороться за признание своих членов в качестве нации.

Подобные неудавшиеся или еще только зарождающиеся проекты Геллнер предлагает называть «потенциальными национализмами», осуществившиеся же и имеющие свою государственность – «реальными национализмами».

Геллнер следует в русле, намеченном Гегелем, который говорил: «Нации могут пройти большой исторический путь, прежде чем они осуществят свое предназначение – оформить себя в виде государства»³.

В отличие от Э. Геллнера, который выдвигал экономические причины (индустриализация и модернизация) при зарождении наций на первый план, автор труда «Национализм. Пять путей к современности» Л. Гринфельд говорит прежде всего о политических причинах и истоках зарождения и распространения национализма, считая национализм идеологией и рассматривая его как один из ключевых феноменов, повлиявших на становление современного мирового порядка.

Нация характеризуется как идеологический конструкт, объективно существующий и выражающий себя в виде сообщества индивидов, разделяющих изначальную идею нации. При конструировании идеологии используется констелляция различных ресурсов, в том числе изначальными этническими, которые «переплавившись в печи» перестают восприниматься как этнические и

---

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 118.

² Там же. С.14.

³ Hegel G. W. F. Lectures on the Philosophy of World History. Cambridge, 1975. P. 134.

воспринимаются как национальные.

Подобная логика определения нации как сообщества признанного его членами как таковое, перекликается с геллнеровской категорией национального самосознания. Но если Геллнер считал, что национализм первичен, а нации являются его продуктом, то Гринфельд наоборот возводит термин национализм к нациям.

Этимологически Гринфельд, как мы уже говорили ранее, возводит термин национализм к «университетским нациям» (в меньшей степени к делегатам на церковных соборах) начала XIII в.. Чуть менее чем за столетие семантически содержание концепта нация коренным образом изменилось и к концу XIII в. нация стала восприниматься как «сообщество единого мнения для описания отношений сторон клира»¹. Борьба между мнениями клира на деле обозначала борьбу за власть между светскими и религиозными властителями, чьи интересы представлялись на церковных соборах. Так нация обрастает еще одним «семантическим панцирем», начиная обозначать сообщество, представляющее культурную и политическую власть и группу ей обладающую, т.е. нация становится элитой.

К XIV в. в Англии слово «нация» начинает обозначать не только высшую социальную прослойку, но и весь народ. Такая семантическая трансформация ознаменовала возникновение первой нации в современном смысле слова и открыла эру национализма.

Эра национализма дает отчет существованию современных наций, т.е. фактически нации в нашем понимании складываются и существуют в дальнейшем благодаря национализму, т.к. «нации древности» нациями, в строгом смысле, не являлись. Подобный факт позволяет нам назвать Л. Гринфельд представителем конструктивистской парадигмы.

Желая говорить предметно, Гринфельд обращается к историческому контексту, опираясь на который возможно проследить практики возникновения

---

¹ Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008. С. 10.

национальных движений, слишком неоднородных, чтобы сводить их к общему базису, который можно было бы принять за объяснительную модель всех национализмов.

Гринфельд рассматривает развитие национализма на примере пяти наиболее значимых и влиятельных обществ: появление национализма в Англии в XVI в., затем во Франции в 1715 — 1789 гг., далее в России во второй половине XVIII в., потом в Германии в конце XVIII – начале XIX в., и, наконец, в США в конце XVIII – середине XIX в.. Причем национальные идеи не воспринимаются изолированно друг от друга, между нациями происходит постоянный обмен результатами, идеями и опытом, многие успешные практики заимствуются и диффузионно распространяются по всему миру.

В качестве объяснительной тактики исследователь использует классификацию, условно разделяя весь представленный спектр национализмов на три типа – индивидуалистический, коллективистский-гражданский и коллективистский-этнический.

Первый тип наиболее ранний, его репрезентируют Англия и США, использовавшие в качестве базиса для построения национальных государств идею равенства конституционных прав всех членов нации.

Второй тип основывается на культурной или политической уверенности в своих силах и характерен для Франции и Германии.

Примером последнего в типологии Гринфельд коллективистского-этнического национализма может служить Россия. Для развития данного типа национализма определяющим является глубокий комплекс неполноценности, развивающем веру в собственную уникальность основанную не на объективных национальных достижениях, но просто *per se*. В идеологическом плане само существование нации уже является благом.

Несмотря на то, что национализм как идеология развивается на основе одного базового принципа и «нет необходимости соотносить [национализм –

Д.Щ.] с какой-либо отдельной общностью»¹, наиболее характерной и часто встречающейся формой проявления национализма является партикуляризм. Нация на данном этапе обрывает геополитическим и этническим содержанием и начинает обозначать суверенный народ.

Одним из ключевых понятий для осмысления концепции Гринфельд выступает «ressentiment» – термин введенный Ф. Ницше для обозначения чувства ненависти, злобы и обиды. Применительно к нациестроительству «ressentiment» выступает в качестве чувства экзистенциальной зависти и злобы эрзаца по отношению к оригиналу. Когда для общества импортировавшего и инкорпорировавшего идею нации источник этой идеи представляет собой образец для подражания и этот образец заведомо недостижим.

Существует два условия для развития «ressentiment». Первое условие – «сравнимость субъекта и объекта зависти»² и при этом вера субъекта в возможность поставить знак равенства. Второе условие – реально существующее неравенство, которое при этом неустранимо и делает невозможным достижение идеала – исходного состояния объекта зависти. Британская нация, например, лишена «ressentiment», поскольку была первым национализмом и не имеет в предшествующей истории объекта, с которым может провести сравнение.

«Ressentiment» стал краеугольным камнем нациогенеза в России. Социологическая значимость «ressentiment» заключается в построении собственных «ценностей от обратного», компенсируя невозможность устранить чувство «ressentiment» приближением к оригиналу, копия стремится стать еще дальше, чтобы вообще исключить возможность сравнения (один из факторов «ressentiment»). «Чувство ressentiment, испытываемое теми группами, которые импортировали идею нации и служили глашатаями национального сознания своих общностей, обычно приводило к тому, что из собственных местных традиций производился отбор элементов, враждебных изначальному

---

¹ Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008. С. 12

² Там же. С. 20.

национальному принципу»¹.

При становлении немецкой нации использовался другой принцип. Для немцев ключевую роль сыграл синтез местных традиций, во Франции сигнификационными предстают последовательно сменяющиеся на протяжении Французской революции политические идентичности в рамках сохраняющейся политической целостности.

В Америке геополитическая и этническая независимость компенсировалась нацеленностью на идеологическую природу.

Гринфельд высказывает спорную идею о том, что национализм является проводником демократии, т. к. базисными и для одного и для другого явления являются понятия равенства (понятие нация отрешается от классовых различий в пользу объединения и равенства всех социальных слоев). Мысль Гринфельд о демократических корнях национализма конгениальна мысли Андерсона о нациях как о эгалитарных горизонтальных товариществах, с одним лишь но – горизонтальное товарищество не обязательно рождается в демократическом строе.

На наш взгляд социальный строй и идея нации не имеют такой прямой взаимосвязи между собой и скорее коррелируют случайным образом, например в США развитие демократических институтов и становление нации действительно хронологически совпадает, но в России или странах Латинской Америки, что отмечал еще Б. Андерсон, государственное устройство не является прямым следствием политики государственного национализма.

Вне зависимости от различий точек зрения у теоретиков, придерживающихся конструктивистского подхода к исследованию национальных феноменов, есть точки соприкосновения и общие методологические установки. Национализм рассматривается ими в качестве реакции на структурные изменения в обществе, а его характер отражает *Zeitgeist* (дух времени). Нация же признается искусственным конструктом созданным в Новое время. Национализм так же

---

¹ Там же.

появляется в Новое время, порождает диффузию национализмов на глобальном уровне, став мировым явлением и распространившись на все страны, он вызывает бурю национальных движений и установление новой системы мирового порядка – господства государств-наций.

Превращение национализма во всемирное явление обусловлено тем фактом, что многие общества в своем историческом развитии (политическом и экономическом) дошли до индустриальной стадии, которая трансформирует сложившиеся ранее общественные отношения и с необходимостью порождает новую социальную практику – национализм, функция которой заключается в конструировании и поддержании нового социального феномена – нации, выполняющей консолидирующую различные социальные группы функцию. Национализм с необходимостью воспроизводит «национальнополезные» формы общественных отношений и социальные практики, делая возможным само существование нации, которая не способна к самоподдержанию собственной жизни.

В качестве рабочего определения нации мы будем использовать парафраз определения, данного Б. Андерсоном, считавшим, что нация – это воображенное политическое сообщество, понимаемое как глубокое горизонтальное товарищество»¹. Сообщество эгалитарно, т.к. общая национальная идентичность способна на данном этапе нивелировать классовые различия.

Нация, вслед за Андерсоном, определяется нами как созданное в рамках осуществления политики национализма политическое сообщество, которое «воображается» по-разному разными людьми.

Признавая искусственный характер наций, мы считаем, что нацию нельзя в полной мере назвать живой системой, поскольку она хоть и обладает такими свойствами как эмергентность (несводимость суммы частей, в данном случае индивидуальных характеристик членов нации, к целому) и самовалидацией собственного существования (не требуется иных внешних мотиваторов для

---

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 58–59.

членов нации, чтобы действовать в ее интересах и жертвовать собственной жизнью за нее), но не обладает свойством аутопойезиса (самопорождения и самоподдержания собственного существования), а следовательно нуждается для своего порождения и функционирования во внешнем стимуле, каким и является национализм.

Национализм, таким образом, представляет собой функциональное явление, которое изначально было призвано породить нацию, а потом не допустить ее исчезновения, изобретая, сохраняя и воспроизводя «национально полезные» общественные институты и практики.

При выработке дефиниции национализма мы ориентировались на определение, данное Э. Смитом, понимающим национализм как «идеологическое движение за достижение и сохранение самоуправления и независимости от имени группы, отдельные члены которой считают, что она образует действительную или возможную “нацию”»¹. Так же за основу нами было взято пусть и достаточно обтекаемое и генерализированное определение, сформулированное американским конструктивистом К. Калхуном, считавшим, что «национализм представляет собой способ конструирования коллективных идентичностей, который появился вместе с преобразованиями в государственной власти, расширением дальних экономических связей, новыми средствами коммуникации и транспорта и новыми политическими проектами»².

Под **национализмом** мы предлагаем понимать способ постулирования, конструирования и поддержания существования коллективной идентичности, которой является нация.

Осветив основные теоретико-методологические установки и очертив типологизации национализмов, позволим себе резюмировать, сказав что любой национализм так или иначе «прячет в шкафу скелеты» этносов и даже если в дальнейшем не использует этническую подоплеку в своем воспроизводстве, то

---

¹ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий нации и национализма. М., 2004. С. 343.

² Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 33.

при изначальном генезисе национальная идентичность вбирает в себя черты того или/и иного этноса. В политике идентичностей обычно идет перетасовывание уже наличествующего материала.

Механизмы воспроизводства национализма мы рассмотрим далее – в основной части нашего исследования.

ГЛАВА 2. Проблема воспроизводства национализма

§1. Что понимается под воспроизводством национализма?

В рамках конструктивистского дискурса, как отмечалось нами ранее, феномены нации и национализма проявляют себя в полной мере лишь в современную эпоху и конституируются социально-политической деятельностью людей. Эти конструкты представляют собой ответ на вызов времени и непосредственный продукт процессов модернизации и индустриализации. При этом искусственная природа нации не отрицает обращения при ее конструировании к этническим корням. Определенные части этнической идентичности могут быть придуманы, изменены до неузнаваемости, реставрированы или воссозданы в первоначальном виде, чтобы быть включенными в содержание новообразованной национальной идентичности. Однако подобные манипуляции с этничностью не отрицают одного факта – какую бы фрагментарную природу этничность не имела, она придает национализму содержательное наполнение и, формирует благоприятную почву и крайне достоверную атмосферу для усвоения националистической идеологии.

Термин «национализм», как отмечает один из классиков конструктивизма, профессор Лондонской школы экономики Д. Бройи, используется для отсылки к политическим движениям, ищущим или осуществляющим государственную власть, легитимируя свои претензии на управление государством отсылкой к националистическим аргументам, являющимся политической доктриной, построенной на базовых принципах главенства нации¹.

Подобные базовые принципы заключаются в неоспоримом и непреклонном утверждении того, что существует нация, обладающая явным и своеобразным характером и иерархией ценностей, на вершине которой находятся национальные ценности. Кроме того, для сохранения существующего порядка, когда

---

¹ Об этом подробнее см.: Breuilly J. Nation and the State. Manchester, 1993.

собственные интересы находятся на первом месте, нация стремится сохранить суверенитет и быть максимально автономной.

Для английского исследователя национализм имеет отношение в первую очередь к политической власти. А поскольку власть в современном мире в ее наивысшей и наиболее могущественной форме представляется в контроле над государством, то и национализм стремится к этому контролю. По Бройи «национализм – это политическое движение, стремящееся к завоеванию или удержанию политической власти и оправдывающее эти действия с помощью политической доктрины национализма»¹, государство же создает все условия, в которых национализм может себя реализовать.

Таким образом, с радикальной инструменталистской точки зрения, генезис нации и национализма носит предельно функциональный характер и возникает как эффективная форма осуществления государством своих функций контроля (в частности, легитимного насилия).

В своем программном труде «Национализм и государство» автор так пишет о политической природе национализма: «национализм не может быть связан с какими-либо конкретными культурными атрибутами или типом общественного устройства; или какой-либо конкретной коммуникативной структурой; или с интересами конкретного класса; или каким-либо типом экономических отношений; или каким-либо конкретным психологическим состоянием или нуждой; с какой-либо конкретной социальной функцией или задачей. <...> Национализм является формой политики (перевод мой – Д.Щ.)»².

Другой известный исследователь, автор, ставшего уже классическим, труда «Национализм», К. Калхун предлагает оригинальную трактовку национализма, где этот феномен предстает в трех взаимосвязанных измерениях: как дискурс, проект и как способ оценки.

Национализм как дискурс затрагивает в большей степени культурную сферу

---

¹ Цит. по: Коротева В.В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. 1997. №3. Т.2. С. 185-203.

² Breuilly J. Nation and the state. Manchester, 1993. P. 35–36.

и ведет к созданию особой национальной риторики, понятной как представителям собственной нации, так и вне ее. Люди мыслят и выражают себя на национальном языке, каждое слово несет штамп национальной идентичности. Это по большому счету то, что исследователь Х. Бхабха называет «нация как нарратив»¹.

Национализм как проект связан с государственной политикой и социальными движениями по продвижению интересов собственной нации.

И наконец национализм как способ оценки частично перекликается с его «проектным измерением» и представляет собой идеологию, утверждающую превосходство отдельной нации над другими. «В этом третьем смысле национализму часто придается статус морального императива, например: национальные границы должны совпадать с государственными; члены нации должны блюсти ее моральные ценности и т.д. В результате действий, вытекающих из этих императивов, национализм начинает ассоциироваться с крайними проявлениями преданности собственной нации: в этнических чистках, идеологии национальной чистоты и враждебности к иностранцам»².

В широком же смысле, национализм, как мы уже говорили выше, по мнению К. Калхуна является «способом конструирования коллективных идентичностей, который появился вместе с преобразованиями в государственной власти, расширением дальних экономических связей, новыми средствами коммуникации и транспорта и новыми политическими проектами»³.

Как нам кажется, калхуновская триада «дискурс – проект – способ оценки» представляет собой более детальное и подробное описание национализма как политического принципа, прекрасно дополняя риторику Д. Бройи.

Американский исследователь Э. Гидденс помимо политического измерения, которое затрагивает в своих работах его английский коллега Д. Бройи, предлагает рассматривать национализм в идеологическом и психологическом плане, а так же

---

¹ Об этом подробнее см.: Bhabha H. Nation and Narration. London, 1990.

² Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 33.

³ Там же. С. 73.

как отдельную систему символов¹.

Похожую модель рассмотрения национализмов использует и В.С. Малахов, говоря о национализме в первую очередь как о политико-идеологическом явлении, но не упуская из виду и его психологическое измерение². При этом исследователь не выделяет политику в качестве отдельной проблематики, считая, что идеология уже подразумевает под собой связь с властью и политикой, причем связь эта носит практический характер.

Нас в данном случае больше всего интересует психологическая или, как ее еще называют, эмоциональная составляющая национализма. Если говорить о национализме в его психологическом преломлении, то наиболее полно он демонстрирует себя в будничной, незаметной атмосфере обыденной жизни в виде коллективных чувств и эмоций, испытываемых по поводу нации вообще или определенных национальных событий.

Кроме того, в качестве важнейшего структурного элемента национализма, характеризующего его психологическую составляющую, выступает контакт с другими обществами, что позволяет ввести фигуру «Другого» на основании сопоставления с собственным «Я». Подобный дихотомический образ мыслей и референтная природа каждой нации, исходящая из контакта с «Другим» и сопоставления «Я» – «Другой» ведет за собой, во-первых, выкристаллизацию образа «врага», а, во-вторых, появление «чувства досады» (или «ressentiment»), которое, как мы уже упоминали выше, касаясь воззрений исследовательницы Л. Гринфельд в отношении национализма в России, связано с невозможностью приблизиться к «Другому» настолько, чтобы стать этим «Другим». «Другой» с одной стороны предстает как «враг», т.е. нечто абсолютно инородное и инаковое, но с другой стороны и как «идеал», т.е. недостижимое и непостижимое.

Российский социолог А.Г. Здравомыслов очень точно обращает внимание на психологический аспект национализма, говоря о релятивистской теории нации – «дело не только в том, что принадлежность к нации ощущается через

---

¹ Giddens A. The Nation State and Violence. Cambridge, 1985. P. 215–216.

² Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 10–11.

принадлежность к некоему “Мы”, противостоящему неким “Они”. <...> Главный смысл релятивистской теории нации состоит в том, что у каждой национально-этнической группы имеется свой собственный круг национальных или этнических сообществ, с которыми идет постоянное культурное и психологическое сопоставление. Это сопоставление и составляет содержание национального самосознания, которое представляет собой ключевое понятие релятивистской теории наций»¹.

Безусловно, и психологическое, и политическое, и идеологическое, и символическое измерение национализма не могут рассматриваться в абстракции и разделении. Благодаря сочетанию всех из них феномен национализма обладает высокой степенью эмерджентности и не может быть описан лишь как совокупность психологических, политических, символических и идеологических характеристик, без того, чтобы при «препарировании» не потерять сущностных качеств.

Далее мы постараемся рассмотреть феномен национализма в его целостности и подробнее остановиться на механизмах «воспроизводства» национализма уже после образования национального государства. Мы не случайно используем термин «**воспроизводство**» (**reproduction**) национализма, подразумевая под этим непрерывный самовозобновляющийся процесс производства и создания национальных образов и конструирования национальной идентичности.

Особую ценность для нас представляют именно повседневные практики воспроизводства «ортодоксальных» национализмов (в частности, так называемый «банальный» национализм), а также складывающиеся новые национальные движения в борьбе за независимость, которым только предстоит сконструировать нацию и перейти от стадии «горячего» национализма («hot» nationalism) к стадии «банального» национализма («banal» nationalism), который часто называют «бытовым» или «повседневным» национализмом.

---

¹ Здравомыслов А.Г. «Священность» этноса или релятивизм национальной конструкции? // Социологический журнал. 1998. № 3-4. С. 350–351.

В данной работе мы будем использовать введенный исследователем М. Биллигом термин «банальный» национализм, о чем будет более подробно сказано в параграфе, посвященном механизмам внутреннего воспроизводства национализма.

И «горячий» национализм, представляющий собой трансформирующее движение, пробуждающееся к жизни во времена кризиса, и «банальный» национализм, который люди «потребляют» на ежедневной основе и который придает сакральный смысл ежедневной рутине, идут рука об руку при конструировании национальной идентичности и могут переходить один в другой.

«Горячий» национализм представляет собой активную деятельную фазу и призван сформировать у членов сообщества национальное чувство, запустить процесс «воображения» единой нации, которая представляет высшую ценность.

«Банальный» национализм поддерживает это чувство и не дает «воображенному» однажды сообществу кануть в лету. Для этого членам нации постоянно неуловимо напоминают об их единстве. Нация постулирует свое символическое присутствие повсюду, смотрит с политических плакатов, обращается в популярных песнях, становится незримым свидетелем каждого акта купли-продажи, благодаря банкнотам и монетам и т.д.

«Горячий» национализм стремится привить идею нации в качестве сакрального (и в этой связи практически трансцендентного) объекта поклонения. Но «горячий» национализм не может длиться вечно, этот эпизодический феномен ставит своей целью стереть территориальные границы и границы социальных классов, религий, родов, полов, собирая разнородные народные массы под знамена одной единой нации.

«Банальный» национализм имеет, в отличие от «горячего» национализма, долгосрочный характер и направлен на практики, присущие повседневной жизни. Это «неформальный национализм» населения, которое живет своей жизнью – выражает свои пристрастия в международных спортивных соревнованиях,

отмечает национальные праздники¹ и т.д.

Многие исследователи используют термин «национализм» лишь в отношении складывания новых наций, т.е. ограничиваются описанием раннего периода становления и образования национальных государств, иначе говоря, концентрируются на так называемом «горячем» национализме.

Подобная редукция имеет свои причины и обусловлена «ускользающим» характером нации (и этноса). По мнению исследователя К.Х. Момджяна этнос и нация находятся в спящем состоянии и при «нормальном» функционировании общества не проявляют себя, являя себя для наблюдения лишь во время «пиков» и конфликтов в виде национально-освободительных движений и во время этно-религиозных войн. Только тогда присутствие этноса/нации можно фиксировать². Эти пики представляют собой проявления «горячего» национализма.

Но не стоит ставить знак равенства между «нерегистрируемостью» и «несуществованием». Генезис нации после образования национального государства не заканчивается, но переходит в другую фазу, которая обычно не рассматривается в русле национализма. Словно нация после образования национального государства, словно по мановению волшебной палочки, начинает существовать во временном вакууме, предполагающем, что однажды, заявив о существовании особой национальной идентичности и добившись успеха в образовании собственного государства, ей (нации) уже не грозит забвение.

Нация не обладает таким свойством живых систем как аутопоэзис и нуждается во внешних средствах для поддержания своего существования. Этим средством выступает национализм, с одной стороны создающий нацию («горячий» национализм) и с другой стороны ее сохраняющий («банальный» национализм).

Как метко подмечает британский академик Д. Хатчинсон, никто не может

---

¹ Hutchinson J. Hot and Banal Nationalism: The Nationalization of the Masses. // The SAGE Handbook of Nationalism. London, 2006. P. 305.

² Об этом подробнее см.: Момджян К.Х. Антропологический аспект российской самобытности. // Этнос, нация, ценности: социально-философские исследования. М., 2015. С. 161.

полагаться на то, что однажды установившийся и широко «рутинизированный» национализм, продолжит свое незаметное и бесконечное существование. Наоборот, Хатчинсон пишет, что существование «нации представляет собой нелинейный и обратимый процесс (перевод мой – Д.Щ.)»¹.

Нация, будучи созданной, для того, чтобы оставаться таковой в настоящем и продолжить свое существование в будущем непрерывно самовоспроизводится – национализм постоянно «бередит» коллективную память и создает представления о нации, которые разделяет ее большинство, т.е. конструирует национальную идентичность и «пересобирает» ее в духе времени.

Американский политолог М. Биллиг так же указывает, что между всплесками национальных движений нации не прекращают своего существования – и Россия, и США, и Франция, и Германия ежедневно воспроизводятся как нации в мире других наций. Для того, чтобы подобное воспроизводство имело место, должен быть самым банальным образом воспроизведен весь комплекс верований, привычек, стереотипов, представлений и практик, присущих нации².

Это подводит нас к одной из гипотез данной работы. Как уже отмечалось выше национализм представляется нам функциональным явлением, которое изначально было призвано породить нацию, а потом не допустить ее исчезновения, изобретая, сохраняя и воспроизводя «национально полезные» общественные институты и практики. Сам же процесс воспроизводства национализма являет себя в двух плоскостях: внутри и вовне.

С одной стороны, национализм должен постоянно являть «себя-для-своих» поддерживая в них осознание собственной общности, конструируя национальную идентичность, выстраивая стереотип собственного «Я» и образ родины.

С другой же стороны, нация являет себя миру, т. е. «работает на экспорт» и должна постоянно доказывать непоколебимость и правомочность своего существования.

---

¹ Hutchinson J. Hot and Banal Nationalism. The Nationalization of Masses. SAGE Handbook of Nationalism. London, 2006. P. 30

² Ibid. P.6.

Внешнее и внутреннее воспроизводство национализма в каком-то смысле можно соотнести с понятием внешнего и внутреннего культурного суверенитета. Внутренний суверенитет заключается в том, что народ признает за партикулярным государством монопольное право осуществлять легитимное насилие (прямое и символическое) в рамках собственной территории. Внешний же культурный суверенитет включает в себя «самопозиционирование государства в качестве отдельной культурной сущности – “идентичности” – во всемирном соревновании государств, а также соответствующее обращение с этим государством со стороны других государств как других “идентичностей”»¹.

Наличие лишь одного затронутого фактора (вне/внутри) необходимо, но недостаточно. Для существования нации обязательно присутствие обоих типов воспроизводства. О двух этих взаимосвязанных процессах будет сказано ниже.

Механизмы внутреннего (имманентного) воспроизводства национализма создают образ нации для собственного пользования, интериоризируя находящуюся в распоряжении государства территорию, превращая не несущее семантической емкости пространство в Родину и Отечество, «страну в подлинном смысле в идею»².

Механизмы внешнего воспроизводства национализма делают возможным восприятие национальных образов экспортируемых другими нациями и построение на основании этих образов имагинативных карт местности, которые топографически соотнесены с территорией, реально занимаемой национальными государствами.

Причем, образ создаваемый внутри страны и фиксируемый в национальном самосознании и образ воспринимаемый другими могут заметно различаться (намеренно или ненамеренно).

Постоянная репродукция национального образа – воспроизводство

---

¹ Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014. С. 17.

² Выражение Д. Мадзини. Цит. по: Василенко И.А., Василенко Е.В., Емельянова Н.Н. Имидж России: концепция национального и территориального брендинга. М., 2014. С. 111.

национализма, – своей целью имеет стереотипизацию.

Национальный образ становится политическим ресурсом как только к нему можно апеллировать как к стереотипичному, что значит относиться к нему некритично, как к некой вневременной данности. При этом стереотипы отличает консервативность, невосприимчивость к социальным изменениям и неизменность на протяжении многих эпох.

Подобные закономерности характерны как для стереотипов сложившихся о ком-то, так и для стереотипов, используемых для самоописания.

Как отмечают авторы труда «Имидж России: концепция национального и территориального брендинга», большинство стереотипов о России сформировалось еще в период холодной войны и железного занавеса, когда был сконструирован образ СССР как «империи зла», «социалистической угрозы» и «советского агрессора». Последующий период распада СССР, вызвавший череду политических и экономических кризисов, обусловил создание стереотипа о России как о «слабом» и «плохо управляемом» государстве. «Между тем, как показывают исследования, именно эти стереотипы продолжают оставаться ключевыми элементами представлений о России, формировать восприятие сегодняшнего дня страны...»¹. Для мировых СМИ все еще характерно использование угрожающего «русского медведя» при разговоре о России².

Также стереотипы отличает крайняя эмоциональность и отсутствие «полутонов». Филолог С. Филюшкина подчеркивает, что подобная бескомпромиссная оценка «может распространяться не только на свою, но и на другие нации»³, т.к. главная функция стереотипа – отделить «своих» от «чужих».

Мысль о том, что вопрос о национальной идентичности находится в тесной связи с вопросом о национальных стереотипах, не является новой, но тем не менее заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее в связи с

---

¹ Там же. С. 14.

² Об этом подробнее см.: «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. Рябова О.В. и де Лазари А. М., 2012.

³ Филюшкина С.Н. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода). // Логос. 2005. № 4 (49). С. 142.

проблемой воспроизводства национализма (как внутреннего, так и внешнего).

В социальных науках существует несколько полярных точек зрения на то, как относиться к стереотипам. Единственное, в чем сходятся представители различных теоретических концепций, так это в том, что существование стереотипов несет в себе практический смысл.

С одной стороны, все еще высказывается ортодоксальное мнение о ложности стереотипов, которые представляют собой ошибочное верование, преувеличение или неподкрепленное утверждение. Так, например, исследователи У. Липпман¹ и П. Хинтон² говорят о стереотипах как о закостенелых упрощенных образах, которые складываются в умах людей под воздействием восприятия окружающей их культуры. Несмотря на то, что стереотипы помогают преодолеть ограниченность познавательных способностей человека и воспринять новую информацию, они в корне неверны.

С другой стороны, высказывается более нейтральная позиция, относящая стереотипы к своеобразным социальным конструктам, имеющим дискурсивную природу и способствующим адаптации и ориентации субъекта в окружающем мире. Одни из родоначальников подобного подхода исследователи Л. Ван Лангенхофа и Р. Харре определяют культурные стереотипы как социально сконструированные репрезентации категорий людей, образы которых меняются в зависимости от контекста и дискурсивных целей и выбираются субъектом из «запаса стереотипов», существующего в культуре³.

Так же существует точка зрения, которую разделяет и автор настоящего исследования, объясняющая существование стереотипов особенностями человеческого мышления (стереотипное мышление неразрывно связано с категориальным мышлением вообще). Подобные взгляды характерны для приверженцев когнитивных подходов в лингвистике и психологии.

Стереотипы определяются как когнитивные структуры, которые содержат

---

¹ Об этом подробнее см.: Lippmann W. Public Opinion. NY, 1997. P. 8–56.

² Об этом подробнее см.: Hinton P.R. Stereotypes, Cognition, and Culture. Hove, 2000. P. 9.

³ Об этом подробнее см.: Van Langenhove L., Harré R. Cultural Stereotypes and Positioning Theory // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1994. № 24 (4).

знания, верования и ожидания относительно социальных групп. Как и другие категории, стереотипы подчиняются принципу когнитивной экономии, порождая заключения и ожидания, которые выходят «за рамки данной информации» с минимальной когнитивной обработкой¹. Воображение инаковости и сама фигура «Другого», т.е. иностранца, является неотъемлемой частью теоретического сознания национализма.

Дань негативным образам «другого» и отрицательным национальным стереотипам отдает, прежде всего, массовая культура, например, в анекдотах, рисуя представителя нации, от имени которой ведется рассказ, зачастую в более выгодном свете, как носителя некоей поведенческой нормы, в то время как представители другой нации выступают в качестве отклонений от заданной «нормальности».

Существование национального стереотипа напрямую связано с имиджем государства, который представляет собой «стереотизированный образ страны, существующий в массовом сознании»² и сформированный с целью воздействия на общественное мнение как вне, так и внутри страны.

§2. Механизмы внутреннего воспроизводства национализма

Под **внутренним (или имманентным) воспроизводством национализма** нами, прежде всего, понимается перманентное утверждение национальной идентичности в рамках государства, регулярное осуществление «политики памяти», «банальный» национализм и патриотизм.

Безостановочное воспроизводство национализма, как мы уже отмечали ранее, имеет предельно функциональный характер и в своем внутреннем преломлении является формой осуществления государством кратических функций легитимного символического насилия.

Исходя из концепции П. Бурдьё практика символического насилия

---

¹ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 142.

² Панарин И.Н. Информационная война и дипломатия. М., 2004. С. 317.

применяется к социальному агенту при его соучастии и позволяет выстроить в массовом сознании выгодную господствующей элите иерархию ценностей и норм, внедрить тотальную и унитарную семантическую аксиоматику, монополизировать толкования. Наиболее плодородной и восприимчивой почвой для внедрения новых аксиоматик является состояние «незнания» – т.е. искаженное, неполное, упрощенное, мистифицированное или мифологизированное знание, которое существует в коллективном сознании (в контексте воспроизводства национализма примером незнания, в частности, являются политические мифы). Состояние «незнания» позволяет бессознательно и дорефлексивно принимать навязываемые сверху нормативно-ценностные стереотипы.

Как верно отмечал П. Бурдьё, символическая власть делает возможной установку гносеологического порядка, который конструирует новую реальность. Она (символическая власть) предполагает в себе то, что А. Радклифф-Браун связывал с «социальной солидарностью», основанной на общности символической системы, а Э. Дюркгейм называл логическим конформизмом, т. е. «гомогенным восприятием времени, пространства, числа, причины, что делает возможным согласие между умами»¹.

Одним из основных социальных институтов, посредством которого к людям применяется символическое насилие является система образования. Далее это будет показано на примере рассмотрения Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», которое ставит своей целью конструирование национальной идентичности с самого раннего возраста.

Для того, чтобы система властных отношений могла эффективно функционировать в полиэтничном обществе, распространяя контроль на достаточно большие территории необходимо с одной стороны оттолкнуться от этнических особенностей, с другой оттолкнуть этнические особенности в пользу не таких специфических более общих характеристик, коими и предстает

---

¹ Бурдьё П. О символической власти // Социология социального пространства. СПб., 2007. С. 89.

синтетический национальный образ.

Образ нации транслируется и тиражируется через выстроенные общественные институты (например: СМИ, Министерство образования и другие) для интериоризации (*Verinnerlichung*) его гражданами и инициации поиска внутри себя черт, которые нациестроители по какому-либо критерию определили, как характерные для данной нации. Несмотря на то, что национализм имеет более широкий смысл и не ограничивается лишь отсылкой к этничности, наиболее частой представляется ситуация, когда эти характерные национальные черты перетекают в «национальное настоящее» из «этнического прошлого».

Национальный характер же, в упрощенном виде, представляет собой совокупность поведенческих свойств. Можно провести аналогию с ипохондрией, когда пациент ищет и, в конечном счете, находит у себя симптомы болезней. Граждан заражают «коллективной ипохондрией», когда в своих индивидуальных особенностях человек ищет и обязательно находит отражение коллективно-национального.

Подобная склонность к порождению «эффектов акцентуации» является одним из аспектов социальной категоризации и наиболее полно описана английским психологом Г. Таджфелом, который подчеркивает врожденное стремление людей к гиперболизации как сходств между объектами одной категории (в данном случае между членами одной нации), так и отличий между объектами разных категорий (в данном случае членами разных наций)¹.

Подобная гиперболизация межкатегориальных различий и внутрикатегориальных однородностей способствует «овеществлению групп»² и превращению их в социальный факт, используя терминологию социальных философов П. Бергера и Т. Лукмана происходит «реификация»³ воображаемого сообщества коим является нация.

---

¹ Об этом подробнее см.: Hogg M.A., Abrams D. *Social Identifications: A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Processes*. London, 1988. P. 19.

² Брубейкер Р. *Этничность без групп*. М., 2012. С. 142.

³ Об этом подробнее см.: Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М., 1995. С. 146–147.

Реификация считается успешной, когда новый социально сконструированный феномен (в нашем случае – нация) начинает ощущаться как реальность, что делает его, согласно известной в социологии теореме Томаса, реальным по своим последствиям. Теорема Томаса была блестяще перенесена на проблему нациестроительства английским историком Х. Сетон-Уотсоном, который утверждал, что «нация существует, когда значительное число людей в сообществе рассматривают себя или ведут себя так, как будто они образуют нацию»¹.

Национализму необходимо постоянно являть «себя-для-своих», конструируя национальную идентичность и поддерживая в членах нации осознание собственной общности. Это прерогатива патриотизма и «банального» национализма, выстраивающего стереотип собственного «Я», когда национальность начинает уподобляться «цвету кожи, полу, родословной или эпохе, в которую довелось родиться, т. е. всему тому, что не дано изменить»².

Кроме того, внутреннее воспроизводство национализма предполагает осуществление государством символической политики или «политики памяти», что подразумевает активную «работу с прошлым», которое выступает в качестве «строительного материала» и которое пересобирается при конструировании различных типов социальных идентичностей. Но особую ценность и значимость прошлое приобретает при воображении наций.

Как справедливо, по нашему мнению, отмечает исследователь Д. Пури, подчеркивая сконструированную природу нации и расширяя парадигму «культурного конструктивизма»: «Национализмы необходимо непрерывно воображать, воспроизводить, о них нужно постоянно напоминать для того, чтобы они казались чем-то нормальным и естественным. (перевод мой – Д.Щ.)»³.

Особая роль в этом процессе отдана государству и государственным

---

¹ Seton-Watson H. Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Methuen, 1977. P. 5.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 161.

³ Puri J. Encountering Nationalism. Malden, 2004. P. 210.

институтам, а также политическим элитам, целью которых является воспроизводство конформизма.

Истеблишмент решает какие факты прошлого рассматривать как политически значимые, а какие нет. В качестве яркого примера можно привести изменение отношения к историческим личностям или переосмысление исторических событий – так после распада СССР в процессе построения украинской нации был реабилитирован И. Мазепа, сейчас производится попытка переосмыслить действия УПА во Вторую Мировую войну. Не будет преувеличением сказать, что национальное настоящее способно формировать национальное прошлое.

На этапе формирования национальной предыстории, которая нашла бы свое продолжение и отражение в национальной действительности, происходит и создание набора интенциональных актов, составляющих сущность не только национальной идентичности, но и призму, через которую будут восприниматься все окружающие реалии и выноситься оценочные суждения; создаются коридоры общих смыслов и генерализирующая система кодификации любых событий, характерная для данной нации.

Конечно, сразу следует оговориться, что просчитать все невозможно и остается некоторая доля случайных следствий и экстерналий, которые не могли быть учтены при разработке проекта будущей нации, т. к. нациестроители в качестве материала имеют дело не с деревом или металлом, а с реальными людьми, которые не всегда руководствуются *ratio*. Это, в частности очень точно отмечает К. Касториадис в своей фундаментальной работе «Воображаемое построение общества», говоря что «...общество само создает свой символизм, однако не пользуется при этом абсолютной свободой. Символизм сцеплен с природой, сцеплен с историей (с тем, что уже существует) и, наконец, он причастен рациональному. В результате возникают такие цепочки означающих, отношения между означающим и означаемым, связи и последствия, которые не

предполагались и которые невозможно было предвидеть»¹.

«Политика памяти»

Политические элиты, которые стоят во главе государственного аппарата, обладают достаточным символическим капиталом (придающим авторитет их высказываниям) и имеют доступ к инструментам коммуникации, в рамках осуществления «политики памяти» от имени государства, с одной стороны, создают и трансформируют мифы о коллективном прошлом, а с другой – используют уже сложившиеся продукты мифотворчества.

При этом политические элиты ведут постоянную борьбу за возможность формировать интерпретации. Социолог Д. Белл называет это «пространство борьбы» – «mythspace», подразумевая «дискурсивную сферу, где происходит борьба за контроль над памятью людей и имеет место бесконечное формирование и ниспровержение националистических мифов»².

Ставки в этой борьбе элит крайне высоки, т.к. на кону находится особый вид производительной силы, которая способна упорядочивать социальное поле. Контроль над интерпретациями, а также над тем, что из прошлого следует «передать» в настоящее, а что можно опустить, о чем следует помнить, а что следует забыть, означает и опосредованный контроль над структурами социального поля.

Можно вслед за Ф. Ницше сказать, что людей связывает не общая память, а то, что они вместе решили забыть. Еще до немецкого философа Э. Ренан, описывая становление французской нации, говорил о нации как о сложном балансе между коллективным опытом воспоминания и коллективным опытом забвения. Российский антрополог В.А. Тишков так же подчеркивает относительную субъективность коллективной памяти и отмечает, что «в

---

¹ Касториадис К. Воображаемое установление общества. М., 2003. С. 142.

² Цит. по: Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. С. 19.

национальной памяти важен базовый консенсус, т. е. согласие большинства общества по поводу выбора основных событий прошлого и их трактовки»¹.

Политический миф как частный случай мифа конструируется на основе ранее существовавшей «семиологической цепочки» и, по мысли французского философа Р. Барта, представляет собой «вторичную семиологическую систему», которая способна трансформировать изначальный смысл символа. По мнению немецкого философа Э. Кассирера, политические мифы не отличаются от мифов, скажем Древней Греции, что придает политическому устройству нации и ее истории сакральный смысл.

Как отмечает российский политолог О.Ю. Малинова мифологизация оказывается успешной и широко используется носителями национального самосознания «за счет использования фреймов – устойчивых когнитивных структур, которые обеспечивают метакоммуникативное определение ситуации. Задавая смысловые рамки для ее репрезентации и понимания»².

Существующая коллективная память об общем прошлом встраивается в более общую и значимую идею национальной судьбы, где каждое событие воспринимается не как случайное, но через призму высшего предназначения, приобретая сакральный оттенок. Белые пятна закрашиваются, а события, не вписывающиеся в общую канву повествования и становления нации, – вычеркиваются, таким образом, формируется национальный нарратив, который характеризуется смысловым единством исторических событий, объясняет «генеалогию» нации и задает паттерны интерпретаций конкретных эпизодов национального прошлого, которые экстраполируются и на объяснение всего, что случится с нацией в будущем.

Прошлое не заостенело, но постоянно меняется в угоду настоящему, «настоящее дирижирует прошлым, словно музыкантами оркестра. Настоящему нужны именно такие звуки, а не другие. Поэтому прошлое кажется то ближе, то

---

¹ Тишков В.А. Российский Народ. Книга для учителя. М., 2010. С. 189.

² Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. С. 11.

дальше. Оно то звучит, то умолкает. На настоящее воздействует лишь та часть прошлого, которая нужна, чтобы либо высветить это настоящее, либо затемнить его»¹. Возможно А. Ассман и вкладывает слишком большую власть в руки строителей настоящего, воспринимая тех к кому эти строители обращаются слишком аморфно и безлико, но только отчасти.

Для того, чтобы сформировать коллективную идентичность и «пробудить» чувство единства с членами той же нации «необходимо, чтобы индивид мог отождествлять себя с разворачивающимся во времени нарративом»².

Один из «адептов» теории идентичности в международных отношениях И. Нойманн так описывает значение деятельности государства (а именно, лично главы государства) при построении коллективной русской идентичности (нации): «Путин пытался консолидировать коллективную русскую идентичность, перебросив исторический мост из настоящего в прошлое: не исключив при этом Советской эпохи, он тем самым обозначил якобы непрерывную во времени идентичность страны, которая как раз в этот период ощущала отсутствие непрерывной истории»³.

Прошлое выступает как неотъемлемая часть формирования чувства идентичности, как отмечает профессор Д. Лоуэнталь в монографии «Прошлое – чужая страна», «уверенность в том, что “я был” является важным компонентом уверенности в том, что “я есть”»⁴.

Помимо символического, скорее даже онтологического смысла, подобная непрерывность истории, которая проявляется как генеалогическая связь прошлого и настоящего (а также будущего), имеет и откровенно практический смысл – «нации и индивидуумы обычно прослеживают происхождение своих предков, институтов, культуры, идеалов для того, чтобы придать характер законности

---

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 13.

² Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. С. 5.

³ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 15–16.

⁴ Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004. С. 91.

претензиям на власть, престиж и собственность. Тот факт, что этими вещами обладали наши предки, делает их также нашими вещами; именно от предков мы все это унаследовали»¹.

Прежде чем двинуться дальше, стоит остановиться на таком прочно вошедшем в обиход социальных наук концепте как «коллективная память», о которой мы в контексте осуществления символической политики государства упоминали ранее в этом параграфе.

Мы склонны согласиться с немецким историком Р. Козеллеком, отрицающим объективное существование коллективной памяти, частным случаем которой является и память национальная, которая существует лишь благодаря нарративу, делающему возможным сформировать «долговременную социальную память», актуализировать и передать прошлое, сформированный опыт и знания от одного носителя индивидуальной памяти к другому, от одного поколения к другому². Именно благодаря нарративу и возможна постоянна пересборка национального прошлого в частности и национальной идентичности в общем.

«Политика памяти» включает в себя не только деятельность, которая непосредственно связана с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве, но и опредмечивание коллективной истории, т.е. создание так называемой «социальной инфраструктуры памяти» – памятников, посвященных великим событиям в жизни нации или ее членам, музеев, ритуалов (в том числе и спортивных) и изобретенных традиций, книг, фильмов и других культурных артефактов, т.е. всего того, что побуждает членов нации чувствовать себя частью некоторого большего «Мы», «вспомнить» коллективное прошлое и участвовать в коммеморации.

Подобные «социальные инфраструктуры памяти» незримо присутствуют повсюду и пронизывают повседневную жизнь, они обладают двойственной

---

¹ Там же. С. 107.

² Об этом подробнее см.: Ashgate Research Companion to Memory Studies. Ed. by Kattago S. Farnham, 2015. P. 4.

природой – то остаются незаметными, то проявляются. Нет ничего более незаметного, чем монумент¹, отмечал писатель Р. Музиль, нет ничего более естественного, чем поддержка национальной сборной, нет ничего более повседневного, чем использование монет и банкнот, буквально усеянных национальными символами, нет ничего более ожидаемого, чем наличие у нации отличного от других флага и гимна.

Патриотизм

Термин национализм относится к убеждениям членов «других» наций, а когда же речь заходит о «собственных» убеждениях, применяется понятие «патриотизм». Патриотизм затрагивает «наши» представления о нации, «нашу» преданность и лояльность, которые воспринимаются как нечто само собой разумеющееся и имманентное «нам».

Несмотря на то, что мы в данном исследовании исходим из посылки о том, что нация – это проект по большей части (т.е. не отрицая этнические корни) сконструированный, он должен осознаваться естественным и абсолютно народным, как народные песни, которые, в большинстве своем, имеют конкретное авторство.

Нация, с самого начала своего существования, стремится к самообману, к тождеству и одновременному различию фактичности и трансцендентности, используя терминологию французского философа Ж.-П. Сартра. С одной стороны, нация является конструктом Нового времени (т.е. представляет чистую фактичность), но при этом ведет себя так, как будто она трансцендентна и существование ее вневременно необходимо, обличая в свои категории все происходящие, происходившие и вообще возможные явления.

Принадлежность к нации можно метафорически сравнить с одеялом, которое должно укрыть классовые, культурные, гендерные противоречия, но это –

---

¹ Musil R. Monuments // Musil R. Posthumous Papers of a Living Author. London, 1995. P. 64.

лоскутное одеяло, где этносы представляют собой отдельные произвольно скроенные куски, сшитые нитками генерализированной мифолого-идеологической парадигмы, которая воспринимается как трансцендентная, но при этом фактическая. Парадигма добытийственности и сверхочевидности, вневременная и внепространственная в своем онтологическом статусе, но при этом подчинившая себе все прошлое и тотально управляющая историей.

Патриотизм, как и национализм, детерминирован нарративом, политической ангажированностью субъекта, его политическими предпочтениями и т.д.

Патриотизм является неригидным термином, изучение патриотизма так же затрудняет его инкорпорированность в повседневный полисемантический политический язык. Тем не менее *sensu lato* можно классифицировать этот феномен с точки зрения абсолютизации национальной гордости на безапелляционный патриотизм (бесконечно гипертрофированная любовь ко всем проявлениям национального, доведенная до абсурда в так называемом «Ура-патриотизме») и умеренный. Так же можно провести градацию по базису «предмет гордости».

Предметом гордости может являться собственно народ-нация (или более узко – этнос) и то, чем он обладает – история, культура, великие люди, язык, религия, национальный характер и т.д. Так, по данным выборки общественного мнения, проведенной ВЦИОМ в июне 2010 г., жители России называли главным поводом для гордости историческое прошлое России (47%). Кроме того, россияне гордятся страной как местом, в котором родились и выросли (32%), и территорией, на которой сейчас живут (30%)¹. В аналогичном опросе ВЦИОМ, проведенном в 2013 г., опрошенные так же поставили на первое место отечественную историю (85%), но отдали второе и третье место спортивным достижениям (77%) и культуре России (75%)².

---

¹ Пресс-выпуск №1563. Чем гордятся россияне. 19.08.2010. // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13741> (дата обращения: 15.09.2015).

² Пресс-выпуск №2357. История, спорт, наука: чем гордятся россияне? 29.07.2013. // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114310> (дата обращения: 15.09.2015).

Предметом гордости так же может служить государство (как определенный государственный строй, так и сама ограниченная территория проживания), государственные символы и то, чем государство обладает – природные богатства, военная мощь и т.д. По данным другого социологического опроса, проведенного ВЦИОМ в июне 2009 г., чувство восхищения и гордости у россиян вызывает гимн (56%), флаг (52%) и герб (49%) страны¹. Опрос того же ВЦИОМ в августе 2015 г. показал рекордный рост (за все время проведения опросов, начиная с 2006 г.) популярности государственных символов среди населения – гимном начали гордиться 72% респондентов, флагом – 67% и гербом – 69% соответственно².

Немецкий философ Г.В.Ф. Гегель связывает патриотизм с доверительным умонастроением, присутствующим в обыденной жизни и являющимся субстанциальной основой любого государства. Обыденный характер этого явления, осознание членами нации когерентности целей государства и собственных индивидуальных целей, все это становится основой для проявления патриотизма в моменты сверхнапряженности: «<...> патриотизм как заключающаяся в истине уверенность (чисто субъективная уверенность не исходит из истины и есть лишь мнение) и ставшее привычкой воление есть лишь результат существующих в государстве учреждений, в котором разумность действительно налична, а также обретает свою деятельность посредством соответствующего этим учреждениям действия. Это умонастроение есть вообще доверие (которое может перейти в более или менее развитое понимание) – сознание, что мой субстанциальный и особенный интерес сохранен и содержится в интересе и цели другого (здесь — государства) как находящегося в отношении ко мне как единичному, вследствие чего этот другой непосредственно не есть для меня другой, и я в этом сознании свободен»³.

Нельзя не отметить, что существует отличный от используемого в данном

---

¹ Пресс-выпуск № 1295. 20.08.2009. // ВЦИОМ: [сайт].

URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=12311> (дата обращения: 15.09.2015).

² Пресс-выпуск №2911. Герб, гимн и флаг России: знание и отношение. 20.08.2015. // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115359> (дата обращения: 15.09.2015).

³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 292.

исследовании взгляд на соотношение национализма и патриотизма, в частности английский писатель Д. Оруэлл в своем послевоенном эссе, посвященном патриотизму, пишет: «Национализм предстает как привычка идентифицировать себя со всей нацией, не оценивая ее с точки зрения категорий добро/зло и признание за собой как за членом этой нации преследовать ее интересы. Но национализм не следует путать с патриотизмом. Под патриотизмом понимается, прежде всего, преданность определенному месту и образу жизни, который представляется лучшим в мире, но не принуждение людей при этом насильно следовать ему. Патриотизм по своей природе имеет защитную окраску, национализм же крайне агрессивен. Если патриот стремится защитить, то националист захватить и обратить»¹.

К. Хюбнер, анализируя воззрения Н. Макиавелли, так же рассматривает радикальную форму национализма, которая представляется в виде крайнего патриотизма: «в национальном метафизическом мифе Макиавелли нация ничего не желает, кроме себя самой. Итак, духовные устремления Макиавелли направлены лишь к одной великой цели – восстановлению величия Италии»².

Нужно понимать, что такие излишне радикализованные установки прежде всего обусловлены историческим контекстом. Оруэлл пишет эссе на волне победы над нацистской Германией, для четкого разграничения национализма (низводимого до границ национал-социализма) и патриотизма (описывающего прежде всего настроения антигитлеровского лагеря). Именно поэтому в мае 1945 г. Д. Оруэлл так педантирует дифференциацию между защитой и агрессией. Н. Макиавелли же, занимаясь практической политикой и занимая во Флоренции пост государственного секретаря, по понятным, исходя из его статуса, причинам и учитывая постоянные междоусобные войны городов-государств Италии, осознавал необходимость объединения Италии и построения сильной вертикали власти, что отразилось и на его понимании патриотизма.

---

¹ Orwell G. Notes on nationalism. [электронный ресурс] URL: http://orwell.ru/library/essays/nationalism/english/e_nat (дата обращения: 15.09.2015).

² Хюбнер К. Нация. М., 2001. С. 396.

Но антитеза национализма и патриотизма не исчерпывается лишь Англией и Италией. Исследователь В.С. Малахов прослеживает устойчивую традицию противопоставления национализма и патриотизма в российской традиции, указывая в частности, что «словарь Владимира Даля определяет национализм как “узкий патриотизм, шовинизм”»¹.

Исследователь феномена патриотизма М. Вироли так же предлагает отделить патриотизм от национализма, указывая на одну отличительную особенность: патриотизм представляет собой попытку продвигать интересы всех тех, кто родился или проживает в одной «*patria*», т.е. в одной стране, вне зависимости от того, к какому этносу или к какой нации они принадлежат; национализм же ставит своей целью продвижение интересов тех, кто представляет собой одну «*natio*», т.е. обращается ко всем членам одной нации, независимо от страны их проживания².

Подобная установка национализма, как нам кажется, очень точно «схвачена» в определении нации, данном Ю.И. Семеновым, считающим что «нация – есть совокупность людей, имеющих общее отечество»³. Именно об отечестве у Вироли в его описании национализма и идет речь.

Национализм, по мнению итальянского исследователя, потому часто употребляется как синоним патриотизма. В своем современном виде национализму удалось трансформировать, абсорбировать и адаптировать язык патриотизма. Фраза «любовь к стране», которая представляет центральную идею и ядро патриотизма, начинает пониматься как «любовь к нации», за которой тенью стоит государство.

Как уже было сказано в главе 1, для данной работы наиболее продуктивно придерживаться, насколько это вообще возможно для исследователя, нейтральных взглядов на феномены нации и национализма. Следуя данным методологическим

---

¹ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 15.

² Viroli M. For the Love of the Country: An Essay on Patriotism and Nationalism. Oxford, 1995. P. 3–4.

³ Семенов Ю.И. Политодемотические общности, политодемотии и нации // Этнос, нация, ценности: социально-философские исследования. М., 2015. С. 75.

установкам, для подтверждения теоретических исследований практическими выкладками рассмотрим, на примере федеральной целевой программы патриотического воспитания в Российской Федерации, поэтапное построение здания патриотизма путем жесткого государственного контроля и подключения всех государственных институтов. Это позволяет нам сделать вывод о реальном использовании конструктивистских практик и апеллировании к конструктивистскому подходу рассмотрения феноменов нации и национализма в современной практической политике, что когерентно высказываниям М. Вебера о феномене наций и национального, говорящего, что «нация – это в первую очередь категория практики, а не категория анализа»¹.

Патриотизм национален и механизм патриотических чувств созревает в самом обществе, но рождается совместно и во многом благодаря государству, через подчеркивание своей истории, возможно, ее более позитивного переосмысления, подчеркивание своей уникальной идентичности, но в то же время, стандартизируя встречающиеся в обществе практики для создания эффекта сплоченности.

Так создается понятие «Родина», которым и оперирует патриотизм. «Родина», «Отечество» – понятия, которые не связаны с политическим режимом, идеологией, харизмой лидеров, обрядами и обычаями, они реферируют к со-родичам, со-отечественникам, землякам (в более узком смысле) – к народу/нации и территории, – двум наиболее сложно отчуждаемым и неизменным принципам.

Вопрос построения единой нации после девальвации идеологической системы Советского Союза встал достаточно остро. Чтобы эффективно функционировать в социальном и политическом плане необходимо было заново возводить здание патриотизма. Тандем по передаче ценностей «семья-государство» перестал эффективно работать, понятие «гармонично развитая личность» и «преданный ответственный гражданин» оказались более не слиты. Индивидуальные интересы в современном российском обществе в какой-то

---

¹ Цит по: Брубейкер Р. Размышления о национализме и патриотизме // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 111.

момент стали выше интересов группы (вплоть до самой расширенной группы – нации).

Современные родители политически аморфны и не сильно стараются прививать гражданскую позицию своим детям. По данным ВЦИОМ, в 2011 г. две трети опрошенных игнорировали общественную и политическую жизнь страны (61%)¹, в аналогичном опросе ВЦИОМ 2013 г. количество индифферентных граждан снизилось до 41%, при этом основной формой общественно-политического участия остались выборы².

Поведение гражданского общества не должно уподобляться синусоидальной кривой, характеризующейся пиковой активностью после наступления определенного события – достижения определенной точки (в частности, выборов). При этом другой опрос ВЦИОМ, проведенный в 2010 г. и посвященный патриотизму показывает, что патриотами считают себя 88% опрошенных, при этом политическая ангажированность не соотносится в умах респондентов с патриотизмом, а патриотизм по-русски скорее раскрывает себя в уважении традиций (48%) и укреплении семьи (46%)³.

Конгениально выводам, полученными ВЦИОМ и проведенное в 2015 г. исследование Левада-Центра, показывающее, что за 5 лет ситуация коренным образом не изменилась: патриотами считают себя 78% опрошенных, а под патриотизмом большинство понимает «глубокое личное чувство» не имеющее ничего общего с гражданской активностью и деятельностью на благо государства – так ответили 80%⁴.

Согласно результатам опроса, проведенного Левада-Центром годом ранее,

---

¹ Пресс-выпуск №1728. Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? 11.04.2011 // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111514> (дата обращения: 15.09.2015).

² Пресс-выпуск №2269. Политическая жизнь страны: оценка и участие. 03.04.2013 // ВЦИОМ [сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113813> (дата обращения: 15.09.2015).

³ Пресс-выпуск №1522. Новый русский патриотизм: национальный, государственнический или гражданский? 23.06.2010 // ВЦИОМ [сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13603> (дата обращения: 15.09.2015).

⁴ Патриотизм и государство. 29.04.2015 // Левада-центр: [сайт]. URL: <http://www.levada.ru/old/29-04-2015/patriotizm-i-gosudarstvo> (дата обращения: 15.09.2015).

большая часть россиян считала, что быть патриотом – значит «любить свою страну» (68%). Патриотизм соотносят с «работой во благо/для процветания страны» только 27% респондентов¹.

Гражданин (как человек активно участвующий в политической жизни страны) направляет свои действия на удовлетворение скорее потребностей общества (более узко государства), тогда как личность более индивидуализирована и направлена на решение своих задач или задач значимых для нее малых социальных групп. Семья не справляется с воспитанием гражданина, поэтому эту функцию в большем объеме берет на себя государство через систему школ, финансируемых из государственного бюджета. Появляется система патриотического воспитания, которое определяется как «систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти и организаций по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины»².

С 2001 г. в Российской Федерации внедряется государственная программа патриотического воспитания граждан, каждые четыре года она корректируется в соответствие с достигнутыми результатами и поставленными целями, приспосабливается к вызовам времени. Если программа 2001-2005 гг. больше делала акцент на военно-патриотическом воспитании, подготовке кадров для патриотического воспитания, предотвращении фальсификации истории, в общем, пыталась защитить и переосмыслить прошлое, то программа на 2011-2015 г. была нацелена прежде всего на будущее, что отражено в формулировке конечного результата ее реализации – «предполагается положительная динамика роста

---

¹ Подмена понятий: патриотизм в России. 27.05.2014. Левада-центр: [сайт]. URL: <http://www.levada.ru/old/27-05-2014/podmena-ponyatii-patriotizm-v-rossii> (дата обращения: 15.09.2015).

² Определение взято нами из Государственной Программы «Патриотическое Воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы» (утв. постановлением Правительства РФ от 16 февраля 2001 г. №122). // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». URL: http://base.garant.ru/1584972/#block_1000#ixzz3zzBfaiMC (дата обращения: 13.02.2016).

патриотизма в стране, возрастание социальной и трудовой активности граждан, особенно молодежи, их вклада в развитие основных сфер жизни и деятельности общества и государства, преодоление экстремистских проявлений отдельных групп граждан и других негативных явлений, возрождение духовности, социально-экономическая и политическая стабильность и укрепление национальной безопасности»¹.

Этот же вектор в будущее закреплён и в Программе на 2016-2020 г., более того, функции координатора при реализации Программы были возложены уже не на Минобороны или Минобрнауки, а на Росмолодежь.

Бюджет программы увеличился более чем в 9 раз за 15 лет: с 177,95 млн. рублей на 2001-2005 гг., до 777,2 млн. рублей на 2011-2015 гг. и 1,66 млрд. рублей на 2016-2020 гг.

Если в первый период реализации Программы (2001-2005 гг.) военно-патриотическое воспитание играло решающую роль и фактически было синонимом патриотического воспитания, уже то, что координацию деятельности по реализации Программы осуществляла Правительственная комиссия по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, говорило о ее направленности. То начиная со второго этапа реализации (2006-2010 гг.) акцент Программы патриотического воспитания сместился в воспитание не только «гражданина-воина», которому «не все равно» в критический момент, но и «гражданина-голосующего», которому «не все равно» в рамках нормального функционирования государства. Начиная с четвертого этапа (2016-2020 гг.) реализации Программы патриотическое воспитание направлено на воспитание будущих защитников национальных интересов, воспринимаемых скорее не в военном, а символическом плане как «исторически сложившиеся культурно-самобытные ценности и духовные традиции страны»².

---

¹ Государственная Программа «Патриотическое Воспитание Граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы». (утв. постановлением Правительства РФ от 5 октября 2010 г. №795). // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». URL: http://base.garant.ru/199483/#block_10000#ixzz3zzC5E987 (дата обращения: 13.02.2016).

² Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской

По мнению экспертов института глобализации и социальных движений, внедрение патриотического воспитания наоборот воспитает оппозиционеров и революционеров, фактор экономического кризиса нагнетает социальную напряженность, нравственное воспитание вместо фундаментального образования только усугубит ситуацию¹, а постоянно повторяемая, но ничем не подкрепленная мантра «любви к Родине» приведет к падению существующего политического режима. Логичным выводом из этой статьи следовало бы, если не свернуть Государственную Программу патриотического образования, то минимизировать ее воздействие до поздравления ветеранов Великой Отечественной войны 9 мая и уж никак не вносить нравственное воспитание в новый образовательный стандарт.

Как нам кажется, идеологический и патриотический не являются синонимами. Вводя программу патриотического образования, государство не строит новую идеологию, но пытается привить чувство национального единства и осознания себя как граждан одной страны. Патриотизм идет дальше, чем приверженность определенному государственному строю. Не важно какой режим строит нацию, национальное самосознание не тождественно идеологическому: когда французы «метались» от республики к империи, то все равно оставались французами и в дальнейшем стали единой французской нацией.

«Банальный» национализм

«Банальный» национализм представляет собой повседневные, привычные формы нашего национализма, укоренившиеся, вселившиеся в нашу ежедневную жизнь и, по нашему мнению, является одним из механизмов внутреннего

Федерации на 2016-2020 годы» (утв. постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. №1493). // Справочно- правовая система «КонсультантПлюс»: [электронный ресурс] / НПП «КонсультантПлюс». URL:

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PNPA;n=9142;div=PRJ;dst=100025,-1;rnd=189271.6221551497001201> (дата обращения 13.02.2016).

¹ Уроки Патриотизма Воспитают Революционеров. [электронный ресурс] // Институт глобальных и социальных движений: [сайт]. URL:

http://www.igso.ru/articles.php?article_id=315 (дата обращения: 15.09.2015).

воспроизводства национализма. Американский исследователь М. Биллиг говорит о национализме *sensu lato* как о «понятии, охватывающем способы воспроизводства национальных государств. Зачастую это связано с «банальным» национализмом, который отличается от открытого, артикулированного и выраженного национализма тех, кто ведет борьбу за создание новых наций»¹. «Банальный» национализм – это озвучивание вместе-бытия, т.е. повседневное напоминание о своей нации и собственной включенности в нее наряду с другими ее членами.

Классик исследований национализма в рамках конструктивистской парадигмы Б. Андерсон называл в числе прочих факторов, позволяющих миллионам людей каждый день продолжать воображать незнакомое людям реально национальное сообщество и их полноправное членство в нем, ритуал чтения ежедневной газеты – когда разные люди на разных концах страны связаны этим одновременным действием и более чем уверены, что это действие совершают все члены нации в данную минуту. Возникает «ощущение сходства». Со времен описанной Андерсоном ситуации создания креольской нации, коммуникационные средства эволюционировали и в диспозиции у гражданина находится не только одна, но десятки газет и множество новых средств для осознания коллективной идентичности и пробуждения чувства общности, о коих речь пойдет ниже.

Мы сознательно уходим от использования прилагательных (предикатов) «бытовой» или «повседневный» национализм, заменяя их во многом синонимичным словом «банальный». Словосочетание «банальный» национализм, как нам кажется, еще не затуманено множеством смыслов и лишено тех превратных интерпретаций, которых нам бы хотелось избежать. Этот термин «не тянет» за собой полиморфный шлейф значений, которые закрепляют различные авторы за «повседневным» или «бытовым» национализмом.

Так политолог Э.А. Поздняков рассматривает бытовой национализм как

---

¹ Биллиг М. Нации и языки. // Логос. 2005. № 4 (49). С. 63.

средство, находящееся в диспозиции этнического и державно-государственного национализма. Исследователь смотрит на этот феномен крайне радикально, считая, что бытовой национализм выражается в ксенофобии и враждебном отношении к инородцам и представителям других этнических групп¹. Подобных интерпретаций нам бы и хотелось избежать в настоящей работе.

Безусловно, считать «банальный» национализм такой уж безобидной формой национализма было бы не совсем правильно, от этого нас предостерегает и сам М. Биллиг², но и считать его сосредоточением ксенофобии, было бы так же неверно. Как подчеркивала немецкий политический философ Х. Арндт «банальность» не является синонимом «безвредности».

Не для всех групп, живущих в национальном государстве, «банальный» национализм так ненавязчив и незаметен: то, что не видно коренному британцу на улицах Лондона – как то, развивающийся на ветру Юнион Джек на зданиях, или курсирующие по центру города красные даблдекеры, обклеенные афишами выставки о величии Британской империи, и другие символы «британскости» («britishness»), попадая в поле зрения, скажем, палестинца или ирландца, перестают носить оттенок «ненавязчивости» и приобретают характер массивированной пропаганды.

Термин «банальный» национализм («banal» nationalism) в русле исследований воспроизводства национализма («reproduction of nationalism») широко используется в западной гуманитарной науке, но, как нам кажется, незаслуженно обходится стороной (игнорируется) академическим сообществом в России.

Национализм представляет собой не партикулярную политическую стратегию (являющуюся лишь стилем выступления какой-либо политической партии), но условие для осуществления любого политического дискурса. Национализм обнаруживает себя как надязыковая модель и сложившаяся

---

¹ Об этом подробнее см.: Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М., 1994.

² Billig M. Banal Nationalism. London, 1995. P. 7.

традиция аргументации.

Для того чтобы юстировать существующие национальные чувства и контролировать поведение системы, государство, в широком смысле, институционализирует мир. Созданные институты формируют предельно общие и одновременно специализированные средства взаимодействия.

«Банальный» национализм служит для описания «идеологических привычек, которые делают возможным воспроизводство»¹, успех существования любого национализма зависит от ежедневных рутинных, практически бессознательных ритуалов, которые отождествляются с нацией, но при этом не осознаются.

«Банальный» национализм, в рамках концепции М. Биллига в первую очередь проявляется в постоянном ретранслировании в речевых и лингвистических практиках политиков таких, прочно соотносимых с понятием нация/национальная идентичность/патриотизм, концептов как «Родина», «народ», «граждане», «страна» и т.д..

Политическая аргументация без реально существующего референта не будет существовать, она не автономна и не замкнута на себя. При постоянном использовании дейксиса родины (т.е. слов, ее конструирующих) происходит неуловимое напоминание того, кем мы (как члены нации) являемся и где мы находимся. Национальную идентичность можно соотнести с шаблоном, привычным образом говорения и слушания, эксклюдировавшим все инородные элементы дискурса и создающим видимость дома и защищенности.

М. Биллинг приводит несколько формальных негласных правил, которые соблюдаются в любом политическом нарративе²:

1. Национальностью необходимо риторически восторгаться и превозносить.
2. Говорящие обязаны соотносить себя с восхваляемой аудиторией (риторика отождествления, направленная к генерализированному «мы») и в тоже

¹ Billig M. Banal Nationalism. London, 1995. P.6.

² Об этом подробнее см.: Биллинг М. Повседневное напоминание о Родине. // Логос. 2007. № 1 (58).

время легитимно репрезентировать ее.

3. Все националистические нарративы, так или иначе, обращаются к прошлому и к соотношению настоящего и прошлого, которого следует быть достойным. Имманентное чувство стыда, свойственное всей националистической риторике, перерастает то в гнев (появляются «враги» внешние и внутренние, мешающие выполнять нашу высшую миссию или посягающие на честь отцов), то в самовосхваление.
4. Частое использование националистически нагруженного дейксиса¹. «Мы», в политической риторике, произвольно может быть партией, нацией и т.д., что позволяет создать ощущение близости и общности интересов среди тех, кто принадлежит к этому «мы». В воззвании к «мы» речь идет не только о непосредственно присутствующих, но обо всех, кто принадлежит к одному Отечеству.

Мы предлагаем расширить понятие «банальный» национализм, введенное М. Биллингом, и перенести его с политической риторики, вывешивания национального флага и исполнения национального гимна, а также роли болельщика за национальную сборную на разного рода спортивных мероприятиях, на более обширное поле повседневных практик, как то:

- специфический выбор пищи, характерный исключительно для данной нации. При каждом приеме пищи соответственный набор и блюда тут же подсознательно вызывают чувство Родины и инклюдированности в общие традиции. Так, в частности, чай с молоком считается пристрастием специфицированным для англичанина, а вот, скажем, квас склонны любить славянские народы. К тому же специфическая для каждого региона потребительская корзина невольно все время возвращает нас к

---

¹ В филологии дейксис – это указание как способ идентификации объекта через его отношение к речевому акту, в котором о нем говорится. Для понимания значения дейктического высказывания слушатели должны интерпретировать его с точки зрения говорящего, поместив говорящего в центр интерпретационного мира: я — это говорящий, слушатели признают себя в ты/вы, а единство говорящего и слушателей зачастую образует мы.

национальному нарративу. Вряд ли в потребительскую корзину бразильца входит репчатый лук, редис и укроп, а в корзину украинца манго, финики и папайя;

- произведенные на национальном производстве товары (в пику распространенному убеждению Китай не является родиной всего), позволяют фактуализировать родину до городов, а не просто воспринимать ее как красивую абстракцию;
- своеобразная система администрирования, постоянно маркирующая принадлежность к определенной группе. В качестве примера, можно привести систему администрирования СССР (поддержание привилегированного положения для представителей национальных меньшинств при получении высшего образования/места работы и при этом введение негласных ограничений для русскоязычного населения в национальных республиках) ¹. Подобная бюрократическая фиксация этничности только подчеркивала и усиливала разделение между разнообразными этническими группами, гипертрофируя различия между ними. Так же для СССР было характерно и своеобразное разделение труда по национальному признаку: «русские (и близкие к ним этнические группы) преобладали в партийных и государственных учреждениях на общесоюзном уровне, причем процент русских в этих учреждениях увеличивался, а доля русского этноса в населении страны сокращалась. В противовес этому в партийных и государственных учреждениях союзных республик во времена “коренизации аппарата” и более поздние эпохи “выдвижение национальных кадров” доля русских неуклонно сокращалась...»².
- участие в спортивных мероприятиях, которое не сводится при этом только к поведению болельщиков национальных сборных. М. Биллиг, а вслед за ним

---

¹ Об этом подробнее см.: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М., 2011.

² Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. Учебник для вузов. М., 2011. С. 153.

и многие другие исследователи¹ подчеркивают важную роль спорта при конструировании и воспроизводстве национальной идентичности многих людей, но эта роль в первую очередь сконцентрирована на болельщиках, которые поддерживают национальную сборную на международных мероприятиях. Мы предлагаем обратить взгляд не только на трибуны, но и на саму специфику национальных видов спорта, на особенную спортивную культуру, присущую большинству наций. Например, уже сам по себе акцент на игровых видах спорта характерен для американцев², а лыжи для скандинавских стран, в частности Швеции³. Кроме того, предполагается, что характер национального спорта с необходимостью отражает национальный характер: так, бейсбол, по словам социолога спорта М. Киммела является «по-настоящему американской игрой»⁴ и главным национальным времяпрепровождением, которое отражает главные американские ценности – «демократию, предоставление возможностей для каждого, принципы “честной игры”, индивидуализм, командный дух и жажду к конкуренции (перевод мой – Д.Щ.)»⁵.

- и т.д.

Во многом содержательно похожую на «банальный» национализм М. Биллига идею высказал французский исследователь Ж. Готтман, который ввел в геополитику термин «национальная иконография». Разработка иконографии служит действенным средством для укрепления национальной (или политической) идентичности, т. е. доверия граждан, выработки национальной

---

¹ Bairner A. Sports, Nationalism, and Globalization. European and North American Perspectives. NY, 2001. P. 1.

² Об этом подробнее см.: Pope S.W. Patriotic Games: Sporting Traditions in the American Imagination, 1876-1926 (Sports and History). NY, 1997.

³ Подробнее о причинах популярности лыжного спорта в Швеции см.: Sörlin S. Nature, Skiing and Swedish Nationalism. // Tribal Identities. Nationalism, Europe, Sport. Ed. by Mangan J.A. London, 1996. P. 150.

⁴ Цит. по: Bairner A. Sports, Nationalism, and Globalization. European and North American Perspectives. NY, 2001. P. 97.

⁵ Ibid. P. 99.

солидарности и является эффективным средством осознания и фиксации различий между «Я» и «Другой».

По Готтману национальная иконография предполагает наличие определенной системы символов, знаков и образов, «на основании которых у участников той или иной группы рождается чувство общности и самоидентификации в приложении к политической организации этой группы»¹. Национальные символы воспринимаются достаточно широко и включают в себя помимо флага, герба, гимна или государственной идеи, национальные праздники, публичные церемонии, традиции, национально детерминированный уклад жизни и даже систему национальных стереотипов, через призму которых воспринимается и трактуется весь жизненный мир – национальная история, география и геополитика.

§3. Механизмы внешнего воспроизводства национализма

Как отмечает американский ученый М. Биллиг главный признак устойчивости национального государства основан на способности государства вести себя как «вместилище силы» («power container»), используя терминологию Э. Гидденса, и наводить порядок, монополизировав насилие в установленных границах². Самым серьезным испытанием для нации является добыча международного признания от уже существующих наций.

Предыдущий параграф был посвящен механизмам внутреннего воспроизводства национализма, которые находят отражение во внутренней политике государства, сейчас же мы направим объектив на механизмы внешнего воспроизводства национализма, затрагивающие внешнюю политику.

Обе эти области взаимосвязаны и результаты деятельности в одной непосредственно влияют на процессы, происходящие в другой, но, тем не менее,

---

¹ Бабков А.В. Иконографический подход в работах французских геополитиков. // Власть. 2010. №7. С. 71.

² Billig M. Banal Nationalism. London, 1995. P. 85.

они различны по методам. Слепое копирование внутренних практик во вне и наоборот, мало того, что не возымеет должного эффекта, но даже способно нанести вполне ощутимый вред.

Это положение осознается политическими элитами, осуществляющими национальную политику и занимающимися конструированием национальной идентичности. В частности после Второй мировой войны, в атмосфере зарождающейся долгосрочной конфронтации между двумя мирами – капиталистическим и социалистическим, конгресс США, ведший пропаганду западного образа жизни, «...чувствовал настолько серьезные неудобства из-за степени правдивости той правды, которую Америка продвигала по всему остальному миру, что в 1948 г. издал закон Смита-Мундта, запрещающий распространять внутри страны собственную международную пропаганду»¹.

Не стоит думать, что механизмы внешнего воспроизводства национализма включают в себя только неприкрытую пропаганду собственного образа жизни и ценностей. Задействованные методы шире и искуснее.

Внешнее воспроизводство национализма заключается с одной стороны в экспорте определенного «национального стиля жизни» и легитимации принадлежащего отдельной нации «портфеля ценностей», с другой стороны предполагает защиту партикулярных национальных интересов на международной арене, в том числе и силовыми методами (так, например, в обществе после вспыхнувшего в 2008 г. с новой силой грузино-осетинского конфликта, наблюдалась смена нейтрально-либеральной уступчивой позиции в сторону одобрения более жесткой внешней политики в отношении вопросов, затрагивающих интересы России². Подобная картина наблюдалась и в отношении

---

¹ Анхольт С., Хильдрет Д. Бренд Америка. Как культурные ценности одной нации завоевывают сердца и умы миллионов людей в других странах благодаря правильно построенным маркетинговым стратегиям. М., 2010. С. 100.

² Андреев А.Л. Оценка населением образа современной России и ее положения в мире. // Перспективы: Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspectivy.info/rus/nashe/ocenka_naselenijem_obraza_sovremennoj_rossii_i_jeje_p_olozhenija_v_mire_2009-12-02.htm (дата обращения: 15.09.2015).

к украинскому конфликту).

Внешнее воспроизводство национализма продиктовано и является логичным следствием самого понятия национальной идентичности, которое «отрицает предполагаемое единообразие наций-государств»¹.

Нация представляет себя носителем специфичных характеристик и проводником не менее уникальных ценностей. непохожесть одной нации на другую начинается уже с общего национального имени: «Если “мы” представляем себя уникальными, то “нам” нужно уникальное имя. “Мы” утверждаем свое право называть себя так как “мы” хотим, и никто не может узурпировать “наше” имя (перевод мой – Д.Щ.)»².

Национальная идентичность является констелляцией представлений о нации, которые разделяет ее большинство и которые позволяют индивиду соотносить и отождествить себя с данным воображаемым сообществом. Процедура «обретения» национальной идентичности с неизбежностью ведет к инкорпорированию коллективных взглядов не только на такие символические, размытые и сложно фиксируемые феномены как культура, традиции, язык, но и на такие физические константы как пространство и время, т. е. топология и хронология.

Представляется целесообразным для данного исследования использовать понятие гетеротопии, в том смысле, в котором она понимается в имажинативной географии, конечно, не забывая при этом оригинального аутентичного смысла данного феномена, введенного французским философом М. Фуко в дискурс социальных наук.

По Фуко гетеротопия являет собой пространство, сотканное из наборов представлений и отношений, представленных различными образами мест, – они существуют симультантно, нередуцируемы друг к другу и могут быть абсолютно взаимоисключающими или крайне слабо сочетающимися. Гетеротопия всегда

---

¹ Бух А. Япония. Национальная идентичность и внешняя политика. Россия как Другое Японии. М., 2012. С. 11.

² Billig M. Banal Nationalism. London, 1995. P.73.

предполагает систему открытия и закрытия – с одной стороны она проницаема, но с другой абсолютно изолирована¹.

В имагинативной географии фокус расширяется от значимых сакральных и культурных мест, таких как кладбище, театр, сад или площадь, до географических объектов, таких как город или страна. Эти топологические комплексы так же не являются одномерным пространством, а наоборот представляют собой гетерогенное пространство.

Как отмечает российский географ Д.Н. Замятин «структура образа страны представляет собой своеобразную "матрешку": стержневой, или "ностратический" образ как бы спрятан внутри нескольких "упаковок", которые обеспечивают его элиминирование и в известном смысле репрезентацию. Так, в качестве стержневого образа для Германии можно рассматривать немецкую философию, германский милитаризм, культурно-историческую обособленность немецких земель, центральное географическое положение в Европе»².

Гетеротопия страны – это многослойное географическое пространство, объективно существующее и совпадающее с границами государства. Каждый слой этого пространства является репрезентацией имагинативного оттиска реальной территории в национальном сознании (будь то нация, живущая на данной территории, либо любая другая нация).

Так, например, образ своей страны в представлении ее граждан («geopolitical imagination») может кардинально отличаться от ментальных карт этой же территории у ее союзников, у конфликтующих с ней стран. При этом географические образы национального государства, сложившиеся как у носителей национальной идентичности, так и у тех, кто вступает с ними в контакт, активно взаимодействуют друг с другом, создавая своего рода образные «бриколажи», выражаясь языком французского структуралиста К. Леви-Стросса, из чего следует, что происходит интерференция образов.

---

¹ Об этом подробнее см.: Foucault M. Of other spaces, Heterotopias. // Rethinking Architecture: A Reader in Cultural Theory. Ed. by N. Leach. NY, 1997. P. 330–336.

² Замятин Д.Н. Постгеография. Капитал (изм) географических образов. СПб., 2014. С. 328.

Образ страны постоянно транслируется вовне, воспринимается другими странами, изменяется под воздействием этих восприятий и возвращается обратно, меняя при этом первоначальные конфигурации образного пространства страны¹.

Территория переосмысливается и меняет свои метакarakterистики, хотя топологически пространство никуда не перемещается, ландшафт, полезные ископаемые, растительный, животный миры остаются теми же, но географический образ трансформируется. Географические образы изменяются обычно гораздо медленнее, чем объективный мир, т.е. реальное пространство, но они «существуют, как правило, гораздо дольше, чем географические реалии, на которых они основаны»².

Гетеротопия страны, несомненно, влияет на складывание ментальных карт нации и становление национальной идентичности. Географический объект представляет собой не только топографическую точку, но и наполнен культурными ассоциациями и дифференцированными географическими образами.

При конструировании нации или при аргументации принятия какого-либо наднационального решения (как то: вступление в союз государств или военный блок) необходимо жонглировать разными географическими характеристиками, в частности, Турция для оправдания своих притязаний на вступление в Евросоюз выпячивает свою светскость и неразрывную связь с европейской историей, но с другой стороны строит свои взаимоотношения с тюркским миром в контрадикторной риторике. То же самое справедливо и в отношении позиционирования России, которая проявляет даже не двойственность, а тройственность собственной идентичности. С европейскими союзниками Россия представляет себя как многовековая носительница европейских ценностей, со странами Азии бравирует своими восточными чертами, и при этом совершенно по-другому позиционирует себя при контакте со «странами славянского мира».

Зачастую семантические уровни, составляющие гетеротопию, представляют

---

¹ Замятин Д.Н. Постгеография. Капитал (изм) географических образов. СПб., 2014 С. 329–330.

² Колосов В.А. Общественное мнение и «низкая» геополитика. // Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. Под ред. д.г.н. Колосова В.А. М., 2003. С. 30.

собой мифы или стереотипы, не слишком отражающие действительное положение вещей, что при этом не мешает им распространяться и все так же некритически восприниматься широкими массами.

Феномен стереотипизации, как мы уже отмечали в параграфе, посвященном определению воспроизводства национализма, заключается в том, что стереотип не может быть подвергнут анализу, клише нерепрезентативно, очень сложно найти его корни и уж тем более рационально его обосновать – подтвердить или опровергнуть. По сути для репродукции стереотипа не является существенным коррелирует ли он с реальностью или нет, главное в стереотипе – вера в истинность, вера в то, что «наше» представление о мире соотносится с миром, и некритичность восприятия преподносимой информации. Если в стереотип перестают верить, он естественным образом умирает.

Существование национального стереотипа напрямую связано с национальным брендингом и созданием имиджа государства, который представляет собой «стереотипизированный образ страны, существующий в массовом сознании»¹ и сформированный с целью воздействия на общественное мнение как вне, так и внутри страны.

Как отмечает исследователь К. Динни: «Особенности динамики образа страны определяются в основном двумя главными факторами. Первый из них – экзогенный фактор, воздействующий на перемещения и детальную траекторию образа конкретной страны в рамках более широкой образно-географической системы. Такого рода перемещения связаны зачастую со специфической "войной образов", в которой автохтонные географические образы инкорпорируются, порой достаточно мучительно и с рядом сложных трансформаций, в расширяющиеся, "пришлые", конкистадорские по духу образно-географические системы»².

Национальным брендингом целенаправленно занимаются все больше стран – начиная Исландией (с кампанией «Inspired by Island»), Данией (кампания

---

¹ Панарин И.Н. Информационная война и дипломатия. М., 2004. С. 317.

² Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М., 2013. С. 338.

«VisitDenmark»), Австралией (кампания «Best Job In The World») и заканчивая Тайландом (кампания «Hug Thailand»), Китаем (кампания «Made in China, Made with The World») и другими¹.

На примере сложившегося образа России в мире можно показать, к чему привело отсутствие национального брендинга и, как следствие, создание превратного восприятия бренда нации. Автор проекта «Nation Brand Index» С. Анхольт уже однажды констатировал, что Россия на Западе выглядит как: «Энергетический шантажист, агрессор с имперскими замашками, держава, которую до сих пор ассоциируют с коммунизмом, страна, где много снега и плохих дорог, где процветает криминал, а реальным правителем является не президент, а премьер со шпионским прошлым. Наряду с матрёшкой, балалайкой и медведями главные бренды РФ – автомат Калашникова и коктейль Молотова»².

Прекрасное представление о многообразии восприятия различных государств, в том числе и России, дает дизайнер Я. Цветков, который остроумно визуализировал картографические стереотипы представителей различных наций и даже социальных групп³.

Исключительно из прагматических экономических целей бренд региона (города, страны и т.д.) нужен для того, чтобы повысить инвестиционную и туристическую привлекательность региона⁴. Не самые лестные стереотипы о России продолжают с завидным постоянством тиражироваться в западной рекламе⁵.

---

¹ Об этом подробнее см.: Как рекламируют страны. 26.04.2011 // Adme.ru: [сайт]. URL: <http://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/kak-reklamiruyut-strany-262855/> (дата обращения: 15.09.2015).

² Цит. по: России придумали бренд. 08.07.2010. // Adme.ru: [сайт]. URL: <http://www.adme.ru/brending/rossii-pridumali-brend-bbdo-branding-169955/> (дата обращения: 15.09.2015).

³ Об этом подробнее см.: Цветков Я. Атлас стереотипов и предрассудков. М.: 2013; Он же. Atlas der Vorurteile 2. München: 2014.

⁴ Об этом подробнее см.: Бренд региона: зачем русским землям узнаваемый образ. 13.09.2011 // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=238&uid=111955> (дата обращения: 13.02.2016).

⁵ См. например: Образ России в мировой рекламе. 03.08.2010. // Adme.ru: [сайт]. URL: <http://www.adme.ru/kreativnyj-obzor/obraz-rossii-v-mirovoj-reklame-19699/> (дата

Большинство стран (и Россия, безусловно, находится в их числе) практически непрерывно отправляют во внешний мир некие послания о самих себе. Для этой цели, по мнению советника британского правительства по вопросам национального брендинга и исследователя национального брендинга С. Анхольта используется шестиугольник из каналов коммуникации (Анхольт также называет его шестиугольником конкурентной идентичности). На разных вершинах гексагона стоят: международный туризм, экспортируемые бренды, политика правительства страны, возможности для инвестиций, культурное наследие в самом его широком смысле и сами люди, составляющие население того или иного государства¹. Через каждый из этих каналов коммуникации внешний мир получает информацию о том, что происходит и чем живет то или иное государство. Из совокупного воздействия всего вышеперечисленного с течением лет создается репутация и бренд страны².

В широком смысле национальный брендинг можно определить вслед за автором проекта «Nation Brand Index» С. Анхольтом, как «осознанно инициированный процесс, целью которого является позитивное воздействие на популярность, имидж и доверие к стране»³. Кроме этого, в ходе проведения национального брендинга, сознательно складывается и бренд нации, определяемый К. Динни как «уникальное многомерное соединение элементов, которое обеспечивает нации основанную на культурном контексте дифференциацию и соответствие для всех целевых аудиторий»⁴.

В связи со всем вышесказанным, **внешним (экстернальным) воспроизводством национализма** мы будем называть *sensu lato* самопрезентацию, представленность нации на международной арене, ее

обращения: 15.09.2015).

¹ Об этом подробнее см.: Anholt S. Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. NY, 2007. P. 25–26.

² Анхольт С., Хильдрет Д. Бренд Америка. Как культурные ценности одной нации завоевывают сердца и умы миллионов людей в других странах благодаря правильно построенным маркетинговым стратегиям. М., 2010. С. 20.

³ Василенко И.А., Василенко Е.В., Емельянова Н.Н. Имидж России: концепция национального и территориального брендинга. М., 2014. С. 7.

⁴ Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М., 2013. С. 303.

опосредованное через государство членство в ряде международных институтов и организаций. В узком смысле внешнее воспроизводство национализма – это притязание нации (опять же, посредством собственного наличествующего или потенциального государства) на признание ее в качестве нации международным сообществом; либо попытка экспортировать свою национальную идентичность, кодифицирующую определенные стратегии воспроизводства и экспроприрующую некоторые партикулярные «ценностные ресурсы», с целью размещения «брендированной нации» на конкурентном рынке торговли ценностными установками.

Вдобавок ко всему нация в реальном времени оперативно должна решать несводимые друг к другу задачи внутреннего и внешнего воспроизводства одновременно на протяжении всего своего жизненного цикла – убеждать в своем существовании собственных граждан; убеждать в своем существовании другие нации.

Нации необходимо постоянно доказывать свою значимость и незаменимость не только непрерывно конструируя национальную идентичность в своих гражданах, делая их «своими» гражданами, но и в рамках внешней политики, – каждый раз подтверждая свое существование как реального политического актора, оправдывая занимаемые позиции в рамках мирового баланса сил, легитимируя приписывание сигнификаций, демонстрируя правомерность своих притязаний являться нацией.

Любые позиции, которые кажутся твердо установленными, неотчуждаемыми и «вшитыми» золотыми нитками хоть в общую свершившуюся мировую историю (Всемирное прошлое), хоть в флуктуирующее настоящее, на поверку, легко лишаются легитимности мирового сообщества: государств ограниченное количество, но позиций (статусов/ролей/ресурсов/территорий/сфер влияния/общемировых ценностей/ и т.д.) еще меньше.

Если вплоть до наступления XX в. (или даже до Второй Мировой войны) война, в большинстве своем, носила топографически-захватнический характер, то с крахом колониализма и более или менее жесткой выкройкой

межгосударственных границ, на такую стратегию наложено право вето (закрепленное, например, в уставе ООН), нарушение которого ведет за собой взвод курка власти, применение жестких санкций (и морального порицания) не только от непосредственно задействованных в конфликте сторон, но и всех играющих на мировом поле государств.

Захватническая стратегия государства для изменения своего символического статуса (приращение значимости в иерархично устроенном мире путем присоединения новых территорий) невозможна без потерь по ряду озвученных выше причин. Приращение статуса и приращение территории – механизмы отныне не связанные, символическое и топографическое более не коррелируют друг с другом.

Мировое сообщество вошло в фазу мета-войн, где изменение сигнификационных позиций возможно лишь путем перераспределения мета-конструктов, таких, например, как ценности.

В данном контексте ценности представляются как маркер, указывающий на социально-культурную значимость определенных объектов и явлений. Кроме того, что их нельзя пощупать, в остальном, они обладают вполне соотносимым с реальными вещами существованием, может быть, даже более реальным, чем территория (не у каждого с собой есть горсть земли с Родины, но зато внутри каждого есть отпечаток национального характера – «всегда доступность»). Мировых ценностей так же ограниченное количество и каждая нация имеет их несколько в своем владении, инкорпорируя в «национальный характер».

Фактическими остались лишь войны за ресурсы, только благодаря им понятие война не до конца подверглось депривации, обесцвечиванию (кровь делает реальным любое явление к которому прикасается, окрашивая его в красный). Невиртуальные овеществленные войны делают возможными, в частности, такое явление как патриотизм, представляющий собой, в узком смысле, неактуализированную возможность защиты родины, которая в любой момент может потребовать одеть военную форму и подтвердить право гражданина называться гражданином.

Нация (или даже общество в более широком смысле) самоопределяется как данность, ценность ее существования может быть поставлена под вопрос отсутствием или недостатком тех или иных вещей. В следствие этого нация самоопределяется деятельностью, целью которой является создание этих вещей (как материальных, так и в определенных случаях нематериальных) в достаточном количестве и соответствующего качества.

Данный процесс направлен и на экспорт – для регулярного подтверждения своего существования, и на внутренний рынок – для постоянного воспроизводства национальной идентичности и континуального постулирования «вместе-бытия», путем отрезания возможности осуществления селекции других вариантов глобальной непрофессиональной гражданской кооперации, кроме как в рамках национализма и его продукта – нации.

Пока осуществляется генерация непреложной тотальности, нация существует, как только возникает сомнение в ее релевантности и подозрение в некоей мифологичности, эклектичности и прерывности ее истории – национальная идентичность дает трещину и корабль с приспущенным государственным флагом, подобно Титанику, опускается на дно истории. Лакуну же национальной идентичности займет более стойкая система, будь то определенная идеология, возвращение к этническим корням, религиозное самосознание и т.д.

Регионы так же являются воображаемыми сообществами, однако, существованию регионов предшествует существование строителей регионов. Они являются политическими акторами, которые в рамках некоего политического проекта считают, что в интересах этого проекта необходимо вообразить некую пространственную или временную идентичность для определенного региона и распространить эту воображаемость среди как можно большего числа людей. Идентичность (в том числе и региональная) с необходимостью требует наличия различий, которые бы оправдывали ее существование, она «преобразует отличия в

инакость, чтобы подпитывать свою самоуверенность (перевод мой – Д.Щ.)»¹.

Национальная идентичность в этом плане не является исключением и так же гипертрофирует дистинкции, но не только в угоду более четкой демаркации, но также с целью оправдания собственного существования. Если нация не докажет, что чем-то сущностно (не всегда территориально и зачастую даже не генетически – через титульный этнос) отличается от существующих наций, то может столкнуться с тем, что реальность ее существования может быть поставлена под сомнение другими «несомненными» нациями. Нация вставляет в нарратив о себе бесконечное число диакритик, сознательно умножая свою специфичность и партикулярность.

Нация проводит операцию ментальной дифференциации, оккупируя другие – незанятые, отличные ценностные установки, – это один из главных непреложных аргументов для продолжения существования как нации и ограничения притязаний на все то, чем она реально/косвенно/потенциально владеет.

При построении национальных государств недостаточно пересобрать или заново придумать историю и обозначить территорию, нужно доказать легальность своего притязания на давно поделенные ценностные установки – право на этику, т.к. общечеловеческие ценности являются ограниченным ресурсом, за который так же ведутся войны.

Мы сейчас не говорим, о конструировании авто-национальной идентичности (или идеи-для-своих, в идеале, конечно, идея-для-своих и идея-для-чужих должны быть когерентны и, по возможности, правдивы), а о «парадном представлении», об экспорте этой идеи и интернациональном признании, без такого признания любая нация неэффективна как политический конструкт. Нельзя долго строить политику только исходя из внутренних отношений, не интегрируясь в мировое сообщество, не контактируя с внешним миром, т.к. автаркии в конечном счете обречены либо на заведомо жалкое существование, либо на смерть. Взять

---

¹ Connolly W.E. Identity/Difference: Democratic Negotiations of Political Paradox. NY, 1991. P. 64.

хотя бы пример Северной Кореи.

Недостаточно придумать миф только для своего народа, нужно заставить поверить в него и другие народы. Наиболее экстремальным подтверждением нашего утверждения является пример нацистской Германии, руководство которой попыталось фактически пересобрать собственную нацию, базируясь на арийском мифе. Это показывает, что даже если представители собственной нации и уверовали в миф, разделяя идею «особого пути», внешний мир может внести свои коррективы, не признавая за нацией подобного права¹.

Другие народы, как отмечал еще культуролог Э. Саид в революционной для своего времени работе «Ориентализм», воображают себе генерализированный и крайне статичный образ «Другого», который весьма трудно изменить и «изжить» с течением времени. По мнению исследователя «все культуры склонны существенным образом трансформировать другие культуры, воспринимая их не такими, какие они есть, но такими, какими они должны быть (к выгоде воспринимающего)»², тем самым создавая нечто воображенное.

Подобный статичный генерализированный образ «Другого» находит свое воплощение в описании национальных характеров.

Итальянский мыслитель Н. Макиавелли был убежден, что каждая итальянская провинция имеет собственный образ жизни, что непременно отражается на характере людей, населяющих регион (т.е. фактически, Макиавелли говорит о существовании специфического «национального характера»): «Люди, которые родились в одной стране [провинции], демонстрируют на протяжении веков одни и те же характеристики (перевод мой – Д.Щ.)»³.

Немецкий философ И. Кант считал, что национальные характеры основываются на разном чувстве возвышенного и прекрасного, этим и объясняется отличие испанца от итальянца, итальянца от француза, а француза от

---

¹ Об этом подробнее см.: Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом. Немецкая история и катастрофа 1933 года. СПб., 2011.

² Саид Э. Ориентализм. М., 2006. С. 106.

³ Цит. по: Viroli M. For Love of Country: An Essay On Patriotism and Nationalism. Oxford, 1997. P.36.

немца. Кант взял на себя труд подробно описать каждый характер – сначала в своей ранней работе (1764 г.) «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» и затем, в более развернутом виде, в «Антропологии с прагматической точки зрения» (1798 г.).

Национальные особенности, подмеченные Кантом, не сильно отличаются от бытующих в обществе стереотипов (которые с XIX в. не претерпели значительных изменений, что показывает их «закостенелость») в отношении этих народов. Мы приведем лишь некоторые из них. Так, по мнению И. Канта, «**испанец** серьезен, скрытен и правдив. <...> У испанца гордая душа, и он больше склонен совершать величественные, чем прекрасные, поступки <...> он часто суров и даже, пожалуй, жесток»¹, «**итальянец** как бы сочетает в себе чувства испанца и француза; <...> У француза преобладает чувство нравственно прекрасного. Он учтив, вежлив и любезен. Он очень быстро становится фамильярным, склонен к шутке и непринужден в обращении...»², «**англичанин** в начале знакомства холоден и к чужестранцу равнодушен. Он не особенно склонен оказывать мелкие услуги, но, коль скоро он стал вам другом, он готов оказать большие одолжения. Он мало заботится о том, чтобы в обществе казаться остроумным и блеснуть там прекрасными манерами, но зато он рассудителен и степенен»³, «**немец** сочетает в себе чувства англичанина и француза, но ближе всего он, по-видимому, стоит к первому; <...> для него имеют большое значение семья, титул и ранг как в гражданских делах, так и в любви»⁴, «**голландец** по своему характеру склонен к порядку и трудолюбив. <...> Он представляет собой контраст и французу, и англичанину, и его можно было бы назвать весьма флегматизированным немцем»⁵.

Из характеристик народов, данных И. Кантом, можно выявить определенную закономерность и резюмировать, что различные национальные

¹ Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Кант И. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 2. М., 1994. С. 130.

² Там же. С. 131.

³ Там же. С. 133.

⁴ Там же. С. 133–134.

⁵ Там же. С. 134.

признаки должны соотноситься между собой, оставляя возможность для сравнения (как, например, итальянец – это смесь француза и испанца, голландец – флегматизированный немец и т.д.). Интересно, что жившие в России люди, по мнению Канта, в тот момент не обладали тем, что можно было бы назвать природными задатками¹, из которых развился бы особый национальный характер. Мы не можем согласиться с немецким философом по поводу отсутствия характерных черт (о которых речь пойдет ниже) у русской нации.

Каждая нация оказывается необходимо встроена как элемент в уже существующую матрицу наличествующих наций. Отказ от встраивания, предполагает отказ от международного признания – новая нация должна походить на другие нации для того, чтобы получить их признание.

Второе необходимое для международного признания условие – наличие характерных, пусть и придуманных, черт, которые отличают новую нацию от уже существующих.

В этом плане выдающимся представляется пример русской нации. Так, у русских, национальное постулируется через негативные качества, которые при этом не конвертируются в достаточные достоинства. В частности, «чисто русскими» воспринимаются лень, пьянство, чрезмерный фатализм, любовь к халяве и т.д. Вот, например, одно из характерных утверждений о России: «Разбудите меня лет через сто, и спросите, что сейчас делается в России. И я отвечу – пьют и воруют»².

Такое своеобразное позиционирование себя позволяет избежать столкновения с монополиями на ценности, введенной в Новое время странами Европы, а затем получившей свою гипертрофированную форму в рамках азиатских экс- или суб-колониальных государств. Сами установки, оказавшиеся за бортом позитивной ценностной парадигмы были инкорпорированными русскими в становление своей национальной идентичности, маркировав эти незанятые

---

¹ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 7. М., 1994. С. 360.

² Афоризм приписываемый М.Е. Салтыкову-Щедрину. Информация взята с: citaty.info: [сайт]. URL: <http://citary.info/man/mihail-evgrafovich-saltykov-shedrin> (дата обращения: 15.09.2015).

негации как черты специфического национального характера. Для русской нации, в принципе, и не нужно введение Другого, потому что дихотомия уже содержится в самом носителе. Для русских, свой – это и есть другой, а другой есть так же в себе самом (т. е. другой-во-мне).

Для становления себя на поделенной международной арене мировых ценностей возможно несколько вариантов стратегии заимствования.

Первую стратегию мы предлагаем обозначить как «нация-реципиент», из стран по такому пути пошла, например, Япония, сочетающая в себе крайне экзальтированные капиталистические ценности США и традиционный восточный уклад.

Второй стратегией встраивания в уже существующую систему наций государств мы будем называть «нация-наследник», в частности, «новая Россия» является наследником деидеологизированных ценностей СССР.

Третья стратегия заключается в поиске новой генерализированной лакуны. Если же такая лакуна была найдена, образуется «нация новатор», которой остается лишь «подверстать» новый корпус программных текстов, включить в работу неоидеологов, моралистов, «певцов новой нации», которые запустят уже необратимый процесс создания мифов.

Либо, можно оспорить монополию на уже распределенные ценности, но, в ныне сложившейся геополитической и национальной ситуации, новая демаркация представляется слишком сложным делом, сравнимым по масштабу с ядерной реакцией, запускающей бесконечное число неконтролируемых цепных процессов, ставящих под угрозу существующий миропорядок.

Если уже сформировавшаяся нация не способна отстоять свою монополию на присвоенные ею ценностные установки (определившие собой все устройство общества – созданные институты, механизмы социального взаимодействия, произведенные продукты и сигнифицированные предметы), то нация показывает себя слабой – капитулирует, демонстрируя нежизнеспособность и недееспособность. Следовательно, обрекает себя на вымирание или/и истребление.

В этом плане, по нашему мнению, попытка развеять мифы о России должна быть воспринята в строго негативном ключе, т. к. это не только подрывает национальную идентичность, но и способно изменить действующую систему мировых отношений, в неопределенную сторону. Сообщество (Я), как уже говорилось выше, определяет себя через отношение к Другому (Другой), а если этот Другой меняет существенные характеристики, то меняется и образ самого Я.

В российском дискурсе преобладает конвенциональная точка зрения на проблему негативной идентичности (см. например, работы В.Р. Мединского, Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубина), трактуя ее исключительно негативно, стараясь всячески избавиться от «непопулярных» отрицательных качеств.

В частности, Л.Д. Гудков исследует феномен негативной самоидентификации россиян, искажающей ценностные ориентиры и блокирующей естественное желание «жить лучше».

По мнению Гудкова в России наблюдается сильная тенденция «самоутверждения от противного», что соотносимо с пониманием «ressentiment» Л. Гринфельд, о коем говорилось ранее. Происходит солидаризация общества на основании экзистенциальной зависти и раздражения по отношению к ценностям, «принадлежащим» другой нации¹.

Собственно, эта позиция свойственна не только исследователям, но и большому числу простых россиян. По данным опроса, проведенного социологами «Левада-Центра», в национальной системе координат ценятся вещи, которых россиянам патологически не достает – от социальной справедливости до открытости и толерантности².

Русские являются крайне самокритичной нацией, отмечая за собой такие качества как неаккуратность, недостаточная честность и дефицит трудолюбия (лень). Пьянство, как ни странно, не было указано респондентами как

---

¹ См., например: Гудков Л.Д. К проблеме негативной идентификации. // Негативная идентичность.

Статьи 1997-2002 годов. М., 2004.

² Цит. по: Вендина О.И. Вымышленная реальность, или страны мира в представлениях россиян // Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. Под ред. д.г.н. Колосова В.А. М.: 2003. С. 92.

сигнификационное качество, характеризующее «русских как русских»¹. Однако по данным социологических исследований проведенных в Германии, пьянство по мнению большинства опрошенных немцев (90%) занимает первое место в числе качеств, приписываемых русским. При этом негативные качества, присущие русским, не мешают считать Россию мощным государством².

Россия воспринимается международным сообществом как мировая держава, это подтверждают данные исследования «Новостные факторы в глобальном медиа-освещении» (2004 г.), реализованного на основе анализа факторов экономической, политической, географической, культурной близости и контент-анализа взаимного упоминания стран в прессе. Его результаты показали, что ведущие места в рейтинге наиболее часто упоминаемых стран занимают государства-лидеры – США, Россия, Китай, страны ЕС, а также Ирак³.

На наш взгляд установка, направленная на отрицание негативной идентичности, однобока. Конечно, российская идентичность сплошь сотканная из отрицаний, раздираема противоречиями и нацелена на поиск позитивного базиса своего существования. Но, разрушая существующий «клубок негаций», разрушается само здание русской нации, что в точности передают слова Г. Лейбница, сказанные о России: «Если царь уничтожит варварство в своей стране – он обнаружит *tabula rasa*»⁴.

Ориентирование на замену мифов поменяет и сущность нации, на этих мифах построенной, это будет уже другая нация и называться они будут уже не

¹ Здравомыслов А.И. Трансформация смыслов в национальном дискурсе. // Язык и этнический конфликт. Под ред. Олкотт М., Семенова И. М., 2001. С. 34–58.

² Цит. по: Кобзева С., Халтурина Д., Коротаев А., Качков Д. Имидж России в мире количественный и качественный анализ. 29.12.2009. [электронный ресурс] / Перспективы: Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/imidzh_rossii_v_mire_kolichestvennyj_i_kachestvennyj_analiz_2009-12-29.htm (дата обращения: 15.09.2015).

³ Цит. по: Кобзева С., Халтурина Д., Коротаев А., Качков Д. Имидж России в мире количественный и качественный анализ. 29.12.2009. [электронный ресурс] / Перспективы: Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/imidzh_rossii_v_mire_kolichestvennyj_i_kachestvennyj_analiz_2009-12-29.htm (дата обращения: 15.09.2015).

⁴ Цит. по: Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 112.

русскими, хоть и занимающими ту же территорию. Если мы хотим оставить Россию с русскими, то должна остаться неизменной и платформа их ценностных установок. А, так как русская нация была построена на негативных основаниях, можно даже сказать «антиценностях» (между прочим, полностью легитимных), то и производить их переоценку не получится. Просеянная через сито так называемых «западных идеалов» национальная идентичность рискует избавиться от тех характеристик, которые и признаются исключительно русскими; от того, что отделяет русских от других народов не останется ничего, с водой будет выплеснут и ребенок.

Остается вариант не отказываться от негаций, а, что менее очевидно, превратить их из псевдодостоинств в реальные общепризнанные плюсы и козыри. Может звучать смешно, но это с блеском получилось при формировании американской нации (именно новой нации, несмотря на дифференцированный этнический состав). Это шутовской поворот на 180 градусов, когда весь остальной мир пытались убедить и убедили, что Франклиновская философия скупости это – хорошо. Россия должна не бороться с таким раскрученным уже брендом и мифом как, к примеру, «русская халява», но лишь сменить вектор и убедить других в том, что стремление к халяве – это имманентная позитивная установка, бороться с которой означает, в широком смысле, бороться с существованием самой нации.

Запустив процесс национального строительства, нация начинает неизбежно питаться продуктами своего же существования. Эти продукты не имеют срока годности (таким, например, представляется «вечный Пушкин») – они находят вне времени и могут быть соотнесены с историей нации в любой момент ее существования.

Больше всего нация хочет экспортировать продукты своего труда другим нациям, чтобы продемонстрировать себя на рынке тщеславия и еще раз подтвердить свой суверенный национальный и может быть (в зависимости от ценности продукта) сакральный статус.

Во-первых, попадая на рынок свободной конкуренции, произведенные нацией артефакты должны показать свою жизнеспособность и быть во всех

«потребительских корзинах» – как Coca-Cola (является продуктом США) или рингтон из марша Моцарта (Австрия) на мобильном телефоне Nokia (репрезентирующим не только Финляндию как бренд, но и город в этой стране как бренд). Чтобы быть вечными нужно быть вечно востребованными и постоянно воспроизводиться.

Во-вторых, попадая на рынок, любая нация может выразить претензию на производство данного товара или даже в последствие, сделать его своей главной национальной особенностью, облеченной в форму продукта – как это было с матрешкой, которую Россия «позаимствовала» у Японии. Российская империя, как репрезентатор русской нации, на тот момент более сильной, для осуществления варианта экспроприации, подвергла матрешку отчуждению от своей непосредственной родины и сделала ее своим национальным символом. Сейчас, например, идет борьба за звание родины водки, являющейся для России национальным символом. На водку «претендуют» несколько северных стран, в частности, Финляндия¹. Внеконтекстуально, спор может показаться смешным, но если брать во внимание все вышесказанное, то столкновение приобретает несколько иной масштаб.

Для своей полной инсталляции в мировое сообщество, а также для регулярной деполитизированной саморепрезентации внутри собственного государства, нация должна произвести уникальный (или псевдоуникальный, представляющий собой компиляцию из уже известных мини-национальных деталей, других продуктов представленных на глобальном национальном рынке) продукт во всех областях функционирования общества – от кулинарии и строительства до манеры писать и говорить.

Концепция страны происхождения и ее связь с маркетингом известна и широко применяется на практике². Страну происхождения можно вообразить,

---

¹ О масштабе разгоревшегося спора можно судить по публикациям в СМИ. См. например: Лезут в нашу бутылку. Шотландия тоже хочет считаться родиной водки. 08.09.2006. / Время новостей: [сайт]. URL: <http://www.vremya.ru/2006/163/12/160586.html> (дата обращения: 15.09.2015).

² Об этом подробнее см.: Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.,

мысленно представив ее культуру, национальные символы, жителей и, конечно же, продукты. И, возможно, последнее является самым опасным, т.к. способно воскресить все остальное, – достаточно вспомнить знаменитое изречение И. Сталина, сказанное в письме Ч. Эньюлаю в 1952 г.: «Главное оружие Америки... это чулки, сигареты и прочие товары»¹.

Символический капитал культуры, нашедший отражение в коллективных представлениях и культурных символах, необходимо воспроизводится и трансформируется в капитал «материальный» путем изобретения «нечто», что может быть соотнесено только с данной нацией.

Изобретенное совсем не должно быть лучшим, оно просто должно быть достаточно уникальным – это главный критерий. И если уж эта непохожесть и дифференциация была достигнута, то продукт необходимо инкорпорируется в национальную систему. Обычно подобные уникальные национальные продукты позиционируются как незаслуженно подвергнутые забвению давно забытые артефакты, существовавшие испокон веков, и вспомненные только сейчас. Либо продукт позиционируется как стихийно произведенный, представляя собой как будто необходимый в данный момент выплеск и выражение национального характера. Ни в одном, ни в другом случае национальные продукты не воспринимаются как нечто весьма прагматично созданное в рамках некоего государственного заказа.

Пусть национальный продукт не соответствует критериям комфорта, красоты, вкуса, морали и т.д. – он должен восприниматься как абсолютно необходимый для нормального функционирования обыденности в рамках национального.

Таков пример многих национальных блюд, употребляемых и «горячо любимых» лишь в силу традиции и привычки. Многие из них могут не отличаться выдающимся вкусом, но постоянно воспроизводятся в повседневных практиках, в

2013. С. 87–111.

¹ Цит. по: Анхольт С., Хильдрет Д. Бренд Америка. Как культурные ценности одной нации завоевывают сердца и умы миллионов людей в других странах благодаря правильно построенным маркетинговым стратегиям. М., 2010. С. 136.

силу того, что блюдо – это нечто большее, чем блюдо. Оно еще и все хитросплетенное волокно ассоциаций, репрезентаций, ностальгии, мифологии, традиции, памяти и т.д. «Осознанная связь между страной и качеством еды широко известна. Пример тому – Франция и ее отличная репутация в сфере питания»¹.

Еда представляет собой явный инструмент брендинга нации. «Политический брендинг пищи» насчитывает уже более полутора веков и, как отмечает К. Динни в книге «Брендинг территорий», впервые на официальном уровне был применен на Великой лондонской выставке в 1851 г.

Помимо изобретения «нечто» партикулярного в конвенциональных сферах, нация может изобрести и воплотить в жизнь совершенно новое производство – к примеру, парфюмерию или высокую моду, закрепив гордое «originally created in» за своей нацией.

Нужно постоянно, бесконечное число раз, воспроизводить известные практики, делать себя существующим не только через нарратив, но и через производство материальных благ. Процесс подтверждения статуса нации, признанной мировым сообществом и закрепление этого статуса в ООН, совсем не показатель вхождения в вечность. Главное не список участников ООН, главное – «засесть в головах» семи миллиардов человек и особенно в головах тех, кто населяет соседние регионы и страны, которые чаще всего вступают с нацией в контакт. Но не стоит забывать, что люди постоянно меняются – рождаются, умирают, имеют свойство забывать, так что надо постоянно беречь их память, пред-ставать перед ними существующими через воспроизводство продуктов жизнедеятельности нации.

§4. Перспективы воспроизводства национализма и развития национальных государств в условиях глобализации

---

¹ Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М., 2013. С. 88.

На протяжении последних десятилетий, если не столетий в академических и политических кругах не утихают споры о том, когда закончится эпоха национализма. Исследователь Ю. Каменка говорит о подобной практике с немалой долей иронии: «за последние 100 лет смерть национализма была предсказана многими хорошими людьми уверенно и... ошибочно (перевод мой – Д.Щ.)»¹. И действительно, несмотря на предсказанную смерть, национализм, кажется, не собирается сдавать позиции, да и какие силы способны его остановить? Так ли легко поддается разрушению коллективная идентичность (и национальная идентичность как ее частных случай) и что способно ее заменить? Какая новая форма государственности может прийти на смену национальным государствам? Пока у нас больше вопросов, чем ответов.

О смерти национализма говорят, часто связывая конец этого феномена с приходом нового социально-экономического явления, а именно глобализации, которая, по мысли некоторых исследователей (речь о них подробнее будет далее) и забьет последний гвоздь в крышку «националистического гроба».

Для того, чтобы разобраться будет ли национализм жизнеспособен и продолжит ли он воспроизводиться в условиях глобализации, необходимо понять, что же представляет из себя глобализация.

Безусловно, глобализация затронула все сферы социальной жизни и породила глубинную реструктуризацию социальных явлений, процессов и институтов, в том числе идеи нации и связанного с ней концепта национального государства, который был постулирован и закреплён в принципах Вестфальской системы международных отношений, возникшей в Новое время. Но значит ли реструктуризация вырождение и полный упадок национальных государств?

Вестфальская система международных отношений действительно переживает острый кризис в XXI в.. Этот факт трактуется многими исследователями как признак окончательного упадка национальных государств и перехода к новому мировому порядку, который уже не базируется на нерушимой с

---

¹ Kamenka, E. Nationalism: Ambiguous Legacies and Contingent Futures. // Political Studies. 1993. № 41. P. 78.

Нового времени связке «nation-state» (нация-государство).

Нации-государства существуют среди других наций-государств, эту на первый взгляд тривиальную истину отмечал еще Э. Гидденс, говоря о том, что «национальное государство существует только в комплексе других национальных государств, и представляет собой набор институциональных форм управления, поддерживающих административную монополию на определенной территории с четко установленными границами, Оно [национальное государство – прим. Д.Щ.] осуществляет прямой контроль над средствами внутреннего и внешнего насилия и его власть санкционирована по закону (перевод мой – Д.Щ.)»¹.

Говоря о том, что национальные государства канут в лету, необходимо ответить на вопрос, кто будет выполнять государственные функции контроля, упомянутые выше.

Теоретики глобализации говорят с одной стороны о радикальном варианте развития событий, предвещая полное исчезновение национальных государств, что предполагает трансформацию понятия суверенитет и передачу всех функций супранациональным объединениям. С другой стороны, некоторые ученые предпочитают выдвигать умеренные предположения, описывая лишь дисперсию функций между национальными государствами и транснациональными акторами.

Ни для первых, ни для вторых не возникает сомнений в том, что роль национальных государств изменится под влиянием глобализации, остается лишь вопрос насколько.

Говоря о глобализации, исследователям не удается уйти от парадокса глобализма, обозначенного американским исследователем М. Биллигом²: теории, утверждающие упадок национальных государств и национальных культур, формируются в то время, когда одна могущественная нация, представленная США, борется за глобальную гегемонию. Глобальная культура состоит из культур, которые имеют национальный аспект и производятся партикулярными нациями, в

---

¹ Giddens A. Nation State and Violence. Volume Two of A Contemporary Critique of Historical Materialism. Cambridge, 1985. P. 121.

² Billig M. Banal Nationalism. London, 1995. P. 11.

то время как американская культура выглядит как поставщик универсальных символов.

Подобный парадокс связан с «терминологическим смешением» таких близких феноменов как «глобализация» и «глобализм», что логично ставит перед нами задачу устранить создавшуюся понятийную неопределенность, прежде чем двигаться дальше.

По мнению американского политолога, автора понятия «мягкая сила» Д. Найя глобализм представляет собой крайне общее понятие, относящееся к развивающемуся семимильными шагами новому миру глобального взаимодействия, изменившемуся под воздействием технологий. «Глобализм, по своей сути, стремится описать и объяснить не что иное, как мир, который характеризуется наличием сетей связей, охватывающих расстояния нескольких континентов (перевод мой – Д.Щ.)»¹. Человеческое общество, по мнению Найя, развивается в глобалистическом ключе, примеры глобализма можно найти и в Древней Греции, и в Средневековой Европе. «Великий шелковый путь», «путь из варяг в греки» или «Трансатлантика» – все это яркие примеры проявления глобализма, т.е. построения связей между различными народами на больших расстояниях.

Глобализация представляется более узким понятием и относительно новым явлением, характерным для современного общества. Динамичный, скоростной, «сжатый и интенсивный» процесс построения сложных сетей взаимосвязей, которые охватывают большее, чем, когда бы то ни было количество людей из различных регионов – это и есть глобализация. Стоит отметить, автор делает оговорку, что повышение интенсивности глобальной коммуникации ведет к более плотным и сложным взаимосвязям. Это ведет к изменению самой природы этих взаимосвязей, т.е. глобализацию до конца нельзя считать просто высшей степенью или «эссенцией» глобализма. Несмотря на это замечание Найя, глобализация в

---

¹ Nye J. Globalism Versus Globalization. 15.04. 2002. // The Globalist: [сайт]. URL: <http://www.theglobalist.com/globalism-versus-globalization/> (дата обращения: 15.09.2015).

логике его концепции является логичным завершение глобализма, а не новым феноменом.

Глобализм и глобализация действительно крайне тесно связаны, но между этими двумя понятиями, как нам кажется, есть существенные различия, которые не сводятся к вопросам об интенсивности протекаемых событий.

Задолго до Д. Найя, а вместе с ним и других неолибералистов, эту логику развития человеческого общества, как ни странно будет это услышать неолибералистам, описал коммунист В.И. Ленин. Стоит оговориться, что Ленин, конечно, не употреблял терминов «глобализация» или «глобализм», в силу того, что их не существовало. Вот что он пишет в работе «Критические заметки по национальному вопросу»: «развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т.д.»¹.

Развитие мирового капитализма по мнению Ленина проходит обе «стадии», прежде чем превратиться в социализм. Таким образом, если переложить мысль «вождя пролетариата» на сегодняшние реалии, глобализация стирает национальные границы и ведет общество к социализму.

Несколько иначе, по сравнению с Д. Найем, трактует «глобализацию» и «глобализм» профессор К.Х. Момджян. По мысли Момджяна глобализм представляет собой деятельность, глобализация же деятельностью не является и представляет из себя объективный процесс, который распространяет свое влияние на весь мир, вовлекая в него всех людей не только в качестве субъектов, но и в качестве объектов: «это не только то, что делают люди, это то, что происходит, делается с ними»². Поскольку глобализм есть целенаправленная деятельность, то

---

¹ Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. // Критические заметки по национальному вопросу. О праве наций на самоопределение. М., 1954. С. 25.

² Момджян К.Х. Об одном многократно упоминаемом процессе... // Сумерки глобализации.

«как всякая деятельность, глобализм имеет своих, инициирующих эту деятельность, субъектов, ставящих и преследующих свои цели»¹. В данном случае, по мнению Момджяна, целью является установление главенства США во всех сферах от экономики, до политики и культуры.

Особую роль и место США в глобализирующемся мире помимо К.Х. Момджяна отмечало множество отечественных и зарубежных исследователей, таких как А.С. Панарин, Н.А. Косолапов, И.А. Гобозов, Э. Басевич, У. Бек, А. Валладао и другие. Последний отмечал в этой связи, что «США выигрывают от становления взаимозависимого и глобального мира по той простой причине, что их собственное общество уже частично глобализировано и живет в условиях, когда отдельные люди и самые разнообразные их объединения постоянно ищут правила поведения, которые не нарушали бы их взаимоотношений. Америка сейчас оказалась в центре мира потому, что весь мир находится в Америке»².

Немецкий исследователь У. Бек первым дифференцировавший понятия «глобализм» и «глобализация», так же связывает глобализм с действием западных стран по захвату мирового рынка, ставя равенство между этим термином и «неолиберализмом».

Автор говорит о глобализации как явлении, имеющем ввиду: «процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности»³.

Демаркация феноменов глобализма и глобализации, проведенная на подобном основании, кажется нам обоснованной. Наша позиция во многом соотносится с определением глобализации, данным У. Бекком. Глобализация создает принципиально новый структурный уровень социальной реальности и новые формы социальных связей, образование которых стало возможно благодаря

Настольная книга антиглобалиста. М., 2004. С. 38.

¹ Там же.

² Цит. по: Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул М. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М., 2011. С. 238.

³ Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 26.

технологическому прорыву в развитии глобальной системы массовых коммуникаций.

Сущность процессов глобализации, если говорить о национальном значении, состоит в интеграции деятельности национальных акторов в интернациональном масштабе, независимо от их физической удаленности друг от друга, «уплотнении» взаимодействия наций-государств в различных плоскостях (экономической, политической, информационной, социальной, культурной, технологической и других). Наиболее явно глобализация проявляет себя в экономическом взаимодействии, выступающем ключевым компонентом всего процесса, что отмечает большинство идеологов неолиберализма и теоретиков исследования современной глобализации, в том числе и У. Бек.

Однако мы не можем согласиться с выводами, к которым приходит Бек, относительно судьбы национальных государств в глобализирующемся мире.

По мнению исследователя, мир находится в состоянии еще не завершеного перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, от эпохи первого модерна ко второму модерну. Подобное переходное состояние характеризуется им как «общество риска».

В глобальном мире, столкнувшемся с глобальными вызовами и глобальными рисками (например, угрозой терроризма), даже локальные проблемы не могут и не должны решаться в национальных рамках. Как любая локальная проблема потенциально может стать глобальной и освещаться на глобальном уровне, так и любая глобальная проблема может породить большое количество локальных проблем.

Немецкий ученый ставит во главу угла экономические предпосылки и последствия глобализации, веря, что движение глобального капитала способно полностью нивелировать национальное разграничение мира: больше не существует «своего» и «чужого», все касается всех.

Бек лелеет надежду, что связка нация-государство, по его мнению, являющаяся своего рода агрегатом «крепостного права», когда человек сначала принадлежит и лишь потом выбирает, подвергнется разрушению в период

общества второго модерна (постиндустриального общества), на смену национализму придет космополитизм, который «подрывает авторитет государства, ликвидирует политическую монополию национальных государств и международных отношений»¹.

Во многом со своим немецким коллегой согласен и американский исследователь Э. Гидденс, который так же говорит о переносе акцентов влияния на мировые экономические процессы с национального уровня и решений национальных политиков на плечи наднациональных институтов².

По мнению американского теоретика глобализации в будущем нас ждет создание космополитичных наций, которые способны эффективно и оперативно отвечать на вызовы «глобальной эпохи». Она представляет собой следствие слияния этнического, национального и гражданского, где на первое место выходит именно институт «гражданства». Т.е. по сути, для Гидденса космополитическая нация – это гражданская нация Ренана, но занимающая большую территорию. Идеальным примером космополитической нации по Гидденсу, как отмечает профессор М.О. Мнацаканян, является Европейский союз, «где процветает культурный плюрализм новой космополитической нации, для которой "старые" идентичности, история, чувства и т.д. остались позади»³.

Европейской стратегии мультикультурализма, примером которой является Европейский союз и которую Э. Гидденс старательно заменяет на понятие «космополитизм»⁴, обычно противопоставляется американская стратегия плавильного котла («melting pot»). «Melting pot» представляет собой общество, в котором разнородные этнические и расовые компоненты должны были образовать единый сплав, именуемый нацией. В намеченных границах будущей нации находятся приблизительно эгалитарные этнические группы, занимающие

---

¹ Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008. С. 72.

² Об этом подробнее см.: Гидденс Э. Ускользящий мир. М., 2004.

³ Мнацаканян М.О. Глобализация и национальное государство: три мифа // Социс. 2004. № 5. С. 141.

⁴ Гидденс Э. Что завтра: фундаментализм или солидарность. [электронный ресурс]. // Отечественные записки. 2003. №1. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_05.html (дата обращения: 15.09.2015).

примерно одни цивилизационные стадии развития, со сложившимися ценностными, институциональными, нарративными и другими дифференцированными установками. Политическое конструирование нации в стратегии «melting pot» осуществляется без явных предпочтений в селекции «портфеля ценностей» и скорее представляет собой констелляцию из имеющихся в диспозиции платформ, либо же создание уникального новообразования и его инкорпорирование в существующие модели на правах главенствующего.

«Плавильный котел» подразумевает отсутствие каких-либо изначальных предпочтений, оказываемых тому или иному этносу, но лишь подразумевает, на практике все равно достаточно унитарно воспроизводит обратное.

К середине XX в. эта стратегия поголовной ассимиляции и создания «типичного американца», как нам кажется, претерпела крах. США постепенно начали переходить к европейской модели – мультикультурализму, «представляющей американское общество не как однородное целое, а как “салат”, “слоеный пирог”, “лоскутное одеяло”»¹.

Для Гидденса национальная идентичность сродни сепаратизму, т.е. деструктивна и становится причиной конфликтов. Подобной точки зрения придерживается и другой американский политолог Ф. Фукуяма, который в духе У. Бека предрекает национализму скорую смерть как отжившей старой идеологии не коррелирующей с новым либеральным порядком. Для него национализм также представляет собой радикализм (в одном из его проявлений – национальном), что совсем не является сущностью национализма.

Вслед за Э. Гидденсом, У. Беком и Ф. Фукуямой другие весьма известные и уважаемые исследователи, среди которых А. Этциони, Н. Ювал-Дэвис и Э. Хобсбаум, также предсказывают кончину эпохи национализма, связывая это с процессами глобализации, но эти процессы, как ни странно, лишь усиливают националистический характер проводимых политик в попытке как-то обезопасить

---

¹ Баграмов Э.А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов. 09.03.2010. // Вопросы философии: [сайт]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=105&Itemid=52 (дата обращения: 15.09.2015).

нацию от «вторжения» представителей других этнических групп и сохранить культурные особенности входящих в состав нации этносов.

Вместо унификации культурных парадигм или ассимиляции глобальных ценностных установок у нации наблюдается реставрация традиционных или воспринимаемых как традиционные псевдонорм, которые рассматриваются данным этносом как существенные или даже сущностные. Глобализация вместо нивелирования различий, что ведет к успешной коммуникации, наоборот порождает новые нюансы, что ведет к большей конфронтации.

Глобализация и национализм – неразрывно связанные между собой процессы. Поскольку глобальные культурные потоки становятся более интенсивными, они могут способствовать экспансии национализма и укреплению национальных идентичностей, а также обеспечить доступ к культурным ресурсам других наций (ранее мы приводили пример заимствования японской идеи куклы-матрешки Россией), которые могут быть «овнутренены», одомашнены и включены в повседневные практики.

Глобальные процессы совсем не обязательно уменьшают, но наоборот укрепляют чувство национальной идентичности.

В качестве примера, подтверждающего наше утверждение, можно сослаться на случай, который приводит исследовательница Л. Конг, занимающаяся изучением проблемы сингапурских мигрантов, работающих в Китае. Проведя анализ поведения сингапурцев, живущих в Пекине, Конг утверждает, что транснациональное местоположение лишь усиливает их чувство национальной идентичности и приводит к осознанию своей «сингапурскости» («Singaporeanness»). Сингапурцы стараются сохранить, воссоздать и даже изобрести новые традиции, многие из которых не находят массового распространения на их исторической родине (отмечание забытых праздников, ношение национальных костюмов, приготовление практически исчезнувших традиционных блюд и т.д.). Они прилагают множество усилий, чтобы в своей повседневной практике жизни в Китае вдали от «большого Сингапура» воссоздать «маленький Сингапур», или, вернее будет сказать, то, как они себе представляют,

как должен выглядеть Сингапур¹.

Даже если играть по правилам У. Бека, и рассматривать сложившийся миропорядок через линзу экономических отношений (не единственных, представляющих собой глобализацию, но одних из решающих), то все равно упразднение диады нация-государство экономически невыгодно, а заменить ее любой другой наднациональной системой и наделить ее таким спектром полномочий и ответственностей, представляется неразумным.

Снятие экономических барьеров выгодно для больших компаний, они получают дополнительные преференции, выходя на национальный рынок, по демпинговым ценам сбывая качественную продукцию и приводя к банкротству мелких национальных производителей, продукты которых, в силу небольших масштабов производства, стоят дороже. Поскольку дальше получения максимальной прибыли, как показала практика, (хотя бы интенсивное экологически загрязняющее производство в развивающихся странах; постоянный перенос заводов из одного региона в другой в угоду сокращения издержек на производство, в частности, оплату труда и т.д.) интересы транснациональных компаний (далее – ТНК) не простираются, вряд ли можно рассчитывать на их заботу и финансирование наднациональных институтов, которые, в потенции, могут стать международным правительством, что сильно усложнит ТНК жизнь.

Если сейчас приматом является экономика и ТНК уходят от львиной доли налогов перемещаясь по миру: перемещают капиталы в оффшор, пользуются бросовыми ценами на сырье и рабочую силу в бедных странах, в обмен на ожидание вливаний капитала в национальную экономику, то когда мир станет не многополярным (не в смысле деспотичным, но в смысле с централизованным управлением) все эти механизмы перестанут работать для ТНК. Можно ожидать введения более жесткого налогового законодательства, что явно не соотносится со стремлением транснациональных корпораций к увеличению прибыли.

---

¹ Kong L. Globalisation and Singaporean Transmigration: Re-imagining and Negotiating National Identity. // Researchgate.net: [сайт]. URL: http://www.researchgate.net/publication/222501525_Globalisation_and_Singaporean_transmigration_Re-imagining_and_negotiating_national_identity (дата обращения: 15.09.2015)

Один из классиков коммуникативистского подхода к исследованию национализма, немецкий социолог К. Дойч верно замечает, что нация берет на себя не только экономические, культурные и политические функции, но и коммуникационные. Нация «подпитывается» своими этническими корнями, именно они, по мнению Дойча, «склеивают» нацию в единое целое. Наднациональным объединениям пока нечего предложить взамен. «Едва ли можно ожидать, что оно [национальное самосознание – прим. Д.Щ.] уступит место наднациональной лояльности до тех пор, пока в сфере объективной реальности не появится основа для привлекательности более широких наднациональных символов, не менее актуальных и частых в повседневной жизни индивидов и столь же существенных для их интересов, языка, коммуникаций и мыслей, как те переживания, которые привели к осознанию национальности»¹.

Исследователи М. Хардт и А. Негри, несмотря на явную констатацию деформации понятия национальное государство так же не спешат петь гимны наднациональным институтам, границы с «контурных карт» по их мнению стирает абсолютная тотальность, Тотальность с большой буквы – Империя.

Ученые считают, что ослабление суверенитета национальных государств совсем не означает, что суверенитет как таковой приходит в упадок. Он принял новую форму, образованную рядом национальных и наднациональных органов, объединенных единой логикой управления. Эта новая глобальная форма суверенитета и является Империей, происходит «переход от суверенного права национальных государств (и международного права, из него происходящего) к первым контурам постсовременного глобального имперского права»².

Эта новая Империя пытается распространить и подчинить себе все глобальное пространство. Она представляет собой децентрализованный и детерриториализованный аппарат управления, с постоянно расширяющимися границами.

---

¹ Дойч К. Рост Наций // Этнос и политика. Хрестоматия. Авт.-сост. Прусаускас А.А. М., 2000. С. 72.

² Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 19.

Сходных взглядов на перспективы глобального пространства придерживается Л. Гринфельд, высказывая утопическую идею о Соединенных Штатах Мира. В ее понимании национализм прежде всего связан с демократией, т. е. внесловным и внеклассовым равенством граждан. Исходя из этого определения, действительно, соотнесение нации и всего человечества не является противоречивым, но остается неясным какой институт внутри этой эгалитарной констелляции возьмет на себя функции управления общества, учитывая несводимые и противоречивые интересы различных, видимо экс-национальных на тот момент, групп. На наш взгляд, Соединенные Штаты Мира ожидает, скорее, тотальная анархия, а не идеальная демократия.

Концепция национального государства или даже правильнее было бы сказать государственности в ее современном понимании, которое было сформировано в Новое время, подвергается постоянному давлению. С одной стороны, государство должно противостоять процессам глобализации и сопутствующему этим процессам размытию национальных границ, оно постоянно должно доказывать право выполнять свои функции перед транснациональными организациями. С другой стороны, национальное государство находится в бесконечной схватке с этнополитическим движениям и сталкивается с радикальным проявлением этничности, которая начинает играть все большую роль. Желание одного из этносов к самоопределению и постулированию себя в качестве нации не ново и укладывается в логику концепции «одна нация – одно государство».

Это приводит к некоторым противоречиям, с одной стороны глобализация стремится отказаться от национального деления мира и демонтировать связку «нация-государство», с другой стороны все больше этносов хотят актуализироваться в качестве нации и образовать собственное государство, тем самым встроившись в существующее национальное деление мира. Желание актуализироваться в качестве нации понятно, его природу очень точно уловил и объяснил немецкий философ Ю. Хабермас, ответив, что государственная независимость и суверенитет неразрывно связаны с предоставлением равных

гражданских прав: «...никто не может осуществить свое фундаментальное право на равные гражданские права вне контекста этнической нации, обладающей государственной независимостью. С этой точки зрения коллективное право всякого народа на собственную государственность есть необходимое условие действенных гарантий равных индивидуальных прав»¹.

Без использования национального дискурса свои интересы не могут лоббировать ни представители отдельного этноса, ни представители отдельной нации на международной арене, т. к. государства в общем и политические институты в частности, осуществляют свои функции применительно к нациям, а не к отдельным личностям.

Нельзя сказать, что нациестроительство к XXI в. представляет собой завершённый процесс, остается проблема непризнанных государств, фактически, это – народы, которые не успели заскочить в поезд отошедший от перрона индустриализма в Новое время и идущий к признанию независимости. Сегодня уже нельзя безнаказанно кроить политическую карту, как это было несколько десятков лет назад (хотя бы «на волне» всеобщей деколонизации), особенно, если конфликт назревает в сердце Европы. Еще не забылась ситуация в Косово, где столкнулись интересы сербских косоваров и косовских албанцев.

Не все гладко и в стане наций, которые сформировались «вовремя». Так в составе каждой нации продолжают существовать недеэтнизированные объединения, которые не лишены амбиций, если не к образованию независимого государства, то к изменению своего статуса в пределах существующего образования. Даже показательные в рамках нациестроительства США по сути не имеют единой нации и страдают от этнических и расовых стычек. В составе британской нации англичане, шотландцы и валлийцы постоянно находятся в подвешенном состоянии, недавний Шотландский референдум² за независимость

---

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2008. С. 248.

² 18 сентября 2014 г. прошел референдум по поводу независимости Шотландии. Избирателям предлагалось ответить на вопрос: «Должна ли Шотландия стать независимой страной?». В случае положительного ответа большинства, страна могла перестать быть частью Великобритании и стать независимой уже 24 марта 2016 г.. Всего проголосовало 3 623 344

показал насколько быстро может измениться геополитическая карта мира. Другим примером являются этнические конфликты в Канаде между французской провинцией Квебек и британскими территориями – Квебек дважды (в 1980 и 1995 гг.) пытался объявить независимость и проводил референдум¹.

Все больше влияния на мировой арене получают своеобразные наднациональные образования, как то: союзы, организации и региональные правительства, пока, правда, являющиеся совещательным органом, что, казалось бы, должно привести к либерализации и смещению акторов, сплочению регионов и переходу к «Gesellschaft второго уровня», где рассматриваются интересы не отдельного человека, а интересы отдельной нации, партикулярные интересы трансформировались из единичных в национальные. Тогда же, в рамках данной логики, «Gemeinschaft второго уровня» представляют собой наднациональные институты с реальными политическими и экономическими рычагами регулирования, а не только выполняющие функцию дискуссионного клуба.

Поясним подробнее, какой логикой мы руководствуемся и что имеем ввиду, говоря о «Gesellschaft и Gemeinschaft второго уровня».

Как известно, в этнографию часто переносят введенные Ф. Теннисом в чистой социологии понятия Gemeinschaft и Gesellschaft, где Gemeinschaft представляет собой объединение, в котором индивиды ориентированы больше на интересы группы, нежели на свои собственные. Для них структура и порядок Gemeinschaft являются естественными и легитимными, а само объединение возможно, например, по принципу родства или общности территории. Таким образом с Gemeinschaft соотносится этнос и, в более узком понимании, община.

Gesellschaft представляет собой гражданское общество, сознательно сконструированное политическими и экономическими средствами. Для индивида цели объединения, в которое он входит, находятся на ступеньку ниже, чем его

человек, явка составила 84,59%. По итогам референдума 55,3% проголосовавших выступили против независимости.

¹ Уроки истории для Шотландии: референдумы в Квебеке. 08.09.2014. // BBC: ежедн. интернет-изд. URL: http://www.co.uk/russian/multimedia/2014/09/140908_quebec_lessons_for_scotland (дата обращения: 15.09.2015).

собственные, но его собственные цели могут быть когерентными целям Gesellschaft. Gesellschaft таким образом соотносят с индустриальным городским обществом, где, если описывать сформировавшуюся ситуацию, используя терминологию М. Хайдеггера, человек находится выкинутым в мир, не-в-себе, не-дома и т.д.

Нации в данной классификации можно рассматривать как переход от Gemeinschaft к Gesellschaft, где общность интересов еще не утрачена, но подчинена воле формальных институтов, и фактически создана благодаря политической воле на базе сообщества (общины), т. е. имеет под собой базис и сконструирована не на пустом месте, но именно сконструирована и не является естественной. Теннис отмечает, что «в общности со своими близкими мы пребываем с рождения, будучи связаны ею во всех бедах и радостях. В общество же мы отправляемся как на чужбину»¹.

Мы предполагаем, что подобная классификация несколько устарела и в условиях глобального мира, мы имеем дело уже не просто с Gesellschaft и Gemeinschaft в чистом виде, но с их трансформацией, «версией 2.0». На наш взгляд, общество находится на ступени «Gesellschaft второго уровня», где частные интересы представляют из себя уже не просто интересы отдельного человека, но интересы отдельной нации, именно они ставятся во главу угла.

Человечество прошло «развитие» от Gemeinschaft к Gesellschaft и возвращается обратно, т. е. от «Gesellschaft второго уровня» к «Gemeinschaft второго уровня». Это не заколдованный круг – произошел диалектический переход на качественно новый уровень.

«Gesellschaft второго уровня» представляет собой супранациональные объединения, в рамках которых нации-государства, входящие в объединение, отстаивают свои интересы и пытаются достичь устраивающего всех компромисса. Возможно в будущем люди вообразят более глобальные сообщества, т. е. не нации, а «Супернации» или «Сверхнации» – «уже сейчас мы находимся в

---

¹ Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002. С. 10.

процессе, который может кончиться тем, что на планете Земля окажется одно-единственное общество – планетарно-интегрированное человечество»¹. Более 500 млн. человек пытаются вообразить единую Европейскую нацию, что, конечно, ведет к некоторой гомогенизации, но столкнувшись с условиями постиндустриального общества выбор стоит между исчезновением (пусть пока и призрачным) или отказом от некоторой самобытности. Карликовые государства, государства, обделенные ресурсами, не способны адекватно ответить на вызов прогресса и либо исчезнут, либо вольются в коалицию более сильных государств, отказывая себе в осуществлении некоторых частных интересов, в угоду интересам коалиции. На наш взгляд, с таким же вызовом столкнулись и этнические группы во время индустриальной эпохи.

Что же из себя представляет «Gemeinschaft второго уровня»? Как мы уже отметили выше, это – наднациональные институты, где главными будут выступать уже интересы не партикулярных спорадических наций, но интересы всех наций в масштабе планеты. Уже в XX в. после Первой Мировой войны была робкая попытка создать наднациональный институт в виде Лиги Наций, после Второй Мировой войны была создана Организация Объединенных наций (в обоих случаях понятия «нация» приравнивается к понятию «государство»), но эти институты фактически имеют лишь функцию референдума.

Действительно, исходя из реалий практической политики, данные органы все еще носят совещательный характер и сумма всех мощностей и власти, входящих в них государств, не перемножается и даже не складывается. Наднациональные институты все равно уступают по могуществу и реальной способности действовать связке нация-государство, но кто знает, возможно в будущем это изменится и наднациональные институты пройдут проверку на прочность и окажутся в состоянии ответить на грядущие вызовы.

Пока же ничего из этого не произошло, мы находимся в самом начале пути, этносоциальные группы продолжают сохранять свой статус, пусть даже и

---

¹ Момджян К.Х. Об одном многократно упоминаемом процессе... // Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста. М., 2004. С. 44.

утрачивая актуальную самодостаточность и представляя собой часть нации.

Прежде чем прийти к «Gemeinschaft второго уровня» мировым нациям как давно сформировавшимся, так и новым предстоит преодолеть множество внутренних и внешних кризисов. В частности, в последние несколько лет наблюдается острый национальный кризис традиционных обществ, когда в ряде, казалось бы, спокойных стран (Венгрия, Финляндия, Франция) правые (т. е. националисты) приходят к власти¹. Совсем недавно право-популистская партия Швейцарская народная партия одержала крупную победу (29,6%) на прошедших парламентских выборах, что позволит ей стать самой крупной фракцией в швейцарском парламенте².

К ультраправому лагерю в потенции может присоединиться и Швеция, где по недавним опросам 25% граждан поддерживают партию «Шведские демократы», знаменитую своими антимиграционными взглядами³.

Многие нации рассматривают чрезмерное сближение и интеграцию с другими культурами, порожденные глобализацией, как угрозу не только для существования собственной культуры, но и угрозу существования нации вообще. Этот иррациональный страх служит катализатором процессов определения собственной национальной идентичности, доводя потребность в реализации и самоопределении до предела.

На наш взгляд – это еще раз говорит о фактическом крахе такой же красивой, как и нежизнеспособной мультикультуралистской парадигмы.

В международном поле главенствующим субъектом продолжают оставаться нации-государства, которые по замечанию российского политолога А.Ю. Мельвиля задают «базовую “референтную сетку” всех политических процессов в

---

¹ Националисты и евроскептики могут усилить позиции в Европарламенте. 07.04.2014. // РБК: ежедн. интернет-изд. URL: <http://top.rbc.ru/politics/07/04/2014/916299.shtml> (дата обращения: 25.10.2015).

² Кропман В. Правые получили большинство в парламенте Швейцарии. 19.10.2015 // Deutsche Welle: ежедн. интернет-изд. URL: <http://www.dw.com/ru/правые-получили-большинство-в-парламенте-швейцарии/a-18790255> (дата обращения: 25.10.2015).

³ Проблемы с мигрантами повышают в Швеции рейтинг ультраправых. 22.08.2015. // Russia Today: ежедн. интернет-изд. URL: <http://russian.rt.com/article/110556> (дата обращения: 25.10.2015).

мире»¹, подобную мысль высказывает и коллега Мельвиля С.И. Каспэ, по его замечанию «именно нации представляют собой модельные структурные элементы мирового порядка»².

Нам представляется, что нации являются важной составляющей не только политической практики, но и являются важным, прежде всего, экзистенциальным феноменом. Осознание принадлежности к нации как к определенному сообществу помогает заглушить и замаскировать, как бы сказал немецкий философ М. Хайдеггер, заброшенность в мир. Нация позволяет ее представителю действовать в соответствии с уже разработанными и конвенциональными паттернами приспособления и коммуницирования с миром. Как мы уже отмечали в параграфе, посвященном механизмам внешнего воспроизводства национализма, феномен нации позволяет ввести фигуру «Другого», т.е. не принадлежащего к собственной нации и на основании отношения к Другому строить собственную субъективность.

Еще одним фактом в пользу витальности Вестфальской системы выступают непризнанные государства, где люди отдают жизни за признание национального суверенитета, их будет достаточно сложно убедить «чуть-чуть подождать», пока глобализация окончательно не разрушит сложившиеся в индустриальную эпоху отношения, сотрет границы и произойдет тотальная аккультурация всеми всех.

В реальности происходит процесс обратный аккультурации – нежелание ассимилироваться, результатом которого является притязание этноса на создание собственной нации-государства. Если бы реальные политические акторы видели в нациях только атавизм, доставшийся от индустриальной эпохи, в мире не существовало бы столько очагов ожесточенной борьбы за признание государственной самостоятельности (от Южной Осетии и Нагорного Карабаха до Сомалиленда). Сейчас на политической карте мира существует около 120

---

¹ Мельвиль А.Ю. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М., 2007. С. 13.

² Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М., 2012. С. 11.

непризнанных государств (по состоянию на конец 2015 г.)¹, официально находящихся под суверенитетом 60 стран. У части из этих 120-ти есть все признаки настоящего государства от названия и государственных символов до фактического суверенитета, контроля над собственной территорией, населения, системы управления и права, но нет только одного – официального признания.

Как можно судить из представленного списка, вопрос непризнанных государств в разных частях мира (и даже более узко – Европы) решается совершенно по-разному, одни государства в силу исторических, политических, экономических, культурных, внутренних и внешних причин буквально раздираемы противоречиями и разваливаются на части, в то время как другие, сохраняют территориальную целостность и государственный суверенитет.

По соседству со странами Западной Европы, которые вступают в постнациональную эпоху, расположились страны Центральной и Восточной Европы, политический контекст которых все еще остается постмногонациональным. Американский социолог Р. Брубейкер выделяет одно поразительное различие: «в то время как реорганизация политического пространства в Западной Европе устремлена – по крайней мере, насколько можно судить сегодня – к выходу за рамки государства-нации, впечатляющая реконфигурация Центральной и Восточной Европы после окончания холодной

---

¹ В числе непризнанных государств, например:

1. Абхазия (большинством государств признается частью Грузии);
2. Южная Осетия (большинством государств считается частью Грузии);
3. Косово (большинством государств признается частью Сербии);
4. Нагорно-Карабахская Республика (большинством государств признается частью Азербайджана);
5. Турецкая Республика Северного Кипра (большинством государств признается частью Кипра);
6. Донецкая народная республика (официально — часть Украины);
7. Луганская народная республика (официально — часть Украины);
8. Приднестровье (большинством государств признается частью Молдавии);
9. Галмудуг (официально — часть Сомали);
10. Пунтленд (официально — часть Сомали);
11. Сомалиленд (официально — часть Сомали);
12. Вазиристан (официально — часть Пакистана);
13. Тайвань, или Республика Китай (большинством государств признается частью КНР).

войны включает движение назад к государству-нации»¹.

Как отмечает С.Е. Рыбаков с юридической точки зрения процесс уничтожения полиэтнического государства аргументируется правом наций на самоопределение, закрепленном в Уставе ООН². Процесс же по сохранению сложившегося порядка в существующем национальном государстве обосновывается закрепленным в документах ООН неприкосновенностью государственного суверенитета.

Таким образом одна из самых значимых на данный момент наднациональных организаций ООН на данном этапе своего развития неспособна прийти к консенсусу в собственном Уставе и декларациях. Налицо существующая коллизия между принципом нации на самоопределение (статья 1 Устава ООН, изначально статья 2 «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» ООН от 1960 г.) и принципом территориальной целостности (статья 6 «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» ООН от 1960 г.).

Мы будем ориентироваться на текст статей «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» ООН от 1960 г., как более полный. Эти статьи гласят:

«Статья 2. Все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободны определять свой политический статус и свободны осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие.

Статья 6. Любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства или территориальной целостности страны, является несовместимой с целями и принципами Устава Объединенных Наций»³.

Право на гражданские права, по мнению Ю. Хабермаса, неосуществимо вне

---

¹ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 281.

² Рыбаков С.Е. Теоретико-методологические основы исследования этнических феноменов. М., 2001. С. 329.

³ Декларация «О предоставлении независимости колониальным странам и народам». Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г. // un.org: [сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 13.02.2016).

контекста этнической нации, обладающей независимостью, а так как наднациональные институты, в той мере, в которой они существуют сейчас показали свою несостоятельность, то нынешняя национально-государственная модель общества или первый модерн на данном этапе имеет все шансы выстоять под натиском глобализации.

Образ нации-государства как стареющего Левиафана неуклюжего среди бесславных структур прошлого, опровергается готовностью внедрять новые разнообразные административные техники, такие как электронные информационные хранилища и другие формы бестелесного (внетелесного) надзора и наблюдения. Сами структуры праксиса подвергаются изменению и приспособляются к духу времени.

Несмотря на то, что Вестфальская система международных отношений переживает острый кризис в XXI в., на наш взгляд, ее демонтаж и отказ от национального деления мира на данном этапе не является возможным – не из онтологических соображений (нация явно вводит фигуру Другого), не из чисто практических инструменталистских позиций (наднациональные институты пока не обладают реальной независимой властью и мощностью, конфликты все равно урегулируются средствами и силами, находящимися в диспозиции партикулярных национальных государств).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное состояние исследований национализма характеризуется крайней неоднородностью и множественностью мнений по поводу феноменов нации и национализма. Нами был проведен глубокий анализ источников и рассмотрен большой объем литературы как в переводе на русский, так и на английском языке. Несмотря на крайний плюрализм, несущий за собой «понятийную путаницу», мы попытались очертить терминологическое поле и охватить наиболее существенные и значимые теории, посвященные исследованию национализма, чтобы в дальнейшем осветить связанную с этим феноменом проблематику воспроизводства национализма под разными углами.

В академическом поле ведется множество споров по поводу кризиса национализма или даже его скорой смерти, о которой говорят уже десятилетие, если не столетие. По мнению некоторых теоретиков, впрочем, смерть эта уже случилась в середине XX в.. Однако факты политической практики века XXI упрямо говорят об обратном.

Несмотря на такое явление как глобализация, которое, по мнению многих исследователей, должно положить конец эпохе национализма, сам национализм как принцип политической организации сообществ и как социально-исторический феномен, кажется, не собирается исчезать с мировой арены и прекрасно себя ощущает в изменившихся под давлением процессов глобализации социально-экономических условиях.

Мы попытались доказать в данном исследовании, что националистическая логика продолжает воспроизводиться в рамках не только политического дискурса, но и в рамках повседневных, политически опосредованных практик.

Вопрос о том, как существует, воспроизводится и поддерживается национализм в условиях глобализации остается весьма насущным, вне зависимости от того в рамках какой теоретико-методологической парадигмы рассматривать феномены нации и национализма.

В рамках научного дискурса существует множество теорий, ставящих своей целью описать такие комплексные феномены как нация и национализм. В частности, можно выделить два полюса исследований данной проблемы, – примордиалистский и конструктивистский подход. Основанием для классификации служит вопрос о времени появления нации (если такое существует).

Одни исследователи утверждают, что нельзя обозначить период появления нации, национальная принадлежность человека является объективной данностью, имеющей основу в природе или обществе, ее невозможно создать искусственно или навязать. Другие же настаивают на том, что нации в их современном понимании появились лишь в эпоху модерна под влиянием экономических, политических и/или культурных изменений, которые трансформировали социальную реальность, таким образом нации являются искусственными образованиями и результатом целенаправленной деятельности самих людей. Данные ответы приводят нас к разделению существующих теорий на группу примордиалистов и конструктивистов.

В своем исследовании мы исходим из конструктивистской парадигмы, которая представляется наиболее эффективной и продуктивной для изучения феномена национализма и механизмов его воспроизводства. Мы придерживаемся мнения, что точкой отсчета для существования наций в их современном виде стала Французская революция, сыгравшая в этом процессе катализирующую роль. С этого времени нация повсеместно начала представлять собой социальную основу государственности.

Следует отдельно подчеркнуть, что конструктивистский подход в его умеренном виде ни в коей мере не отрицает реальность такого генетического понятия как этнос и не отрицает примордиальности этнического. Нация признается социально-политическим конструктом, связанным с этничностью, тем не менее, апеллирование к общему этническому прошлому при нациестроительстве не необходимо (но на практике, этническое прошлое постоянно вплетается в материю национального настоящего).

В русле выбранной методологической установки **нация** была определена

нами как созданное в рамках осуществления политики национализма политическое сообщество, которое «воображается» по-разному разными людьми.

Признавая искусственный характер наций, мы считаем, что нацию нельзя в полной мере назвать живой системой, поскольку она хоть и обладает такими свойствами как эмергентность (несводимость суммы частей, в данном случае индивидуальных характеристик членов нации, к целому) и самовалидацией собственного существования (не требуется иных внешних мотиваторов для членов нации, чтобы действовать в ее интересах и жертвовать собственной жизнью за нее), но не обладает свойством аутопойезиса (самопорождения и самоподдержания собственного существования), а следовательно нуждается для своего порождения и функционирования во внешнем стимуле, каким и является национализм.

Национализм, таким образом, представляет собой функциональное явление, которое изначально было призвано породить нацию, а потом не допустить ее исчезновения, изобретая, сохраняя и воспроизводя «национально полезные» общественные институты и практики.

Основываясь на определениях, данных исследователями Э. Смитом и К. Калхуном, нами была выработана собственная дефиниция национализма.

Под **национализмом** нами понимается способ постулирования, конструирования и поддержания существования коллективной идентичности, которой является нация.

В качестве основной цели данного исследования был заявлен анализ различных форм воспроизводства национализма в современном глобальном мире.

В этой связи в диссертационном исследовании также предпринимается попытка проведения целостного анализа восприятия извне и внутри процессов национального конструирования и воспроизводства. Одной из смежных целей данного исследования можно назвать попытку продемонстрировать влияние на конструирование и репродуцирование нации ценностных установок, а так же политических риторик и их видоизменение под влиянием глобализации.

Для достижения означенных целей исследования, нами были решены

следующие задачи:

- проанализировано и уточнено содержание понятий нация и национализм (а так же связанных с ними терминов), было показано их генетическое происхождение и применение в академическом поле и дискурсе повседневности;
- изучено множество точек зрения на генезис нации, которых придерживались историки и исследователи национализма в рамках различных теоретико-методологических парадигм. Кроме этого нами были продемонстрированы основные подходы к изучению феномена национализма, а так же рассмотрены их возможности и ограничения;
- выделены основные критерии и характерные признаки, отличающие различные исследовательские подходы к изучению нации и национализма. На основании этих критериев нами была определена конструктивистская парадигма;
- проведен анализ возможности применения конструктивистского подхода для объяснения функционирования национализма в условиях глобализирующегося мира;
- произведена попытка терминологически определить и ввести в отечественный научный дискурс новое понятие – «воспроизводство национализма». Помимо этого нами были установлены основные механизмы внутреннего и внешнего воспроизводства национализма;
- исследовано внутреннее воспроизводство национализма через рассмотрение «банального» национализма, патриотизма и политики памяти;
- проведено исследование внешнего воспроизводство национализма;
- изучено влияние на конструирование и репродуцирование нации ценностных установок, а так же политических риторик и их видоизменения под влиянием глобализации;

- определена сущность такого явления как глобализация, рассмотрены различные точки зрения на ее природу и продемонстрировано ее воздействие на нынешнее общество;
- показаны перспективы развития наций-государств в эпоху глобализации.

Систематизируя результаты проведенного диссертационного исследования нами были сделаны следующие выводы:

Появление таких социальных феноменов как нация и национализм исторически обусловлено особенными социально-политическими и социально-экономическими условиями, сформировавшимися в Новое время.

Нация является социально-политическим конструктом, связанным с этничностью. При изначальном генезисе национальная идентичность вбирает в себя черты того или/и иного этноса, однако национализм не всегда апеллирует к этническому прошлому в своем дальнейшем воспроизводстве. Этничность придает национализму содержательное наполнение и помогает воспроизводству национализма в обыденной жизни, однако его появление обусловлено другими причинами.

Национализм представляет собой политико-идеологический принцип, лежащий в основе функционирования современных государств. Кроме того, национализм, как определенная социальная практика, ставит своей целью создать, поддерживать жизнеспособность и препятствовать разрушению созданного сообщества – нации. Подобные процессы и «усилия» по сохранению нации, имманентные самой природе национализма, мы назвали воспроизводством.

Воспроизводство национализма представляет собой непрерывный самовозобновляющийся процесс производства и создания национальных образов и конструирования национальной идентичности. Воспроизводство национализма осуществляется в двух связанных между собой плоскостях: внутри и вовне.

Внутреннее воспроизводство национализма выступает как цикличное постоянное постулирование национальной идентичности и построения национального образа, объектом воздействия выступает нация, живущая на

территории определенного государства. Внутреннее регулярное воспроизводство нации происходит в рамках «банального» национализма, политики памяти и патриотизма.

Внешнее воспроизводство национализма проявляется в защите национальных интересов на международной арене, легитимации существования данной нации в глазах мирового сообщества наций-государств и оправдания притязания на определенные имманентные ценностные установки, воспринимаемые как характерные для определенной нации.

Внешнее воспроизводство национализма невозможно без попытки экспортировать свою субъективность, синтезирующую определенные стратегии воспроизводства и экспроприирующую некоторые партикулярные «ценностные ресурсы», с целью размещения «брендированной нации» на конкурентном рынке торговли ценностными установками.

Нация в реальном времени на протяжении всего жизненного цикла оперативно должна решать обе задачи – убеждать в своем существовании как собственных граждан, так и другие нации.

Несмотря на то, что Вестфальская система международных отношений переживает острый кризис в XXI в., на наш взгляд, ее демонтаж и отказ от национального деления мира является невозможным – не из онтологических соображений (нация явно вводит фигуру Другого), не из чисто практических инструменталистских позиций (наднациональные институты не обладают реальной независимой властью и мощностью, конфликты все равно урегулируются средствами и силами, находящимися в диспозиции партикулярных национальных государств).

Полученные в процессе исследования результаты обладают новизной и позволяют в дальнейшем осуществлять более полное комплексное изучение таких феноменов как нация и национализм, анализируя их как живые незастывшие феномены, существующие в современных глобализационных условиях, «здесь и сейчас».

Для объяснения процессов конструирования и постоянного поддержания

существования нации во время всего ее жизненного цикла нами был введен термин «воспроизводство национализма», который может быть широко применен в дальнейшем как в теории, так и на практике.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // СПС «Гарант».
2. Статут Международного Суда ООН 1945 года. // Международное публичное право: сборник документов. Т.1. М.: Проспект, 2009.
3. Декларация прав человека и гражданина 1789 года. // Международные акты о правах человека. Сборник документов. М.: Изд-во «Норма-Инфра», 1998.
4. Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту. / Сост. и пер. Певзнер М.Б. СПб.: Алетейя, 2003.
5. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000.
6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
7. Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. и др. Нации и национализм. Сборник статей. М.: Праксис, 2002.
8. Анхольт С., Хильдрет Д. Бренд Америка. Как культурные ценности одной нации завоевывают сердца и умы миллионов людей в других странах благодаря правильно построенным маркетинговым стратегиям. М.: Добрая книга, 2010.
9. Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989.
10. Аршин К.В. Национализм как социально-исторический феномен.: дис. ... к-та. философ. наук. Московский государственный университет. М., 2009.
11. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
12. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
13. Баграмов Э.А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов // Вопросы философии. – 2010. – №2. – С. 34-51.
14. Бабков А.В. Иконографический подход в работах французских геополитиков.

// Власть. – 2010. – №7. – С. 69-73.

15. Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М.: Магистр, 2011.
16. Балибар Э. Валлерстайн И. Раса. Нация. Класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004.
17. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер Пресс, 2008.
18. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
19. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. М.: Ленанд, 2015.
20. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-традиция, 2001.
21. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.
22. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
23. Биллиг М. Повседневное напоминание о Родине. // Логос. – 2007. – № 1(58). – С. 34-71.
24. Биллиг М. Нации и языки. // Логос. – 2005. – № 4(49). – С. 60-86.
25. Бовыкин Д.Ю., Бондарчук В.С., Кирсанова Н.В. и др. Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории. М.: Зерцало-М, Вече, 2005.
26. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет «Издательство КДУ», 2009.
27. Бородай Ю.М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности). М.: ИФ РАН, 1994.
28. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.
29. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
30. Бромлей Ю.В. Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза. // Природа. – 1971. – №2.
31. Бромлей Ю.В. Еще раз о соотношении этнической и экономической общности. // Этнографическое обозрение. – 1972. – №3. С. 86-89.
32. Брубейкер Р. Размышления о национализме и патриотизме. // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое изд-во, 2010.

33. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: ВШЭ, 2012.
34. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
35. Бурдые П. Социология социального пространства. Сборник статей. СПб.: Алетейя, 2007.
36. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005.
37. Бух А. Япония. Национальная идентичность и внешняя политика. Россия как Другое Японии. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
38. Бхабха Х. Местонахождение культуры. // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – 2005. – № 4/5. – С. 159-176.
39. Василенко И.А., Василенко Е.В., Емельянова Н.Н. Имидж России: концепция национального и территориального брендинга. М.: Экономика, 2014.
40. Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике XX в. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1998.
41. Вебер М. Национальное государство и народнохозяйственная политика. // Вебер М. Политические работы. 1895-1919. М.: Праксис, 2003.
42. Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. Сборник статей. М.: Праксис, 2002.
43. Вирно П. Грамматика множества: К анализу форм современной жизни. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013.
44. Вундт В. Проблемы психологии народов. М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2010.
45. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
46. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. М.: Наука, 1993.
47. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
48. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.
49. Гидденс Э. Ускользающий мир. М.: Весь Мир, 2004.
50. Гидденс Э. Что завтра: фундаментализм или солидарность. Отечественные записки. – 2003. – №1.
51. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
52. Гирц К. Насыщенное описание: В поисках интерпретативной теории

- культуры. // Антология исследований культуры, Т.1: Интерпретации культуры. СПб: «Университетская книга», 1997.
53. Гобозов И.А. Государство и национальная идентичность. Глобализация или интернационализм? М.: Книжный дом Либроком, 2014.
54. Гобозов И.А. Куда катится философия М.: Савин С.А., 2005.
55. Государственный суверенитет vs. право наций на самоопределение. Сборник научных статей. / Ред.-сост. Лукьянов Г.В. М.: ИД ГУ – ВШЭ, 2011.
56. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. под ред. Л.М. Дробижевой. М.: РОССПЭН, 2013.
57. Гранин Ю.Д. Глобализация и национализм: история и современность. Социально-философский анализ.: дис. ... д-ра. философ. наук. Российская академия наук Институт философии. М., 2008.
58. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЭР СЭ, 2008.
59. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002. М.: Новое литературное обозрение - «ВЦИОМ-А», 2004.
60. Гумилев Л.С. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-Пресс, 2016.
61. Данн О. Нации и национализм в Германии 1770-1991. СПб.: Наука, 2003.
62. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
63. Дойч К. Рост наций // Этнос и политика. М.: Издательство УРАО, 2000.
64. Дондокова Л. Ю. Краткий тематический словарь по этнологии. – Улан-Удэ: Издательство БГСХА, 2006.
65. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х гг. М.: Мысль, 1996.
66. Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде. // Социологические исследования. – 2010. – №12. – С. 49-58.
67. Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии. – 2010. – №1. –

С. 429-442.

68. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003.
69. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук. // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. №3. – С. 26-50.
70. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
71. Замятин Д.Н. Постгеография. Капитал (изм) географических образов. СПб.: Гуманитарная академия, 2014.
72. Заринов И.Ю. Социум – этнос – этничность – нация – национализм. // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 1. – С. 3-29.
73. Здравомыслов А.Г. «Священность» этноса или релятивизм национальной конструкции? // Социологический журнал. – 1998. – № 3-4. – С. 337-352.
74. Империя и нация в зеркале исторической памяти. / под ред. Герасимов И., Могильнер М. М.: Новое издательство, 2011.
75. Калхун К. Национализм. М.: ИД «Территория будущего», 2006
76. Канетти Э. Масса и власть. М.: Астрель, 2012
77. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т.7. М.: ЧОРО, 1994.
78. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Собрание сочинений в 8 тт. Т. 6. М.: ЧОРО, 1994.
79. Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Кант И. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 2. М.: ЧОРО, 1994.
80. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Издательство института Гайдара, 2015.
81. Каплан Р. Месть географии: что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015.

82. Капустин Б. Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. дом Гос. ун-та. – Высшей школы экономики, 2011.
83. Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН, 2012.
84. Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Гнозис Логос, 2003
85. Каутский К. Освобождение наций. // Марксизм и национальный вопрос. Петроград: Издательство «Пролетарий», 1923.
86. Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм, Научный Аспект, 2014.
87. Кедури Э. Национализм. СПб.: Алетейя, 2010.
88. Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2007.
89. Козлов В.И. Этнос, нация, национализм. М.: Старый сад, 1999.
90. Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века. // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1994.
91. Коротеева В.В. Современные теории национализма. М.: Наука, 1999.
92. Коротеева В.В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. – 1997. – №3. Т.2. – С. 185-203.
93. Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей. // Советская этнография. – 1986. – №3. – С. 58-69.
94. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.
95. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. О праве наций на самоопределение. М.: Госполитиздат, 1954.
96. Ленин В.И. Тезисы реферата по национальному вопросу. // Полное собр. соч. Изд. 5-ое. Т.24. М.: Политиздат, 1973.
97. Лор Э. Русский национализм и Российская Империя: Кампания Против «Вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
98. Лорд Актон. Очерки становления свободы. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992.

99. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль, Русский Остров, 2004.
100. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001.
101. Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь: Сочинение. М.: ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс, 2001.
102. Малахов В.С. Иноходец. // Отечественные записки. – 2004. – № 3(18).
103. Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. М.: КДУ, 2013.
104. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
105. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М.: КДУ, 2005.
106. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015.
107. Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке. Трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009.
108. Малинова О.Ю. Либерализм и концепт нации. // Полис. Политические исследования. – 2003. – №2. – С. 96-111.
109. Малинова О.Ю. Тема империи в современных российских политических дискурсах. // Наследие империй и будущее России. / под ред. Миллера А.И. М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое литературное обозрение, 2008.
110. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: Российская политическая энциклопедия, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
111. Мединский В.Р. О России – «тюрьме народов» / Мифы о России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011.
112. Мельвиль А.Ю. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО-Университет, 2007.

113. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
114. Миллер А.И. Нация как рамка политической жизни. // Pro et contra. – 2007. – №3 (37). – С. 6-20.
115. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. / под ред. Колосова В.А. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003.
116. Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. / под ред. Герасимов И., Могильнер М. М.: Новое издательство, 2010.
117. Мнацаканян М.О. Глобализация и национальное государство: три мифа // Социс. – 2004. – № 5. – С. 137-142.
118. Мнацаканян М.О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. М.: Юнити-Дана, 2004.
119. Момджян К.Х. Антропологический аспект российской самобытности. // Этнос, нация, ценности: социально-философские исследования. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2015.
120. Момджян К.Х. Об одном многократно упоминаемом процессе... // Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста. М.: АСТ, Ермак. 2004.
121. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. М.: Водолей, 2009.
122. Народ, нация, национализм, масса. // Словарь основных исторических понятий. В 2-х т. Т2. / под ред.: Арнаутова. Ю. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
123. Наследие империй и будущее России. / под ред. Миллера А.И. М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое литературное обозрение, 2008.
124. Научные тетради Института Восточной Европы. Выпуск 1. «Непризнанные государства». / Под общ. ред. Погорельского А.Л. М.: Территория будущего, 2006.
125. Национализм. Полемика 1909-1917. / сост. Колеров М.А. 2 изд. М.: Модест Колеров, 2015.
126. Национальные истории на постсоветском пространстве — II. Десять лет спустя. / под. ред. Бомсдорфа Ф., Бордюгова Г. М.: Фонт Фридриха Науманна,

АИРО-XXI, 2010.

127. Ноженко М. Национальные государства в Европе. СПб.: Норма, 2007.
128. Нойман И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
129. Панарин И.Н. Информационная война и дипломатия. М.: Городец, 2004.
130. Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом. Немецкая история и катастрофа 1933 года. СПб.: Владимир Даль, 2011.
131. Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М.: Прогресс - культура, 1994.
132. Саид Э. Культура и империализм. СПб.: «Владимир Даль», 2012.
133. Саид Э. Ориентализм. М.: Русский мир, 2006.
134. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
135. Семенов Ю.И. Философия истории. М.: Современные тетради, 2003.
136. Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л. Национализм. Теории и политическая история. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
137. Снайдер Т. Реконструкция наций. М.: Летний сад, 2013.
138. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004.
139. Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.
140. Сталин И.В. О национальном вопросе. Сборник статей. М.: Центрполиграф, 2012.
141. Реальность этнических мифов. / под ред. Малашенко А., Олкотт М. М.: Гендальф, 2000.
142. Ренан Э. Соб. сочинений в 12-ти томах. Т.6. Киев: Из-во. Б.К.Фукса, 1902.
143. «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. Рябова О.В. и де Лазари А. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
144. Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России). / сост. Ларюэль М. М.: Франко-Российский центр

гуманитарных и общественных наук, 2007.

145. Рыбаков С.Е. Анатомия этнической деструктивности. Тема 1: Два облика национализма. / Вестн. Моск. Ун-та. Сер.18, Социология и политология. – 2001. – №3. – С. 22-55.
146. Рыбаков С.Е. Анатомия этнической деструктивности. Тема 2: Этнический радикализм. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.18, Социология и политология. – 2001. – №4. – С. 3-40.
147. Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов. // Этнографическое Обозрение. – 2000. – № 5. – С. 4-22.
148. Рыбаков С.Е. Теоретико-методологические основы исследования этнических феноменов: дис. ... д-ра. философ. наук. Московский государственный университет. М.: 2001.
149. Рыбаков С.Е. Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001.
150. Рыбаков С.Е. Этничность и этнос. // Этнографическое Обозрение. – 2003. – № 3. – С. 3-24.
151. Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002.
152. Тишков В.А. О феномене этничности. // Этнографическое обозрение. – 1997. – № 3. – С. 3-21.
153. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии, М.: Наука, 2003.
154. Тишков В.А. Российский народ. Книга для учителя. М.: Просвещение, 2010.
155. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Изд-во Московского Университета, 2011.
156. Тэ Юн К. Русский национализм и его особенности в современной России. М.: Издатель Воробьев А.В., 2007.
157. Филюшкина С.Н. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода). // Логос. – 2005. – № 4(49). – С. 141-155.
158. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2008.

159. Флэтли Д. Москва и меланхолия. // Логос. – 2000. – № 5-6(26). – С. 11-28.
160. Фукуяма Ф. Америка на распутье: демократия, власть и неоконсервативное наследие. М.: АСТ, АСТ Москва, ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
161. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, АСТ Москва, Полиграфиздат, 2010.
162. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008.
163. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Издательство АСТ, Транзиткнига, 2004.
164. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.
165. Хардт М., Негри А. Множество: Войны и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.
166. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998.
167. Хьюбнер К. Нация. От забвения к возрождению. М.: Канон+, 2001.
168. Цветков Я. Атлас стереотипов и предрассудков. М.: Альпина нон-фикшн, 2013.
169. Шабает Ю.П., Садохин А.П. Этнополитология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
170. Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): дис. ... к-та. филолог. наук. Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2005.
171. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. / под ред. Барта Ф. М.: Новое издательство, 2006.
172. Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. / Хачатурян Н.А., Варьяш И.И., Гусарова Т.П. и др. СПб.: Алетейя, 2015.
173. Этнос, нация, ценности. Социально-философские исследования. / под ред. Антоновского А.Ю., Момджяна К.Х. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015.
174. Этнос и политика: Хрестоматия./ Авт.-сост. Прусаускас А.А. М.: Изд-во УРАО, 2000.
175. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным

- отношениям. М.: Ладомир, 2004.
176. Юнгер Э. Национализм. / Рискующее сердце. М.: Владимир Даль, 2010.
177. Ян Э. Демократия и национализм: единство или противоречие? // Полис. Политические исследования. – 1996. – №1. – С. 33-49.
178. Ян Э. Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. В 3-х томах. Т.1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. М.: РОССПЭН, 2010.
179. Ян Э. Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. В 3-х томах. Т.2: Национализм в национальных государствах. М.: РОССПЭН, 2010.
180. Ян Э. Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. В 3-х томах. Т.3: Национализм в национально-территориальных образованиях. М.: РОССПЭН, 2010.

Литература на иностранных языках

181. Adams I. Political Ideology Today. Manchester: Manchester University Press, 1993.
182. Anholt S. Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. NY: Palgrave Macmillan, 2007.
183. Anthias F., Yuval-Davis N. Racialized Boundaries: Race, Nation, Gender, Colour and Class the Anti-Racist Struggle. London and NY: Routledge, 1996.
184. Armstrong J.A. Nations Before Nationalism. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1982.
185. Armstrong J.A. Towards a Theory of Nationalism: Consensus and Disconsensus. // Notions of Nationalism. Budapest: Central European University Press, 1995.
186. Ashgate Research Companion to Memory Studies. Ed. by Kattago S. Farnham: Ashgate Publisher Ltd., 2015.
187. Bairner A. Sports, Nationalism, and Globalization. European and North American Perspectives. NY: State University of New York Press, 2001.
188. Bhabha H. Nation and Narration. London: Routledge, 1990.

189. Bell D. *Mythscape: Memory, Mythology and National Identity*. // *British Journal of Sociology*. – 2003. – № 54(1). – P. 63-81.
190. Billig M. *Banal Nationalism*. London: Sage, 1995.
191. Breuilly J. *Nationalism and the State*. Manchester: Manchester University Press, 1993.
192. Connolly W.E. *Identity/ Difference: Democratic Negotiations of Political Paradox*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991.
193. Connor W. *The National Question in Marxist-Leninist Theory and Strategy*. Princeton: Princeton University Press, 1984.
194. D'Agati P.A. *Nationalism on the World Stage: Cultural performance at the Olympic Games*. Lanham, Maryland: University Press of America, 2011.
195. Deutsch K.W. *Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality*. Cambridge, Mass.: Massachusetts Institute of Technology Press, 1966.
196. Deutsch K.W. *Tides Among Nations*. NY: The Free Press, 1979.
197. Dinnie K. *Nation Branding. Concepts, Issues, Practice*. Oxford: Elsevier Ltd., 2008.
198. El-Tayeb F. *European Others: Queering Ethnicity in Postnational Europe*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2011.
199. Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives*. London: Pluto Press, 2002.
200. Foucault M. *Of Other Spaces, Heterotopias*. // *Rethinking Architecture: A Reader in Cultural Theory*. Ed. by Neil Leach. NYC: Routledge, 1997. P. 330-336.
201. Gat A. *Nations. The Long History and Deep Roots of Political Ethnicity and Nationalism*. NY: Cambridge University Press, 2013.
202. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 1983.
203. Giddens A. *Nation State and Violence. Volume Two of A Contemporary Critique of Historical Materialism*. Cambridge: Polity Press, 1985.
204. Glazer N., Moynihan D.P. *Beyond the Melting Pot. The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York City*. Cambridge (Mass.) and London (Eng.):

The M.I.T. Press, 1970.

205. Harris E. Nationalism: Theories and Cases. Edinburg: Edinburg University Press Ltd., 2009.
206. Hayes C. Essays on Nationalism. NY: The Macmillan Co., 1926.
207. Hayes C. Historical Evolution of Modern Nationalism. NY: Russell&Russell Pub., 1931.
208. Hegel G.W.F. Lectures on the Philosophy of World History. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
209. Hinton P.R. Stereotypes, Cognition, and Culture. Hove and NY: Psychology Press, 2000.
210. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
211. Hobsbaum E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
212. Hogg, M.A., Abrams D. Social Identifications: A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Processes. London: Routledge. 1988.
213. Hroch M. Social Precondition National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations. NY: Columbia University Press, 2003.
214. Hutchinson J. Hot and Banal Nationalism: The Nationalization of «the Masses». // The SAGE Handbook of Nationalism. London: SAGE Publications Ltd., 2006.
215. Hutchinson J. Nations as Zones of Conflict. London: Sage, 2004.
216. James P. Globalism, Nationalism, tribalism. Bringing Theory Back in. London: SAGE Publications Ltd., 2006.
217. Josey C.C. Philosophy of Nationalism. Washington D.C.: The Cliveden Press, 1983.
218. Kamenka E. Nationalism: Ambiguous Legacies and Contingent Futures. // Political Studies. – 1993. – №41 (Special Issue). – P. 78-92.
219. Kamenka E. Nationalism: The Nature and Evolution of an Idea. NY: St. Martin's Press, 1973.

220. Kohn H. *The Age of Nationalism: The First Era of Global History*. NY: Harper & Brothers Publishers, 1962.
221. Kohn H. *The Idea of Nationalism. A Study of its Origins and Background*. NY: Macmillan, 1946.
222. Kohn H. *Nationalism: It's Meaning and History*. Malabar, FL: Krieger Publishers, 1982.
223. Kumar K. *Nationalism and the Historians // The Sage Handbook of Nations and Nationalism*. London: SAGE Publications Ltd., 2006.
224. Lippmann W. *Public Opinion*. NY: The Free Press, 1922.
225. Mackay C. *Extraordinary Popular delusions and the Madness of Crowds*. NY: Harmony Books, 1980.
226. Mann M. *A Political Theory of Nationalism and Its Excesses. // Notions of Nationalism*. Budapest: Central European University Press, 1995.
227. Mann M. *The Sources of Social Power. Volume II: The Rise of Classes and Nation-states, 1760-1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
228. Moilanen T., Rainsto S. *How to Brand Nations, Cities and Destinations. A Planning Book for Place Branding*. NY: Palgrave MacMillan, 2009.
229. Morgenthau H. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. NY: Albert A. Knopf, 1948.
230. Musil R. *Monuments // Musil R. Posthumous Papers of a Living Author*. London: Penguin Books, 1995.
231. Nairn T. *Faces of Nationalism: Janus Revisited*. London: Verso, 1997.
232. Nairn T. *The Break-Up of Britain: Crisis and Neo-Nationalism*. London: Verso, 1977.
233. Özkirimli U. *Theories of nationalism. A critical introduction*. NY: St. Martins Press, 2000.
234. Pickering M. *Stereotyping: The Politics of Representation*. NY: Palgrave Macmillan, 2001.
235. *The Pocket Book of British Patriotism. The History of Great Britaion and the World. / compiled by Courtauld G*. NY: Streling Publishing Co., 2004.

236. Pope S.W. *Patriotic Games: Sporting Traditions in the American Imagination, 1876-1926* (Sports and History). NY: Oxford Press, 1997.
237. Puri J. *Encountering nationalism*. Malden, (Mass.): Blackwell Publishing, 2004.
238. *The SAGE Handbook of Nations and Nationalism*. / ed. by Delanty G., Kumar K. London: SAGE Publications Ltd., 2006.
239. Sen A. *Identity and Violence. The Illusion of Destiny*. London: Penguin Books, 2006.
240. Seton-Watson H. *Nation and States. An Inquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*. Colorado: Methuen, 1977.
241. Smith A.D. *Myths and Memories of Nation*. NY: Oxford University Press, 2000.
242. Smith A.D. *National Identity*. Reno: University of Nevada Press, 1991.
243. Smith A.D. *Nationalism and Modernism*. London and NY: Routledge, 1998.
244. Smith A.D. *Nationalist Movements*. NY: St. Martin's Press, 1976.
245. Smith A.D. *Nations and Nationalism in Global Era*. Cambridge, Polity Press: 1995.
246. Smith A.D. *The Nation in History: Historiographical Debates about Ethnicity and Nationalism (The Menahem Stern Jerusalem Lectures)*. Hanover: University Press of New England, 2000.
247. Smith A.D. *The Nation Made Real: Art and National Identity in Western Europe, 1600-1850*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
248. Smith A.D. *Theories of nationalism*. London: Holmes and Meier, 1983.
249. Smith A.D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell, 1986.
250. Smith A.D. *The Ethnic Revival*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
251. Snyder L.L. *Encyclopedia of Nationalism*. NY: Paragon, 1990.
252. Snyder L.L. *The New Nationalism*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 1968.
253. Tagore R. *Nationalism*. London: Penguin Books, 2010.
254. Tilley V. *The Terms of Debate: Untagling Language about Ethnicity and Ethnic Movements*. // *Ethnic and Racial Studies*. – 1997. – №20(3). – P. 497-522.
255. Tilly C. *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton: Princeton University Press, 1975.

256. Torpey J. *The Invention of Passport. Surveillance, Citizenship and the State.* Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
257. *Tribal Identities. Nationalism, Europe, Sport.* Ed. by Mangan J.A. London: Frank Cass, 1996.
258. Tsvetkov Y. *Atlas der Vorurteile 2.* München: Knesebeck, 2014.
259. Van den Berge P.L. *Ethnic pluralism in Industrial Societies: A Special Case.* // *Ethnicity.* – 1976. – № 3. – P. 236-246.
260. Van den Berge P.L. *Race and Ethnicity: A Sociobiological Perspective.* // *Ethnic and Racial Studies.* – 1978. – №1(4). – P. 401-411.
261. Van Langenhove L., Harrë R. *Cultural Stereotypes and Positioning Theory* // *Journal for the Theory of Social Behaviour.* – 1994. – № 24 (4). – P. 359-372.
262. Viroli M. *For Love of Country: An Essay On Patriotism and Nationalism.* Oxford: Clarendon Press, 1997.
263. Ward B. *Nationalism and Ideology.* NY: W.W. Norton & Company Inc., 1966.
264. Zimmer O. *Nationalism in Europe, 1890-1940.* NY: Palgrave MacMillan, 2003.

Электронные источники

265. Андреев А.Л. Оценка населением образа современной России и ее положения в мире [Электронный ресурс]. // *Перспективы: Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы.* URL: http://www.perspectivy.info/rus/nashe/ocenka_naselenijem_obraza_sovremennoj_rossii_i_jeje_polozhenija_v_mire_2009-12-02.htm
266. Баграмов Э.А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов [Электронный ресурс]. // *Вопросы философии.* URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=105&Itemid=52
267. Бренд региона: зачем русским землям узнаваемый образ. 13.09.2011. [Электронный ресурс]. // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=238&uid=111955>

268. Государственная Программа «Патриотическое Воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы» (утв. постановлением Правительства РФ от 16 февраля 2001 г. №122). // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». URL: http://base.garant.ru/1584972/#block_1000#ixzz3zzVfaiMC
269. Государственная Программа «Патриотическое Воспитание Граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы». (утв. постановлением Правительства РФ от 5 октября 2010 г. №795). // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». URL: http://base.garant.ru/199483/#block_10000#ixzz3zzC5E987
270. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы» (утв. постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. №1493). // Справочно- правовая система «КонсультантПлюс»: [Электронный ресурс] / НПП «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PNPA;n=9142;div=PRJ;dst=100025,-1;rnd=189271.6221551497001201>
271. Как рекламируют страны. 26.04.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/kak-reklamiruyut-strany-262855/>
272. Кара-Мурза С., Куропаткина О. Нация и нация. 28.10.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://centero.ru/digest/natsiya-i-natsiya>
273. Кобзева С., Халтурина Д., Коротаев А., Качков Д. Имидж России в мире количественный и качественный анализ. 29.12.2009. [Электронный ресурс]. // Перспективы: Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/imidzh_rossii_v_mire_kolichestvennyj_i_kachestvennyj_analiz_2009-12-29.htm
274. Кропман В. Правые получили большинство в парламенте Швейцарии. 19.10.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/ru/правые-получили-большинство-в-парламенте-швейцарии/a-18790255>

275. Лезут в нашу бутылку. Шотландия тоже хочет считаться родиной водки. 08.09.2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vremya.ru/2006/163/12/160586.html>
276. Миллер. А.И. История понятия нация в России [Электронный ресурс]. URL: <http://postnauka.ru/faq/30634>
277. Националисты и евроскептики могут усилить позиции в Европарламенте. 07.04.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/politics/07/04/2014/916299.shtml>
278. Ремизов М. Национализм и конструктивизм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article22685.htm>
279. Образ России в мировой рекламе. 03.08.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adme.ru/kreativnyj-obzor/obraz-rossii-v-mirovoj-reklame-19699/>
280. Патриотизм и государство. 29.04.2015. [Электронный ресурс]. // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/old/29-04-2015/patriotizm-i-gosudarstvo>
281. Подмена понятий: патриотизм в России. 27.05.2014. [Электронный ресурс]. Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/old/27-05-2014/podmena-ponyatii-patriotizm-v-rossii>
282. Пресс-выпуск № 1295. 20.08.2009. [Электронный ресурс]. // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=12311>
283. Пресс-выпуск №1522. Новый русский патриотизм: национальный, государственнический или гражданский? 23.06.2010. [Электронный ресурс]. // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13603>
284. Пресс-выпуск №1563. Чем гордятся россияне. 19.08.2010. [Электронный ресурс]. // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13741>
285. Пресс-выпуск №1728. Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? 11.04.2011. [Электронный ресурс]. // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111514>
286. Пресс-выпуск №2269. Политическая жизнь страны: оценка и участие. 03.04.2013. [Электронный ресурс]. // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113813>

287. Пресс-выпуск №2357. История, спорт, наука: чем гордятся россияне? 29.07.2013. [Электронный ресурс]. // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114310>
288. Пресс-выпуск №2911. Герб, гимн и флаг России: знание и отношение. 20.08.2015. [Электронный ресурс]. // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115359>
289. Проблемы с мигрантами повышают в Швеции рейтинг ультраправых. 22.08.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.rt.com/article/110556>
290. России придумали бренд. 08.07.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adme.ru/breeding/rossii-pridumali-brend-bbdo-branding-169955/>
291. Семенов Ю.И. Из истории теоретической разработки В.И. Лениным национального вопроса [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/library/id_2670.html/
292. Уроки истории для Шотландии: референдумы в Квебеке. 08.09.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.co.uk/russian/multimedia/2014/09/140908_quebec_lessons_for_scotland
293. Уроки патриотизма воспитают революционеров [Электронный ресурс]. URL: http://www.igso.ru/articles.php?article_id=315
294. Kong L. Globalization and Singaporean Transmigration: Re-imagining and Negotiating National Identity [Электронный ресурс]. URL: http://www.researchgate.net/publication/222501525_Globalisation_and_Singaporean_transmigration_Re-imagining_and_negotiating_national_identity
295. Languages across Europe. France [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.co.uk/languages/european_languages/countries/france.shtml/
296. Nye J. Globalism Versus Globalization. 15.04. 2002. [Электронный ресурс]. // The Globalist. URL: <http://www.theglobalist.com/globalism-versus-globalization/>
297. Orwell G. Notes on nationalism [Электронный ресурс]. URL: http://orwell.ru/library/essays/nationalism/english/e_nat